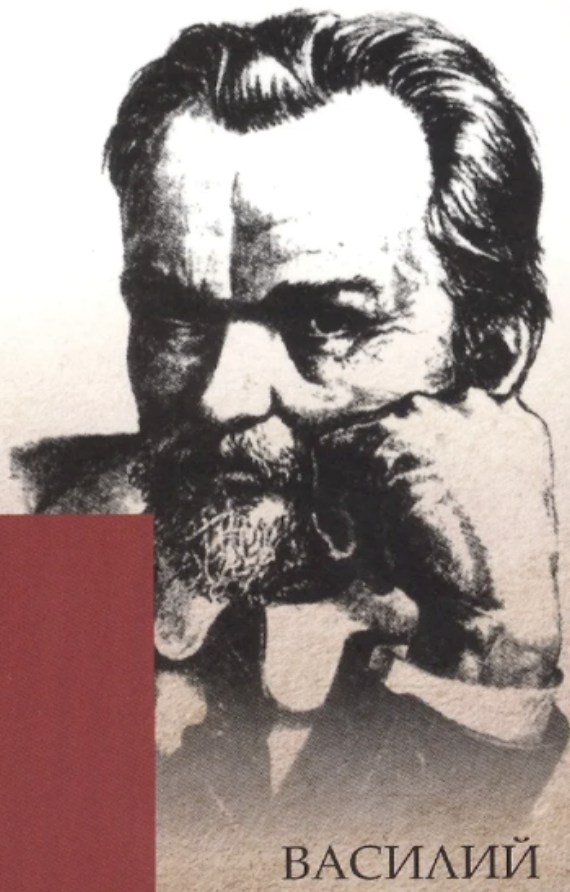

ВАСИЛИЙ

РОЗАНОВ

МР
Мыслители
ПРОШЛОГО

Мыслители
ПРОШЛОГО

А. А. Грякалов

ВАСИЛИЙ
РОЗАНОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2017

УДК 1(470)(091)

ББК 87.3

Г92

Грякалов А. А. Василий Розанов. — СПб.: Наука, 2017. — 287 с.

ISBN 978-5-02-039642-5

Книга посвящена выдающемуся русскому мыслителю и писателю второй половины XIX—начала XX века Василию Розанову (1856—1919), создателю новой формы литературы и мысли, сопряженной с проблемой понимания в его связи с письмом и словом, с их выходом к реалиям жизни. Автор книги показывает мыслителя как человека модерна, который доводит модернистское сознание до его истощенности и обращает против самой идеи модерна, а также расширяет классическое основание мысли. Творчество В. Розанова близко традиции апофатки — пониманию смысла, несводимого к ситуационным ценностям и значениям.

© Издательство «Наука», 2017

© Грякалов А. А., 2017

© Палей П., оформление, 2017

ISBN 978-5-02-039642-5

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь есть дом, писал Василий Васильевич Розанов, а дом должен быть тепел, удобен и кругл. Но прежде чем быть дому обустроенным, необходима мысль о доме — в бытие укорененная с неповторимым именем и *любовностью*: «Побежим к мысли» (В. В. Розанов). И хоть никакой забег не достигает конечного завершения, обаяние истины устремляет к умственному движению — через *удар, боль, озарение*.

Так в разломах существования: «Русь слиняла в два дня. Самое большее в три» (В. В. Розанов).

В какой степени Розанов не только *мыслитель прошлого*, но и *мыслитель настоящего*?

Более того — *мыслитель будущего*?

Ведь настоящий философ только тот, кто способен предугадать характер будущей войны: из-за чего происходит трагическая разделенность между людьми? В какой правоте

оказываются слова Розанова о том, что в романе «Подросток» Достоевский несравненно по мягкому поэтическому свету, который разлит в романе, и по глубокой грусти, которой проникнуто передаваемое видение, изобразил *будущее атеистическое* состояние людей?

Как возможен человеческий *мир*?

Время-хронос хранило предшествующие состояния и пробрасывало настоящее в будущее. А *время-эон* — стремительное прехождение, где настоящее словно бы вовсе не существует. *Скоропечатание* космист Николай Федорович Федоров соотносил со *скорострельностью*.

Постмодернистский терроризм в любом месте взрывает существование.

Как противостоять?

Розанов говорил о поиске утверждающих начал. Его творчество в целом сближается с традицией *апофатики* — понимания смысла, несводимого к ситуационным ценностям и значениям. Так консерватизм важен как сохранение и преемственность, а не как идеологизированная доктрина. И тут прислушаться стоит к словам Розанова, написанным в 1900 г.: «Стоячесть русской жизни, ее великолепная недвижность... решительно не вытекает из действительного и есть просто фантом, род умственного поветрия, крайне заразительного и сладкого для болящих, но тем более опасного. ... Тут лечение заключается именно в про-

сыпаний, в возврате к действительности, потому что самая суть болезни есть сон и призрак и воображение».¹ Розанов писал о некотором вырождении консерватизма как об «утомленности душевной», разной «альбомной мелочи» («седой локон», «французские букли»; «желтые странички и побледневшие чернила»). Казалось бы, сказанное — существенное несоответствие не только *самому* консерватизму, но и сегодняшним дням.

Но для Розанова именно вопрос о *самости* консерватизма требует уточнений. Ведь о чем он ведет речь, критикуя нежизненность его журнального — *альбомного* — состояния? «Какое до всего этого боли русской?! А живое сегодня растет из вчерашней боли — это физиологично, наконец — это правда! Выморощенное место — да, вот куда вы встали, и вот почему вы упали...». Розанов против того, что он называет «стоячий консерватизм, или, вернее, консерватизм, летящий в прошлое...».² Консерватизму не хватает утверждения — он все «за что-то скрывается». Но даже «ностальгический консерватизм» можно рассматривать как ценное хранящее воспоминание. Более то-

¹ Розанов В. В. Судьбы нашего журнального консерватизма // Розанов В. В. Юдаизм. Статьи и очерки 1898—1901 / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 503.

² Там же. С. 504.

го: критика консерватизма должна быть обращена также на то, что ему вовсе изначально не соответствует — на *либерализм*, тем более на его новейшее проявление — *псевдолиберализм*. Разве либеральное представление о мире и современности во всем является утверждающим?

Розанов отвечает: «„Либерализм“, „пустой либерализм“ мне представляется звенящей погремушкой, которую стоит только бросить под ноги. ... Тут нет *идей*, а какой-то неопределенный *дух*».¹ Но «доля либерализма», «либерального духа» в обществе, в печати, в законодательстве, в сферах духовных и вещественных — необходима (В. В. Розанов). Другое дело, что *свобода без веры* (совершенно определенного, как бы кристаллизованного идеала) — *не нужна*. «Вера, *fides* не непременно религиозная, но, например, научная, философская, общественная, хотя в том числе и религиозная, мне представлялась неким субстратом, содержанием свободы, как бы легкими по отношению к воздуху. Воздух нужен, когда есть дышащее, легкие».²

¹ Розанов В. В. О либерализме как некотором общем духе // Розанов В. В. Религия и культура. Статьи и очерки 1902—1903 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 627.

² Там же. С. 626.

Важно то, что утверждает жизнь.

И сегодня стремление удержать «радикальное неравенство духовное или имущественное» никак существование не утверждает. Консерватизм должен *лететь* не в прошлое, а в будущее — необходимо *понимание* жизни во всей полноте. И либерализм нужен везде там, где есть «факт угнетения» — либерализм «нравственно необходим» *просто в самом себе* и *обеспечен* для всех, пока есть дух притеснения, живущий в обществе, в печати, «живущий придирами» (В. В. Розанов).

Как в настоящем создавать утверждающее будущее?

Розанов дает объяснение: «Принцип поднимает человека: в принципах — Бог; принцип — ангел истории. Кто уцепится за крыло восходящего ангела, — спасен, сияет, отечеству нужен; кто имел безрассудство или рок взяться за крыло ниспадающего ангела, — полетит с ним в бездну».¹ Именно *восходящие силы* должны быть найдены — по Розанову: *понимание, вера, память, отечество, семья, любовь, творчество, просвещение*. И речь — непременно о *философии*. В жизненных силах и философских идеях могут сойтись в единении утверждающий консерватизм и открывающие жизненное творчество либе-

¹ Розанов В. В. Судьбы нашего журнального консерватизма. С. 504.

ральные свободы. Главное, чтоб никогда не могла случиться утрата *меры*. Следовательно, задача мысли — сделать *войну-вражду* хотя бы в малой степени предотвращенной. Призраки бродят по Европе, по всему миру — не только призраки коммунизма, где лики-идеалы смешаны с личинами демонов. Призраки, как известно, не умирают. Воплощенный призрак, существующий при зраке всякой ослабевающий власти сегодня — постмодернистский *терроризм-упырь*, что шастает по вселенскому существованию.

Розанов предупреждал о таких *фантомах*.
Как сохранить человеческое?

А если человеческое не сохраняется, как удержатся государства, институции, власти? — Розанов предельно внимателен к историческим формам жизни. В каждом случае писатель-мыслитель именно об этом толкует, сомневается, прорывается сквозь сомнения. И *литературу* — дело своей жизни, понимает как дар, как служение и жертвенность.

Откуда философия, откуда литература, откуда музыка? Из какого первородного жеста танец Айседоры Дункан? Из одного родника, из одного источника: когда понял человек, что жизнь бесконечна, а он сам — конечен. Как примирить непримиримое? Как выразить?

Как спастись?

Только пониманием, любовью и верой — везде присутствующими силами. «Свой край,

наконец, родина, суть более обширные, но однородные с этими предметы культа, особой любви».¹ Но предметы обретают способность хранить только тогда, когда человек любит своих ближних, чтит их. Наконец, есть чисто духовная предметная сфера, которая окружена благоговением: «Это уже чрезмерно высокая степень духовного развития, поднявшись на которую человек разрывает со своей животностью».² Подобное не значит, что человек перестает быть тем существом, которое вышло из лона природы — происходит становление, где он способен держаться любимых идей: «Джордано Бруно, всходящий на костер за дорогую открытую им истину, быть может, за заблуждение своего ума, — вот высокий образец культа, к какому способен подняться человек» (В. В. Розанов). Человек остается человеком только в той мере, «доколе любит, насколько чтит, преклоняется». Такова высказанная Розановым философия *любовности*: разве ее можно свести к навязчиво повторяемым словам об *эротизме*? Розанов говорил о *любвонной экософии*: жизнь понята в единстве органики и духовности — есть «цепкость жизни», где идеалы соотнесены с природным существованием.

¹ Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. С. 30.

² Там же.

Сегодня, когда апокалиптичность гнетет — восстал брат на брата на житейских переходах — улицы превращаются в непримиримые перекрестья, — чем можно удержать жизнь? Совместные переживания многими как будто бы совсем забыты, общие беды, по-разному подаваемые в интерпретациях, разделяют.

Нет общей жизненной и исторической борозды — чем тогда держится существование?

Пушкин призывал милость к падшим из вселенской *онтологии* веры, где безверие — знак утраты. А Розанов внимает тому, что умом и сердцем вызвано на встречу. Я сам, говорил он, призвал Бога. Призывание Розанова — дело писателя и мыслителя. Тут субъект пребывает за пределами самого себя: складывается актуализированная в ХХI в. *сверхсубъективность* (Филипп Лаку-Лабарт). Жизнь и творчество («Творец был один, а все остальные просто пишут», — мог бы сказать Розанов) не нужно противопоставлять, хотя нельзя и не различать: в найденной точности слов смысл предстает как отчетливое до ясности присутствие жизненного *света-солнца*. И не только тела святых, нагота которых не видна — святые одеты в свет, но тела всех людей, даже предметы могут быть облачены в свет понимания. И во всем, что делал «переменчивый публицист Розанов», как точно заметил В. В. Биbihин, будет присутствовать и многое

определять именно первичный замысел трактата «О понимании» (1886).

Гений тот, кто создает собственный смысловой и языковой космос — Розанов утверждает свое неповторимое *письмо*. И через вслушивание, всматривание, через «философствование ощупью» дает возможность рождаться мысли. В диагностике его можно сопоставить с европейскими «мастерами подозрения» — Марксом, Ницше и Фрейдом. Но дело не в сравнениях, тем более — не в уравнивании, хотя сравнения необходимы для различий. Розанов стремился открыть невидимое за видимым, а видимое сделать очевидным.

Только там, где есть различие, есть лицо. И у мысли свое лицо, иначе будет безликой. У Розанова нет формальной негативности — вслед возражению уже встает утверждение. Розанов, словно бы самое *видение* пробрасывая вперед, ставил под подозрение самих мастеров подозрения.¹ На слова Фридриха Ниц-

¹ Ср.: В сочинениях Ницше «много любопытного, но все это любопытное имеет недостаток в себе, что оно — *не истинно*.

... Ибо самой идеи знания, самого усилия к правильному в мысли у него не было; и как он, так и труды его — даже не лежат в той общей категории, куда мы относим родственные факты „науки“, „философии“, „знания“, „понимания“» (Розанов В. В. Еще о гр. Л. Н. Толстом и его учении о несопротивлении злу // Розанов В. В. О писательстве и писателях /

ше «убивают не оружием, убивают смехом» возразил, что смех «никого не может убить, смех может только придавить. И терпение одолеет всякий смех». Жизнь Розанова — *авто-био-графия*, где житейское и жизненное личностно переливаются в *понимание* и *письмо*. Не нравится автору собственное лицо, да что поделаешь — нет другого. И с ним надо жить, о нем надо сказать. И не замаскировывать, чтоб приглядней и привлекательней. И совесть надо иметь: «Совесть — дурнушка, не кокетлива, не нарядлива, хотя исполнена бессмертной красоты в своей неубранности».¹ Хотя Розанов говорил в этом случае о Петербурге, сравнивая с эстетическим началом Москвы, мысль едина. Когда может изменяться лицо? — когда оmyвается слезами во время благодатной молитвы.

В письме — литературе, которую несет Розанова «как крест свой», — оmyваются лица жизни, показывают себя. Жизнь — *био* — расположена между взглядом автора на себя, внешнее и внутреннее переливаются друг в друга, как мужское и женское в любовной чаше. Современность понята как *произведе-*

Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика. 1995. С. 19.

¹ Розанов В. В. Петр Великий и Петербург // Розанов В. В. Религия и культура. Статьи и очерки 1902—1903 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 635.

ние, где есть оформленность, завершенность и одновременно показан *извод*.

Новые утверждающие смыслы — письмо течет нескончаемо.

И Апокалипсис — «Таинственная страшная книга» — длится, не завершаясь.

Нужно понять возможный утверждающий смысл. *Мыслящий тростник*: надо идти вслед силе «глубокомыслия Паскаля, психологичности Паскаля, метафизичности Паскаля» (В. В. Розанов). Рассуждая о просвещении, о систематике разума, о метафизике пола, о значимости кровности в культуре, об искусстве Розанов всегда держал себя в предельном внимании к бытию. Это не значит, что он не высказывал мыслей, которые могут быть оспорены или уже «отменены» историей.

Главное в том, чтобы научиться вниманию и ответственности, — в чем-то соглашаясь, в чем-то радикально расходясь, но в усилии совместного поиска и решимости. Так следует приближаться к Розанову, возражать по силам чувства и ума, спрашивать, совместно отвечать. Примирительно не к какому-то одному извороту мысли или направлению взгляда, а стараясь понять главную позицию: истина *между людьми* существует. Берега всегда один — левый, другой — правый. А между обоими правота стремящего течения.

Вместе с Розановым.

Именно в полдень самая короткая тень.

Глава I

АВТО-БИО-ГРАФИЯ

Выйти перед народом и объявить всем.

В. В. Розанов

Для того чтобы стать Розановым, нужно было родиться в провинции, учиться в Московском университете, вернуться в отдаленные от столиц города в качестве преподавателя гимназий, публично жить и писать в Петербурге. И в конце жизни, уже навсегда, вернуться в провинцию — выживать во всем опыте творчества, надежды, одиночества и мерцающей веры.

Россия-провинция, при всей непохожести разных мест, остается самой собой.

Но после Москвы, Петербурга и Европы взгляд писателя-мыслителя стал особенно внимательным, недоверчивым — *цепким*, жаждущим и изощренно предметным. Университет

научил выстраивать картину миру — разве возможно было бы создание систематики первого трактата Розанова без университетского образования? Петербург втягивал жизнью столицы — повседневностью и метафизикой белых ночей, его имперскими проспектами, собраниями и разделениями. А жизнь провинции памятью, радостями и печальми льнула естеству. В Москве — древнестоличное, но уже европейское. Петербург по-имперски подгонял службой и колонками в газетах, требовал жить на пределе, то радовал, то огорчал семейной жизнью — а в голодные годы отправил обратно в провинцию.

Мысль, как известно, имеет свою окрестность.

О жизни и творчестве В. В. Розанова написано, наверное, больше, чем о любом другом отечественном писателе-мыслителе — прежде всего как о литераторе, публицисте, критике. Но именно как мыслитель Розанов наиболее труден для понимания — нужен схватывающий его творчество целостный взгляд — философия имеет дело с родовым знанием. И надо высказать благодарность всем, кто внимательно изучал *авто-био-графию* В. В. Розанова, особенно в наши дни.¹ То, о чем писал Роза-

¹ См.: *Николюкин А. Н.* Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001; Василий Васильевич Розанов // Философия России первой половины XX века / Под ред.

нов, было пониманием и видением, а то, что об этом говорили впоследствии, иногда становится высматриванием грехов и ошибок. Это, конечно, не касается времени и места рождения. Но уже в детстве — и во многом по инициативе самого писателя — зарождался миф его жизни, все больше становящийся мифологизацией.

Василий Васильевич Розанов родился в 1856 году — по старому стилю 20 апреля, а по новому — 2 мая в г. Ветлуге Костромской губернии. После смерти отца, чиновника среднего ранга, семеро детей оказались на попечении матери. Говорят иногда, что творчеству может

А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012; *Носов С. Н.* В. В. Розанов. Эстетика свободы. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993; *Сукач В. Г.* Загадки личности Розанова // Розанов В. В. О себе и жизни своей / Сост., предисл., коммент. В. Г. Сукача. М.: Московский рабочий, 1990; *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013; Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: Кн. I—II / Изд. подгот. В. А. Фатеев. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1995; Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Изд. РОССПЭН, 2008; *Корольков А. А.* Уроки В. В. Розанова в поисках религиозного самоопределения интеллигенции // Христианское чтение. Научно-богословский журнал. Богословие и философия. 2014. № 5.

помешать благополучное детство. Таковым детство Василия Розанова не было. Мгновенья счастья, несомненно, присутствовали. И детство не столько объясняет творчество, сколько само становится материалом для понимания — со временем оно будет, мерцая, ложиться в строки. Архетипы вписаны в природное и человеческое — совсем рядом рабочие с ближайших фабрик предстают как опасная *масса*, которая может затоптать или убить. И уже в первой работе «О понимании» (1886) Розанов будет думать о тяжелой безличности существования, что нуждается в просветлении.

Художественные вещи Розанова создают почти необъяснимое притяжение, трудно не попасть под обаяние мыслей, смысловых жестов и образов. Но целостность понимания есть только на уровне архитектоники, которую нужно представить. И это, иногда может казаться, почти неосуществимо. Гораздо легче установить смысл отдельных *высказываний-листьев*, когда смысл сведен автором к далее неразложимой очевидной данности. Можно сказать, о приведении сознания и чувства к ясности смысла и переживания, которое неустранимо из мысли. Поэтому трудно понятийно определить метафизику Розанова в завершенности — формулируемые смыслы *не* имеют синтетического характера. Речь следует вести не о завершенности, а о свершаемости. И повторяемые с разной степенью осуждения

сентенции о неукорененности и неустойчивости позиции Розанова объясняют чаще всего лишь внешние — *историографические* — характеристики позиции.

В автобиографии, написанной в 1891 г., Розанов отметил главный поворотный пункт творчества: нужно раскрыть *естественные* цели, вложенные в человеческую природу, которые, в отличие от целей *искусственных*, составляют его назначение. Нельзя назначение изобрести или придумать — его можно только открыть, постигая природу человека. Исходное усилие понимания-раскрытия Розанов располагает в начале творчества, а постоянное внимание к человеческой природе — *антропологической константе* — придает силу мысли на всех этапах.

Приближаться можно только к тому, что несомненно *есть*. Именно в понимании содержится постоянное думанье над идеей *счастья* — идеей о естественных целях человеческой жизни: когда они найдены, следует переходить к мыслям о нравственности, государстве, искусстве. Исходная цель осмысления жизни привела к созданию и расположению позиций рефлексии — в соответствие с началом определен угол зрения, и всё выстроилось в новом свете и расположении.¹ Ни более, ни

¹ Розанов В. В. Автобиография В. В. Розанова (Письмо В. В. Розанова к Я. Н. Голубовскому) // Ро-

менее: в новом взгляде и оформленном пребывании. Не выведение и не приведение к одному смыслу, а постоянство соположения и сопоставления в их становлении. Это проявится даже в том, что Розанов будет размещать письма читателей в едином равноправии текста, движении от смысла к смыслу, от произведения к произведению: авторство приобретает личностно-родовой характер.

Оптика и расположенность: *видение* и *соборная метафизика*.

Топологика мысли — так можно определить сегодня.

Это «невольное и бессознательное» действие мысли живет еще со студенческих лет в Московском университете — «сначала не столько обдумывание идеи, сколько созерцание ее, вылилось в ряд как бы *геометрических аксиом* (курсив мой. — А. Г.), определений и выводов, объектом которых сложилось понятие счастья и которые обнимали собою государство, нравственность, чувство правоты — все формы, вообще, человеческого творчества».¹ Космос творчества Розанова энергичен и напряжен, как агонален космос у чтимого Розановым Гераклита. Но если придавать особое

занов В. В. Юдаизм. Статьи и очерки 1898—1901 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 277.

¹ Там же. С. 276—277.

значение жизненно-биографическому аспекту творчества, то встает вопрос: почему Розанов стал заниматься *темой*, которая до конца даже не поддается определению, не завершается, не исчерпывается — раскрывается во множестве смысловых потоков?

Темой со своим именами, всеохватностью, проникновенностью — философствованием ощупью?

Без-дна.

Внешние пометы взрослой жизни Розанова известны — преподавание в гимназии в Брянске, Ельце, Белом, окружающие характеры типичны — хоть и нередко проблески ума и таланта, но все же на фоне большой *передо-новщины*. Не удовлетворяет не только провинциальная, но даже столичная настроенность жизни («Во времена Декарта, вывешивали на улице предложения решить ту или иную задачу по геометрии, как мы вывешиваем афиши. Какая любознательность, какие прекрасные интересы в массе общества! А у нас купили в Москве ученую свинью в цирке за 2000 р. и съели (лет 5 назад). Доживем ли мы (т. е. Россия) когда-нибудь до истинной наблюдательности, до истинной человечности?»). В провинциальных городах от «Кривой» или «Косой» улицы идут проулки в поле, где по три-четыре дома с огородами — «однажды волки разорвали ночью свинью между собором и клубом» (В. В. Розанов). В такой повседневности про-

растает *духовная забота*, где сошлись раннее увлечение позитивистскими проектами и новое переживание жизни как любви, отчаяния и надежды. (Надо помнить слова Розанова, что для него даже учение Дарвина представляло как гуманизирующий проект.) И при ответе на сложный вопрос о потаенной природе творчества, надо совместить логику понимания и приближенно выстроенную экзистенциальную психологию — еще не философию.

Розанов дает голоса многому и многим, кто сам уже — или еще — высказаться не мог. Так у Достоевского высказывается то, что жизненно *не* существует, но требует признания. Говоренье по инерции: «*Бобок, Бобок!*» — согласно затихающей силе, которая только и способна проговаривать себя после жизни: «*мортальный рессентимент*».

А как быть с выговариванием того, что апокалиптически лишилось оснований, как будто вовсе их не имело?

Как могут действовать утверждающие силы мышления и творчества?

В случае Розанова действует особая *органика письма* — об этом он будет постоянно упоминать, рассуждая о творчестве как текущей тайне и нераскрываемом до конца секрете существования. Органика несомненна в идеях славянофилов — сила славянофильства в способности постоянного пополнения и очищения: «отсюда такая органичность в развитии

этого учения».¹ Творчество приобретает онтологические характеристики — можно говорить об *экзистенциальном субъекте* письма. Рождается *концептуальный персонаж-свидетель* — проекции мыслительного замысла («геометрические аксиомы») приводят к созданию автора, стремящегося к самому главному: никогда не переставать быть человеком. Напротив, любой исторический аноним только в акте творчества и предстает человеком. И не в силу персоналистской предопределенности к свободе и творчеству, даже напротив: постоянный внутренний анализ и вопрошающее отношение мыслителя-писателя к творчеству и делам-произведениям, их приноравливание к исходной идее *счастья* становятся предметом и содержанием внутренней жизни.

Именно об этой архитектонике и новом усилии *сборки* смысла главный вопрос творчества Розанова. Он был предельно внимателен к изгибам жизни у него на виду: так стремился ей соответствовать. Знавший бедность и достаток, провинцию и столицу, сиротство и семейность, пишущих и читающих — Розанов сводит воедино на страницах книг всё, созда-

¹ Розанов В. В. Европейская культура и наше к ней отношение // Розанов В. В. Сочинения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской. Вступ. ст. А. Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1990. С. 146.

вая напряженный *полилог*, который и сегодня требует внимательного взгляда. Этот персонифицированный и вещно укорененный *полилог письма* способен соединять в себе экзистенциальные и дискурсивные положения.

Необходимо помнить при этом об исходных *геометрических аксиомах* понимания.

Розанов постоянно имел в виду, а во многом потенциально представлял стоящие вне аксиоматики особые *стремления* и *силы*, уже в самом начале творчества зная это как собственное переживание. Оно присутствует во многом неясно, неопределенно, смутно, неотвратно. И будет присутствовать в творчестве Розанова всю жизнь, то накатывая, то отступая, пока не подступит вплотную — в единстве мысли-существования. Так особенно ясно произойдет в последнем написанном произведении — *анти-хронике* — «Апокалипсисе нашего времени». Важно понять, что осознание было озарением или мгновенным просветлением только с одной стороны, с другой стороны — мгновения были глубинно включены в целостную интуицию понимания. И далее — *опавшие листья, заметки на манжетах, мимолетные мысли* пребывают в единстве с исходным замыслом

О чем именно думал Розанов вслед мыслям о счастье как цели человеческой жизни?

Если во главе положение «цель человеческой жизни есть счастье», то в конце опре-

деления-призыва заключение-вызов: «...безнравственное необходимо. Это был первый зародыш моего последующего умственного развития, или точнее, первая формулировка того, что возникло во мне как-то невольно и бессознательно». Уже не смутное переживание, не мысль-призыв, а вызов-жест: «...временами я принуждал себя к обычно безнравственному или бесчестному».¹ Может, речь о необходимости превозмогания и преодоления? О необходимости помогать *душе мира*, которая «возникла раньше, чем мир был»?²

Человек сопротивляется видимости благополучия: мир не есть совершенство. И надо иметь дело со всем, что в мире есть.

«Почему на свете всего так много?

— По красоте „возникнуть“, и по необходимости „заботы“. По тому, что Бог, а не тьма. Если бы была тьма, в ней был бы Дьявол, и мир был бы дьявольский.

Что же такое „Дьявол“?

— Ограничение, недостаток; не хватает. И дела его таковы: у Иова отнял богатство, отнял детей, отнял здоровье.

— Не отнял жены и друзей.

¹ Розанов В. В. Автобиография... С. 276—277.

² Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1—10 // Розанов В. В. Собр. соч. / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. С. 82.

Потому, что это Бог. Жену и друзей дает Бог, и он Единый может отнять их. А Иов не был виноват против Бога, а только внушал зависть Дьяволу. Дьявол есть завистник Бога и умаляет Его творения, болезнью, вредом, клеветою и „безумием в самих вещах“. Таковое, если наступает, наступает крушение вещей и может даже наступить крушение мира».¹ Безличная неопределенность из трактата «О понимании» приобретает касательную личностность во множестве состояний и отношений, при этом не утрачивая космического — теперь уже *божественного* — характера. Космическое и человеческое словно бы сливаются, не растворяясь друг в друге: мир «сотворен для тепла и любви»: «в том и загадка мира, что было раньше обоняние и потом уже появилась пахучесть. Но это не загадка, а разгадка. В мире предшествовали *психологичности* (курсив мой. — А. Г.) — и уже потом возник мир. Так что „душа мира“ раньше, чем „мир был“».² Бесконечность, при которой *не* кончается счет — дурная бесконечность: «Как может что-нибудь не „кончаться“?» Не безличное, а личное бытие всему предшествует, очеловеченное: «Что из всех вещей, забот было сотворено раньше остального?

¹ Там же.

² Там же.

Лизанье. Бог лижет человека. А отец и мать лижут детей. Для того рождаются дети. ... Так как для этого и мир сотворен. Он сотворен для тепла и любви».¹ Но в том-то и загадка, сокрушается Розанов, что «прежде всего сотворенное» — из всех вещей, из всех забот — существует невоспринятым и непоименованным: «Странно. Страшно. Как доказывается „раньше нас бывшее и никогда нами не виденное“? Доказывается „паки-бытие вещей“»? Вопрос нужно вынести за пределы дурной бесконечности перечислений — того, что случается. Ведь все случившееся имеет конец — «не может не кончаться» (В. В. Розанов). А длится и живет то, что кончиться конкретно не может: получается, по словам Розанова, — граница во времени, «потому что граница в *конце*». Всё словно бы предуготовливает человеческий приход и присутствие: «...даже по Библии растения сотворены раньше человека» (В. В. Розанов) потому, что «нужно для человека», чтобы «утешить и уладить человека», из «заботы о человеке».

Это прилаживание мира к человеку дает радование: «Будут власти и господства и тогда свет будет мил» (В. В. Розанов). Мир «сотворен по-милому» и «где мне тепло», а не «по справедливости», которая «почему-то всеми людьми считается „холодную“ и „равнодуш-

¹ Там же.

ною“, т. е. уже во всяком случае не теплою». Если бы все было справедливо, не было бы «нашего драгоценного Иова и всего человеческого утешения» (В. В. Розанов).

И Розанов совершает решительный и рискованный жест: «Может быть, если бы было „все справедливо в мире“ — не пришел бы и наш Христос?»¹ Обращается к философии Аристотеля — а именно к термину *энтелехия*, чтоб объяснить *предшествования* для человека. Это «особый свет, в мысли коего было все»: «Как же оно было в порядке моментов и в порядке времени, которое странным образом как бы „оборотилось наоборот...“». «Но для Бога что́ трудно?» — сперва рождается необходимое предшествование, а уж потом человек вводится в полное обладание ранее созданным: без этого предуготовления человек умер бы во мгновение. «Подобный способ сотворения „ногами вперед“ Аристотель и назвал „энтелехией“». (В. В. Розанов).

В какой степени и силе совпадает энтелехияльная онтологии с советами «великого страшного духа», в романе Достоевского сказавшего про людей как о малосильных бунтовщиках, «недоделанных пробных» существах, «созданных в насмешку»? Неужели речь идет о том только, что всегда и везде есть «сила низости карамазовской»?

¹ Там же. С. 83.

И странное дело: неужели именно *эта сила* иногда может спасти? При чем спасти как бы самым жестом осознаваемого *падения*?

Падения, без которого возвышение невозможно.

Невозможно понимание глубинных законов бытия.

Значит, *безнравственное* призвано оживать интерес и силу нравственного, одариваемого счастьем? Тем более что «все позволено» может быть не только приведено к порядку, но и преодолено в энтелехиальном событии?

Ответ во *всем* творчестве Розанова.

Здесь же следует сказать только то, что мыслитель-писатель Розанов хотел понять жизнь во всей полноте. В этом он подобен Пушкину, стремящемуся охватить веру и неверие при исходной онтологии веры. Полнота — так можно сказать при понимании различных стратегий сборки смысла в прошлом и текущем столетиях — исходит не только из идеи гармонизирующего представления о жизни как произведении. Полнота выстраивается разными способами. Розанов для этого словно бы отпускает письмо в становление — *развивать себя* — самое по себе.

Каковы ориентиры или по-другому: перед кем и перед чем отвечает такой автор?

Перед мыслью, перед литературой и перед жизнью. И перед теми, кто берег и бере-

жет русскую жизнь. И не только русскую, но жизнь как жизнь.

Что ее убивает — тогда и сейчас?

Бездуховность поражает семью, государство, любовь. Значит, надо и ее уметь брать во внимание, иметь с нею дело, смотреть пристально, не отворачивая взгляда, даже самого себя превращая иногда в *позорного* соглядатая, существо признания-покаяния, даже как бы физиологизируя творчество и жизнь. Это не так легко понять в силу того, что Розанов словно бы сознательно сбивает со следа каждого охотника за окончательным смыслом. Можно сказать, что он лишает охотников привычной критической оснащённости. Следует, в таком случае, творчество Розанова рассмотреть как особую стратегию проблематизации смысла с обязательным утверждением? А творчество представить как особого рода философскую антропологию с постоянной проблематизацией существования и рефлексии?

Самой манерой мысли Розанов выстраивает новую стратегию вопрошания с жесткой фиксацией места и времени утверждения смысла.

Укорененность смысла в предметный, вещный — жизненный мир.

Тогда в отношении архитектоники отдельные положения могут быть поняты в постоянном взаимодействии смысловых сил. Правиль-

но сказано, у Розанова не было «хартии» как системы с твердыми «да» и вполне определенными «нет»: «да» и «нет», «правое» и «левое» сосуществуют или меняются местами, положительное утверждение не всегда оказывается «да», и отрицательное суждение не обязательно «нет».¹ Но дело состоит не только в этом, даже если учитывать, что Розанов стремится создать панорамную картину видения «с разных углов». Надо понимать, что Розанов никогда *не* играл. Мышление Розанова точнее было бы называть не *альтернативным*, а *событийным*.

— «Где же тогда истина?

— В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать одну. *В колебании*.

— Неужели же *колебание* принцип?

— Первый в жизни. Единственный, который тверд. Тот, которым цветет все и все — живет. Наступи-ка устойчивость — и мир закамнел бы, заледенел».² Истина — не в догматической устойчивости. Тем более — не в сумме мнений. Они «выносятся за скобки» — происходит непрерывное раскрытие сущностного видения, создаваемого сознанием поверх есте-

¹ Николюкин А. Н. Как мыслил Розанов // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 64—65.

² Цит по.: Николюкин А. Н. Как мыслил Розанов. С. 66.

ственной — *историко-графической* — установ-
ки на правильность. Никакой очередной или
последний по времени взгляд не может стать
завершением. *Колебание* — лишь методоло-
гическая ориентация, если угодно, — *уловка*
мысли. Розанов сознательно идет на *обнаже-*
ние имен и позиции. П. Б. Струве точно сказал
об *органичности* его творчества, но соотнес
это с *безнравственностью* и *бесстыдством*,
что, по его мнению, свойственно творчеству
Розанова. Но правота и даже прозорливость
Струве касается только темы органичности
творчества. Розанов выводит посредством *ко-*
лебания, можно было бы сказать, *мерцания*,
истину к ее *антиномичной* и даже *агональной*
природе, что становится ясным только при
действии мысли с точки зрения *бытия*. Исти-
на, как отметил Гёте, не лежит между полюса-
ми: между ними лежит проблема.

Не нужно метод Розанова представлять как
некую «детскую болезнь постмодернизма»,
тем более, сближая позиции в «отсутству-
ющей принципиальности». Розанов диагно-
стически предупреждая людей XX—XXI вв.
о возможных гонениях, высылках, гибридных
войнах, где будут с трагическими послед-
ствиями задействованы вопросы *расы*, *крови*,
веры, *власти*, *насилия* и взыскуемой на этом
фоне трудно определимой *свободы*. Но сразу
же встает вопрос: в каком соотношении нахо-
дятся — *находят себя* — отдельные позиции

Розанова разных лет или даже по-разному высказанные в одном времени идеи с общей архитектоникой мысли? Возникает сложное проблемно-содержательное поле. В духе трактата Розанова «О понимании» можно выстроить изначальную схематику отношений:

— существование исходной интенции понимания и творчества;

— действие отдельных фрагментов-смыслов;

— соотношение фрагментов-смыслов друг с другом;

— отношение полилога фрагментов к общей конструкции смысла.

Действие «интеллектуальной машины» Розанова предполагает топологическую соотнесенность позиций. Смыслы выстраиваются «здесь и сейчас» — Розанов фиксирует место возникновения смысла не для того, чтобы придать ему характер будто бы случайного переживания, а чтобы каждый смысл разместить в месте его создания, укоренить и взрастить, пестовать единичность в едином целом. И таким образом даже в неизбежной последовательности колебаний показать произрастание смысла. Это отнюдь не «апофеоз беспочвенности» (Лев Шестов). Формируется смысл-феномен как данность сознания жизни — к нему через все колебания направлен-

но внимание. Розанов стремится учесть то, что в определенной степени близко к понятию *самоданности* в постфеноменологии.¹ Это же создает во многом совершенно новую фигуру *читателя* — не потребителя, а производителя смысла со своей собственной *экономией* понимания.² Нужно *перелицевать* прежнее зна-

¹ «Феноменальность находит свою изначальность в жизни, потому что жизнь испытывает саму себя так, что это испытывание самой себя и есть самоявление явления» (*Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (ПОСТ)ФЕНОМЕНОЛОГИЯ. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / Пер. с франц. А. С. Детистовой, В. В. Земскова и др. Сост.: С. Шолохова, А. Ямпольская. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2014. С. 53.*

² *Oἰκονομία* в русском языке означает как *экономию*, так и *домостроительство* или *икономию* — в богословском и церковном языке. Современное значение *бережливость* для древнего понимания весьма несущественно. Греческая экономия подразумевает искусство решения целого комплекса задач, которые ни по отдельности, ни вместе не имеют общего решения, а также искусство принимать решения в индивидуальных случаях — применительно к конкретной ситуации. В богословском термине *oἰκονομία* эта семантика сохраняется, а степень непредсказуемости, если хозяин — это Бог, а имение — мироздание, возрастает. В новозаветных текстах говорится уже не об искусстве, а о таинстве домостроительства: божественная мироустроительная воля не поддается обоб-

ние, выстроить как дом, где встретились и живут понимающие насельники. Такая архитектура утверждения не всегда легко различима в мысли Розанова. Ведь творчество предстает как особого рода миро-созидание, близкое к представлению о Боге как *экономе мироздания*, об экономии как провиденциальном устроении Вселенной, что уходит корнями в античную мысль, прежде всего в философию стоиков.¹ И сопоставление жизни с домом, а творчества — с обустройством дома для Розанова принципиально важно.

При этом Розанов не особенно поддается чему бы то ни было («всегда за занавесочкой») — творчество хранит себя от присвоения временем. В некотором смысле он повторяет судьбы «проклятых поэтов». Будто бы ускользает от однозначного определения — не уложен в обустроенные фиксированные парадигмы: его собственная трактовка понимания имеет, можно сказать, *надпарадигмальную* характер. А творчество по ряду позиций может быть сопоставлено с *паранепротиворечивой* логикой, где отражена специфика мышления о переходных состояниях, которые наряду с устойчивостью и относительным покоем на-

щению и, так сказать, исчислению... (Брагинская Н. В. Влажное слово: византийский автор об эротическом романе. М.: Изд. РГГУ, 2003. С. 102).

¹ Там же. С. 105.

блюдаются в природе, обществе, познании и могут быть показаны в творчестве.

Последняя работа Розанова «Апокалипсис нашего времени» (1917—1918. Вып. 1—10) самим названием сразу же говорит о *произведенности-изводе* текущих дней и об исчерпанности доминанты хронологизированной рефлексии, хотя, конечно, «всякая рефлексия протекает во времени» (Кант). Происходит апокалипсис *временности* как господствующей рефлексии существования. И даже обращаясь к прошлому, Розанов устремлен к *возможному*, подтверждая мысль о том, что актуально только то, где есть потенциальное. Не себя понять через других, а других через себя — вот тезис Розанова в отношении ко всему, что написано. И ко всему, что существовало и существует.

И главное не только установить смысл и логику — *надпротиворечивую логику возможного*, но понять — каким именно образом встраивать мысли Розанова в то, что может быть названо настоящим временем и временем настоящего. Обустроить пространство мысли Розанова, не утрачивая особенности мысли и письма. Понять творчество Розанова в его самости, если угодно — в уместности и укорененности. И поскольку достойная внимания и благодарности публикаторская и комментаторская работа в связи с сочинениями Розанова во многом проделана, надо соотнести

мысли Розанова с позициями, которые говорят от имени (пост)современности. Конечно, есть известная опасность отхода от исторического контекста, но, во-первых, он достаточно хорошо прописан и представлен, следовательно, его наличие будет корректировать любую актуальную интерпретацию, а во-вторых, творчество Розанова во многом проективно в полном соответствии с духом модерна, как бы промахивающим сквозь непосредственно наличное существование. В-третьих, проделанная Розановым работа сопоставима не только с идеями его времени, но с теми мыслями и образами, которые сложились уже после его смерти. Иными словами, на творчество Розанова нужно взглянуть не только во времени прошлого, настоящего и возможного будущего, но найти принципиально уместную точку *сборки* смыслов — то *место мест*, где идеи живут в актуальной наполненности и утверждающей силе. Розанов открыт к новому пониманию чуть ли не в большей степени, чем к уже известным в его времени положениям и схемам. Можно даже сказать, что открывающийся и открывающийся Розанов становится еще более актуальным, чем уже открытый. Так, прежде всего, именно в сфере мысли: «Время читать Розанова» (В. В. Биbihин) в соответствии с тем, что продумано писателем-мыслителем.

Наблюдения Розанова над русской жизнью в основном пронизаны состраданием и болью —

это он видит в картинах Нестерова и стихах Тютчева. Почему? — скорбь *настоящее, непридуманное*, подлинное переживание. «На степи тихого созерцания, где *боль* есть только грусть или спокойствие, она привлекательна, по крайней мере для созерцателя, — как *ландшафт*. ... Некоторые раны любишь... Не хочешь их забывать, вспоминаешь... Есть *сладость ран!*.. Опасная доктрина».¹ Письмо Розанова укоренено в полноту существования, даже в такой личный опыт, что предстает как *след*. Женитьба на Аполлинаруи Суловой при всей искренней любовности явилась стремлением *понять* интимно-ближайшее — *приблизиться*. Но мысль Розанова никогда не «только о физиологическом», напротив — она сама словно бы стремится стать *физиологичной*, следует природному фюзису, *дометафическому* — тому, что в письме — до письма.

Благодаря усилиям исследователей жизни и творчества В. В. Розанова судьба писателя-мыслителя сегодня может казаться почти прозрачной. Более того, некоторые критики будто бы уже всегда знали, что героя-автора ждет в конце. *Призраки* вполне комфортно присутствуют при любом избыточно ангажи-

¹ Розанов В. В. Молящаяся Русь. (На выставке картин М. В. Нестерова) // Розанов В. В. Среди художников / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 244.

рованном критическом *зраке*. И сам Розанов искусно создавал «себя для себя» и «себя для других», что может рассматриваться как абсолютное свидетельство. Но, во-первых, такое свидетельство человека даже о себе самом невозможно. Во-вторых, надо помнить, что Розанов всегда говорит о себе все-таки из некоторого *иного* места и времени, чем позиции-пребывания, о которых конкретно сказано. Более того, прямо говорит о себе, что он — «Всегда за занавесочкой» — призывал не радоваться прямо-сказанному, что вроде бы все открывает. О Гоголе написал, что это «самый платонический человек» — всегда обращен к платонической тайне.

Небо видимо, а твердь невидима.

Так и Розанов — к тайне, к невидимому, открывающемуся для понимания. Замечено, что трудно объяснить полное неслияние ноуменальности духа творчества Розанова и феномена бытия.¹ Но ответ только один — именно в *чтении*, а после в *письме* осуществляется нераздельность/неслиянность существования и творчества.

Что же касается первичного круга чтения, о чем пишет сам Розанов, то оно преимущественно совмещает две, казалось бы, непримиримые позиции: с одной стороны труды русских «революционных демократов», а че-

¹ Сукач В. Г. Загадка личности Розанова. С. 9.

рез них соответственно линия критической философии, с другой стороны — сочинения явных противников всякой метафизики, ученых-позитивистов. В творчестве Розанова позитивистский дух всегда присутствовал — это стремление с большей или меньшей однозначностью высказать точку зрения, как бы опытным путем избавиться от несовершенства и неопределенности. И критичность революционных диалектиков, сталкиваясь с реальностью вещи и факта, именно так приобретают конкретность предложения и действия. Спекулятивная философия только указывает направление возможного действия, а философия позитивного знания говорит о достижении истины в опыте. Есть, следовательно, личный опыт истины, он достижим: *понимание* как живое познание возможно. Не запись «свинцовыми буквами», а свобода душе и уму — вот главное.

Сегодня, как и во времена Розанова, встает вопрос о героях и героическом. И мысли Розанова о губительной для дела и духа *канцелярщине* — узаконенной форме *нигилизма* — предельно актуальны. То, что названо «циническим разумом», всепроникающим «диффузным цинизмом» (Петер Слотердайк) *пришпилено* Розановым к странице нигилистического гербария уже у истоков формирования. Не чиновник страшен для страны и общества, а чиновное мировосприятие — бездушная казенная антропотехника.

В ситуации постмодерна происходит утрата утверждающей энергетики существования.

Повторяя Розанова, можно сказать: *«Нет свежести, нет веры!»*

И Розанов различил призрак нигилизма в самом его зарождении — в мыслях и поступках, в повседневности.

Исток нигилизма в смилившемся переживании неподлинности. А из потрясенного нравственного мира начал произрастать новый социальный персонаж — «внеэтичная духовность есть самая страшная форма демонизма» (Георгий Федотов) — циничный в мыслях и чувствах, экзистенциально раздробленный субъект, актант ressentimentа, существо неверия и возможного насилия. И вслед ослаблению нигилистической энергетики идет пошлость: ее можно градировать — самой страшной пошлостью, страшной аристократической, страшной пролетарской, скажет впоследствии Розанов, — *может* стать христианская.

Как избежать пошлости? — вдумываться прежде всего в слова гениев человечества. Это убеждение выковывало дух Розанова — при всей переменчивости взглядов он никогда не предавал тех, кому верил, и те идеи, которые признавал истинными. Кстати сказать, внимание Розанова к деталям, вещам, оттенкам тоже в известном смысле имеют позитивистскую основу, но приобрели совершенно особую

одухотворенность. Даже осуждаемая впоследствии *революция* была экзистенциально осмыслена и принята как единственная, казалось гимназисту Розанову, форма сокрушения окаянного царства несправедливости.

В новом событии смысла, которое создает Розанов из своей жизни и прорастающего в переживаниях житнетворчества — разные данности выходят друг другу навстречу, перестают быть заданностями, «всматриваются и вслушиваются» друг в друга и в то, что их способно объединить или разъединить. Можно сказать, что идеи Розанова находятся у истоков топологического мышления, в котором разновременные стремления встраиваются в единое взаимодействие. Течение это трудно заранее представить — до того, как оно проявит себя в пространстве и времени: Розанов заново собирает рассеянное и разрозненное — речь в пределе идет не только о том, что *было* или в какой-то степени *жизненно есть*, а о том, что *может* и *должно быть*.

Сосредоточенность, стяженность, внимание, неотвлекаемость от живого взгляда будут воплощены в произведениях и критике. И хотя Розанов говорил о незначимости философии воли («Не устремляюсь»), темы *мира* и *представления* Артура Шопенгауэра чрезвычайно для него важны. Более того, Розанов находит им у себя подтверждение. Утешался в признанном положении, на которое «все дали свое

согласие», что ведь вообще «мир есть мое представление». По этому тезису, далее следует у Розанова, он вовсе не обязан «справляться» и писать верно историю или географию, а писать «как мне представляется». «Не будь Шопенгауэра, мне, может, было бы стыдно: а как есть Шопенгауэр, то мне „слава Богу“». ¹ Признавал Шопенгауэра, пока тот не превратился в шаблон, фразу и схему («пессимизм стал фразею»). А если говорить о Розанове как о философе жизни, то в том прежде всего смысле, что *существование* и *творчество* открыты жизненному порыву.

Жизнь и учеба в Московском университете оказались для Розанова средой, где складывалась энергетика знания и служения. Много раз будет писать Розанов об университете («коллективная личность»), там складывается атмосфера преданности науке и ценности знания. Вдохновляющий жест был прежде всего в том, что профессора Московского университета могли совместить в своих лекциях и выступлениях религиозность жизненного поведения и служение науке и просвещению. Но Розанову и тогда уже не хватало нового вдохновляющего миропонимания, в котором вера, наука и философия сошлись бы воедино, а не принадлежали отдельно духовному

¹ Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 125.

опыту, науке или позитивистским обобщениям. Философия, лекции по которой слушал студент Розанов, в своей основной интенции была абстрактно позитивистской (что само по себе уже есть противоречие в определении), не давала целостного взгляда ни на мир, ни на знание, ни на существование. А в просветительской традиции Розанову не хватало присутствия *переживания* и *порыва*. И собственные темы *жизненного стремления*, *энергии*, *семени*, *силы* будут определять творчество Розанова даже в тех случаях, когда наступает слабость и неверие. Нужно, однако, заметить, что присутствие веры и неверия, нигилизма и утверждения не связаны напрямую с либеральными или консервативными взглядами: ход рассуждений Розанова таков, что *неподлинность* может быть обнаружена и в том, и в другом. Признание консервативных идей отнюдь не дает однозначной правоты понимания: важно видеть внутри идеологических конструкций и схем утверждающее присутствие жизненной силы.

Жизнь — неопределима, главное, чтобы она не сближалась, тем более не сливалась до неразличимости с бесцветностью, обескровленностью, нелюбовностью, бездарностью, казенной пошлостью. Такое понимание пришло к Розанову не сразу, но с самого начала он понимал, что утверждающее начало не может быть сведено к однозначной конструкции,

схеме или лозунгу. Эта мысль важна и сейчас: путь России и русской мысли определяется не заранее предданным — заимствованным или выращенным пусть даже и на домашней *почве* тезисом — а сведением воедино актуальных жизненных смыслов и утверждений. Жесткие разграничения позиций в их идеологичности не способствуют прояснению действительного положения дел. И подчеркиваемая апелляция к идеям патриотизма, почвенничества или, наоборот, толерантности и демократии должны предполагать вопрос о содержании и силе говорения и позиции говорящего.

Как проверить?

Для Розанова ответ на вопросы становился яснее в свете замысла и написания философской работы «О понимании», вышедшей в свет в 1886 г.

Глава II

ИСТОК. О ПОНИМАНИИ

*Разум нечто космическое,
а космос нечто разумное.*

В. В. Розанов

Обращаясь к пониманию, В. В. Розанов хотел открыть новые основания единства мысли и бытия. И хотя в отношении к трактату «О понимании» (1886) последующий опыт писателя может казаться достаточно далеко отстоящим по стилю и содержанию, значимо принципиальное внутреннее родство: это вопрос о «присутствии целого».

Житейская судьбы книги и ее автора чаще всего предстают как малоудачное явление — таково мнение большинства современников. К тому же в первоначальном восприятии редкое возвышенно-творческое переплеталось с *психопатологией* уездной жизни. К тому же

у наиболее подготовленных к восприятию подобного рода сочинений современников был перед глазами опыт немецкой спекулятивной традиции, прежде всего в виде философии Гегеля: на этом фоне исследование Розанова рассматривалось как запоздавшее событие. Более того, отсутствие исходной историко-философской проработки понимания в трактате Розанова казалось знаком неукорененности в традиции. Но есть — в том числе и у современников — признание или, по меньшей мере, *пред*понимание того, что первый философский опыт Розанова весьма значим и актуален. Более того, можно добавить, именно исходный опыт (схематика) понимания последовательно реализован во всем творчестве Розанова.

Но нужно помнить то, о чем Розанов предупреждал в *Предисловии*: «...в идее понимания не заключено никакого знания, способного стать содержанием, но только знания относительно содержащего. Поэтому выводимое будет рядом истин формального значения. ... Понимание становится полною функциею разума»¹ — всякий раз следует устанавливать истины, которые должны лечь в основание

¹ *Розанов В. В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / Подгот. текста и коммент. В. Г. Сукача. Вступ. ст. В. В. Библихина. Указат. А. В. Матешук. М.: Танаис, 1996. С. 7.*

каждой из них, или указывать путь, которым эти истины могут быть найдены.

Таким образом, речь идет о форме и принципах определения знания.

Розанов по-своему обосновывал *системологию* как принцип построения науки. И многие мысли в работе Розанова не были поняты из-за отсутствия соответствующей интенции в отечественной мысли: соединить понимание разума с системным взглядом на науку, при этом сохраняя постоянное внимание к индивидуальности творчества, неповторимости произведения и веры. Объективная трудность восприятия трактата «О понимании» состояла, во время первых откликов, в отсутствии *тезауруса* для работы с концептом понимания.

Смысловой жест, который совершает Розанов в трактате, по своим истокам действительно близок к опытам классической *системологии*, но содержательно представляет новый жест *системотехники* — *самостановление* событийной смысловой целостности. Розанов представляет построение знания, в котором исходные позиции в их развертывании сходятся, хочется сказать — встречаются в новом смысловом *топосе*.

Различая науку и философию как неубедительные друг для друга области знания, Розанов формулирует позицию «выжидающего скептицизма».

Но чего выжидает сознание?

Есть *третье*, чего не может коснуться сомнение: «Это — *понимание*». Оно свободно и противостоит историческому, которое всегда преходяще: «Все созданное историей — ею и разрушается; она опирается только на то, что существовало, — на что обопрется оно, когда потребуют, чтобы оно не существовало более?»¹ Ведь в изводах истории происходит радикальное противопоставление и смещение позиций, литературных направлений, «принципов творчества», «идейных установок».

Что остается в философии и литературе при постоянной смене *историко-графических* позиций?

Нельзя удерживать «свободу науки» или «свободу литературы», но дело в том, что одновременно со стремлением к свободе науки устанавливается и утилитарно-политический взгляд на нее, причем никто не заметил, что совместно эти два взгляда *не* могут существовать. *Понимание* Розанов принципиально противопоставляет историческому *объяснению*: понимание есть процесс свободно-необходимый по своей природе и происхождению, особая форма всеобъемлющей мысли, в самом понимании не заключено никакого знания, способного стать содержанием, но только знания относительно содержащего.

Это форма, в которой представлен *разумный космос*: «Ранее чувственного опыта и со-

¹ Там же. С. 520.

прикосновения с миром в разуме человека лежат уже схемы идей, готовых обнять собою мир; и тот факт, что мир этот, существующий независимо от человеческого разума и ранее его, действительно вступает в эту схему идей, раз соприкосновение с ними произошло, невольно заставляет видеть и в разуме нечто космическое, и в космосе нечто разумное. Разум есть как бы мир, выраженный в символах, — мир есть как бы разум, выраженный в вещах; и только поэтому возможно познание мира разумом. Возможно *понимание*, возникающее о мире в разуме, — возможен мир идей, отличных от этих соотносительных начал, но из них возникающий, но через их соприкосновение».¹ Смысл выстраивается в пространстве соотношенности, раскрываясь из изначального понимания жизни: «будто бы все бесконечно долгое и бесконечно сложное развитие свое космос совершал только для того, чтобы создать этот загадочный разум и как в *семени* (курсив мой. — А. Г.) своем соединить в нем все, что он сам заключал в себе от начала; или как будто бы сам разум раскрылся в этом мире подобно тому, как содержимое семени раскрывается в растении, из него вырастающем».² Исторические данности и даже возможные проективные построения Розанова

¹ Там же. С. 51.

² Там же.

не устраивают — понимание обращено к космосу знания.

Солгали все великие ответы,
Вернее, не солгали — правы все,
Но не хочу их — издавна воспеты
Они, меня влечет к иной красе.

В строчках поэта-символиста Ивана Коневского выражена близкая Розанову устремленность к соединяющей тайне бытия. Конечно, сразу же встает вопрос о природе такого знания.

Знание не является врожденным или априорным.

Розанов склонен выводить знание из идеи единства жизни, обращаясь непосредственно к природе: человек «как организм, как ряд сгруппированных веществ... соотносится со всеми физическими стихиями природы. Но сверх этого грубого соотношения, мы находим в нем другое, неизмеримо более глубокое: в его душу как бы вложены завитки всего мироздания, и, повинаясь их естественному расположению, он влечется так своим умом и своим чувством ко всему же мирозданию — воссоздает его в поэзии, понимает чрез науки и философию, стремится разгадать его сокровенную сущность в своих религиях». ¹ Только

¹ *Розанов В. В.* В чем главный недостаток «наследства 60—70-х годов?» // *Розанов В. В. Сочинения.* С. 140.

ошибка «узкого ума», будто вовсе не замечающего, что *есть* жизнь и смерть, склонна пренебрегать глубинной связью между природой и миром духовного творчества. И хотя писал Розанов о конкретном историческом поколении 60—70-х годов, мысль о необходимой жизненности мысли всегда будет присутствовать в его творчестве.

Разум дан как *возможность*, слагающаяся из идеи существования-центра и из сходящихся к ней, как к центру, схем понимания («потенции идей»). Скрытая жизненность проявляется пробуждением первого впечатления — вполне *осознанной* первичностью переживания. Розанов исходит из критики историчности: он показывает ограниченность и переходящесть *конкретных* определений. У него же речь идет об определении *постоянно общего*, производящего единичное и частное. «Таким образом, временны те знания, которые или, будучи истинны, имеют предметом временное, или, имея предметом постоянное, — ложны. Вечные же знания суть те, которые и истинны, и имеют предметом постоянное».¹ Ложное появляется там, где происходит отклонение от правильности понимания *знания*: «мир, заключенный в сознании человека, шире мира, лежащего вне его».² Такое знание именно

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 11.

² Там же. С. 12.

цельно: «оно понимает отдельные явления в их взаимной связи» (В. В. Розанов). К тому же понимание всегда соотнобразуется с целью — оно скорректировано с тем, как те или иные цели осознаны и проявлены. И хотя последняя цель — «*последний узор*» — неизвестна, она выступает как *тайна*, в отношении которой выстроена вся цепь вопросов и ответов.

Понимание отнюдь *не* означает примирения позиций.

Наоборот, истинный признак ума состоит не столько в умении связывать отдельные явления, сколько в осознании невозможности соединить непосредственно явления разнородные, хотя и смежные, и в тонком понимании такой разнородности явлений. Это область действия *разума*: если *ум* обращен преимущественно к практическому (в политике, общественных делах, литературе), то *разум* раскрывается в теоретической деятельности человека — отражается в жизни только в те редкие моменты, когда сама жизнь пытается стать его отражением. *Ум* словно бы придан к другим способностям человека, а *разум* представляет нечто замкнутое и глубоко самостоятельное: «не человек обладает им, а он живет в человеке, покоряя себе его волю и желания, но не покоряясь им» (В. В. Розанов). Понимание есть необходимое для жизни — его не может *не* быть. Поэтому любой исторический вопрос или ответ, если не включает в себя полноты

понимания — недолговечен. Соответственно и мифологема *семени*, присутствующая в трактате «О понимании», разворачивается в схемах последовательной «разборки» реальности при полном осознания исходного — *простого* — переживания единства: «есть нечто».

Так актуализируя проблему, Розанов *предупреждает* разговоры о *пост*современности и «конце истории». Метафизически осмыслена парадоксальность временности: имея перед глазами схему Августина, где существует только настоящее, Розанов пробрасывает взгляд в другое представление, где время «противоречит самому себе», его нигде нет: «будущее становится прошедшим, не переходя через настоящее, нежившее, не живя, отживает. И вот, противореча всем нашим понятиям о бытии, время является таким исключением, которое всегда только было и всегда только будет — однако же есть, существует; и не только существует, но служит еще необходимым условием действительности всего, что только происходит реального в природе и в жизни; в этом времени, которого никогда нет, которое вечно или еще только готовится стать или уже минуло — в этом непостижимом времени пребывает все, и вне его ничто не может пребывать».¹ Загадка времени вообще сложна, а в кризисных ситуациях предстает как *апокалипсис*.

¹ Там же. С. 210—211.

То, что делал Розанов в книге «О понимании», как раз может быть сопоставлено в будущем с поисками *родового*, как того множества, которое принадлежит к каждой конкретной ситуации, но не включено в нее в качестве подвида.¹ Тема понимания так сводит в одном смысловом пространстве творчество В. В. Розанова и последующий опыт, что оказывается значимо принципиальное внутреннее родство. Это вопрос о «присутствии целого»: «переменчивому публицисту Розанову предшествовал совершенно другой и все равно тот же самый Розанов с философией понимания — цельного, исчерпывающего, окончательно неизменного блага. Подчеркнутая розановская переменчивость кричала о том, что цельная истина не похожа на те ее фрагменты, с которыми нам обычно приходится иметь дело».² Обращаясь к пониманию, Розанов хотел открыть далеко не очевидные возможные основания целостности мысли и творчества.

Но встает вопрос: какова логика такого утверждения?

Розанов определяет этапы, которые могут быть названы последовательностью восходя-

¹ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Изд. дом «Дело», 2014. С. 201.

² Бибихин В. В. К метафизике другого // Начала. 1992. № 3 (5). С. 65.

щих интенций — «достаточных оснований понимания»: сначала через наблюдение откроется потенциальность во всех своих проявлениях и будет создана первая и основная часть учения об этой форме бытия — *часть описательная*. Затем — *искусственный опыт* достраивания смысла через определение *разности* между всеми формами существования и понимания процессов перехода из одной формы в другую — так создается учение об отношениях потенциального бытия к другим его формам. Далее выделяется *общее и постоянное*, выводятся правила о явлениях потенциальности. И наконец, через *умозрение* открывается *необходимость* в общих и постоянных правилах — достижение последней цели всего изучения: найденные в частных наблюдениях правила возводятся в вечные законы природы: потенциальность понятия в ее вечных и необходимых правилах.¹ Вслед пониманию Розанов словно бы отпускает творчество на свободу. Но пребывание в таком состоянии оказывается рискованным и опасным для творчества и для автора.

«Аскеза письма» создается свободно, а не в силу регламентации, ведь миру смыслов некоторым образом *предшествует* жизненная *свободная вещь*. Простые вещи развенчивают и удерживают под подозрением «произ-

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 147.

водство смысла». И нужно иметь дело с проявлением *самой вещи* — постоянно обращать творчество к далее неразложимым смыслам.¹ У Розанова даже *случай* обладает собственным *место-имением* в понимании — увиденное, услышанное, узнанное из писем других людей и включенное в его собственные сочинения будет приобретать все большее право на существование. Более того, случайность относима к атрибутике космоса, поэтому необходимо о ней постоянно помнить, осознавая в понимании и внедряя в письмо. Розанов в трактате ставит системный вопрос: «...переход потенциального бытия в реальное есть вообще дело случая, так как зависит от случайной встречи потенции с сочетанием определенных условий, необходимых для такого перехода? Если последнее предположение справедливо, то существование всего видимого мира тогда необходимо должно будет признать произведением случая».² Но *случай* у Розанова вовсе не самозванец в порядке понимания: случай дает возможность состояться реальному бытию:

¹ Ср.: «На самом деле нам известно, что мыслить начинают лишь по принуждению, под воздействием силы, при аскетическом принятии на себя безличного повеления внешнего» (*Бадью А. Делез. Шум бытия / Пер. с франц. Д. Скопина. М.: Прагматика культуры, Логос—Альтера, 2004. С. 32, 33*).

² *Розанов В. В. О понимании. С. 144.*

«Неустойчивость, как внутренний и невидимый атрибут образующегося бытия, видимо, проявляется в другом, из него вытекающем свойстве — в постоянной изменчивости, подвижности образующегося бытия: что не может стоять, то должно двигаться; что не может оставаться в прежнем состоянии, то должно изменяться. Эта подвижность, естественная и необходимая в образующемся бытии, есть условие его развития, есть причина того, что с каждым наступающим моментом оно все ближе и ближе подвигается к осуществлению чистого реального бытия».¹ При этом Розанов выстраивает последовательность, которую можно было бы назвать приведением потенциальности к эйдетической ясности смысла.

Материально-определенные потенции («семя по отношению к дереву») наследуются *материально-неопределенными* («вещество земли по отношению к растению»), вслед чему идут *идеально-неопределенные* потенции («пространство по отношению к формам, в нем образующимся»), а затем *идеально-определенные* («образ в мысли художника по отношению к статуе, которая воплотит этот образ, фигура в мысли геометра»). Завершают развертку *пред-идеальные* потенции — из всех видов «наиболее чистый, беспримесный, трудно постигаемый вид». Это существование не

¹ Там же. С. 149—150.

связано ни с каким определенным пространством или временем, «так что нет ничего, на чем человек, остановив свое внимание, мог бы сказать: „здесь оно существует“, и между тем это, нигде не указуемое, есть, существует».¹ К такому виду потенций принадлежит разум с его схемами по отношению к идеям о бытии и о сторонах его; истина о геометрических соотношениях ранее открытия этих соотношений мышлением человека.

Разум — мир, выраженный в символах; мир — разум, выраженный в вещах; и только поэтому возможно познание мира разумом. И тут Розанов высказывает важную для многих идей в последующем мысль: «будто бы все бесконечно долгое и бесконечно сложное развитие свое космос совершал только для того, чтобы создать этот загадочный разум и как в *семени* (курсив мой. — А. Г.) своим соединить в нем все, что он сам заключал в себе от начала; или как будто бы сам разум раскрылся в этом мире подобно тому, как содержимое семени раскрывается в растении, из него вырастающем».² А жизненность пробуждается первым *впечатлением*. От этого кажущийся «импрессионизм Розанова» — от вполне осознанной первичности переживания, а не от неумения освободиться от переживания. И самая

¹ Там же. С. 146.

² Там же.

отсылка к импрессионизму на деле оказывается лишь внешним приближением к мысли и стилю. Замысел книги «О понимании» состоял в том, чтобы «понять *пределы* науки через рассмотрение строения разума человеческого». Особенностью было стремление разумно раскрыть потенцию науки, неотделимой от включенного в бытие человека. Личные неурадицы и несчастья, иногда нестерпимые, поскольку становились известны житейскому *миру*, словно бы теряли невыносимую наличность переживаний, насмешек, невыразимого одиночества и чувств неудачи в личной жизни.

И еще раз следует указать на особенность *исходной* интенции творчества: Розанов был настроен — можно говорить о настроенности творчества, настроенности переживаний, настроенности времени и пространства — как парадоксально мыслящий *позитивистский метафизик* или *метафизический позитивист*. И при этом реальная история создания книги «О понимании» говорит о радикальной *самостоятельности*: внимание было не столько к объясняющей силе *понятия*, сколько к *силе* как таковой. Это не всегда очевидное присутствие силы проявилось в замысле и при исполнении отдельных сюжетов сочинения. Несмотря на предельное внимание Розанова к темам закономерности и целесообразности, его интересовали не только правильные развертки знания, но особенно те позиции, где за-

кономерное еще не оформлено, где пребывает сила *до* ее воплощения в веществе.

Какова потенциальность *семени* не только в отношении к растению и плодам, но бытийная потенциальность и ее онтологическая природа?

Что есть семя? — актуальное членение предложения предполагает возможность признания значимости каждого слова:

— *что* есть семя?

— что *есть* семя?

— что есть *семя*?

Вопросы не располагаются во времени, они существуют одновременно, если угодно — вневременно. Первый обращен к разуму, второй — к бытию, третий — к тайне существования.

Основа в том, что космос помыслен, а мысль бытийно-космична.

И даже когда речь идет о формальной классификации («внешнее гегельянство») — на это указывали современники, что удручало Розанова, то классификация и расположение позиций имеют собственную особенную природу. Это не операциональность схемы, а оформленность как организация конкретной предметности и мысли. Большинство первых критиков не заметило самого главного: речь идет о потенциальном становлении знания.

Самому же Розанову что оставалось?

Одна сторона его позиции — возмущение невниманием к теме понимания. Другая — в большей мере успокаивающая мысль о том, что сочинение «О понимании» трудно для глубокого вникания и даже для чтения.

В самом названии, казалось, было вызывающее отчуждение.

Но в трактате «О понимании» как раз заявлена необходимость несомненного превозмогания исторического при полной включенности в историю, заинтересованном, умном и даже страстном пребывании в ней. В этом плане Розанов близок *философии жизни* — от Фридриха Ницше до Вильгельма Дильтея — с тем только замечанием, что не нужно его позицию отождествлять или уравнивать с «немецкими идеями»: речь может идти о сходстве жизненного фона и первичной диагностике болезней и опасностей века.

В работе «О понимании» как раз и сведены две заданности: *скрытое предсуществование* и *конкретность вещей*. Уже одно это усилие выводит концепцию Розанова за пределы позитивистских и идеалистических систем. Именно сила потенции в подходе Розанова *соединяет* предсуществование и осуществленность. И в дальнейшем развертывание темы будет связано во многом с тем, в каких именно жизненных формах представлено осуществление — при полном осознании мистичности потенциального бытия.

Но и бытие имеет свое воплощение.

Это воплощение — *семья*.

Нужно открывать в разнообразном единое тождественное — человек способен «творить природу», соотнося некоторым образом «возможные миры», казалось бы, вообще несоединимых позиций. Во второй главе («О схемах разума и сторонах существующего») трактата «О понимании» Розанов подробно рассматривает структуру познания в ее становлении: формы разума показаны в процессе образования понимания. Первично разум предстает как *пустое ничто*, но если он есть совершенная пустота, «то в то, что по предложению заменяет его, может быть поставлено все желаемое. Т. е. что в нем безразлично отразится всякое впечатление, какое мы пожелаем в него ввести, и образуется безразлично всякое представление».¹ Конструкция разума — *центр* — актуализирует все потенциальное существование способов мысли. Мифологема, можно даже сказать, *органологема* семени, постоянно наполняет развертывание позиций понимания. Поэтому в дальнейшем осуществлена схема последовательной «разборки» реальности при полном осознании — *простого* — исходного переживания единства: «есть нечто». И это нечто всегда связано с тем или иным представлением о жизненной силе,

¹ Там же. С. 31.

действующей в истории и человеческом существовании.

У Розанова явно проступало стремление понять *онтологию* существования, но если сперва эта решимость была «упакована» в систему и схематику, то в последующем все более находила соответствующие себе формы выражения и воплощения в *письме*. И мистический *свет*, допускаемый вначале формально и схематически, обретал все более и более личностный и бытийный смысл. *Нечто* стоит — «тревожащее и очень глубокое» — за внешней и даже нарочито демонстрируемой непоследовательностью.

И дело не только в том, что Розанов очень немногим идет вслед, он, как правило, идет рядом или в одиноком предшествовании. Показывает потенции той или иной мысли, образа, историософии. И все-таки, даже имея перед собой исходный ориентир — опыт трактата «О понимании», почти невозможно предсказать путь по уже сделанным шагам. Перед нами будто бы совсем непредсказуемые *броски* — мысль ветвится, но основной смысловой корень остается, хотя иногда кажется совсем неразличимым или даже несуществующим. Разве дело в том, что обыденное сознание вышло на уровень философии и даже религии?

Да и может ли обыденное выйти на уровень метафизики и рефлексии? — ведь сознание повседневности выступает как особого

рода оживляющий *карнавал* — материал для рефлексии повседневности, но никак не может быть уравнено с мыслью на уровне родового знания. Поэтому, внимательно вдумываясь в слова П. В. Палиевского о том, что «после Сократа и Достоевского опыт онтологии Розанова — укоренение мысли в бытии — может быть, сильнейшая попытка в истории»,¹ можно утверждать, что даже на этом грандиозном фоне Розанов создает *иную* системотехнику мысли. Схематика разума в соотношении с органикой жизненных сил, о чем писал Розанов в трактате «О понимании», создают динамическую (*влажную, текучую*) структуру развертывающегося смысла. Это радикально отличает строение понимания от структуралистских концепций, где структура определена жестко операционально. Именно в таком соединении понимания, органики и формальной схематики одна из особенностей отечественных стратегий мышления.² Розанов намечает пути схождения онтологии и текста — особого ро-

¹ Палиевский П. В. Розанов — мыслитель // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 24.

² Серио П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920—1930 гг. / Авторизованный пер. с франц. Н. С. Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001.

да предшествование *философии события*, где сведены бытийный и символический порядки существования.

Трактат «О понимании» определил системно-технический порядок — дискурсивный космос. Отдельные оформленности — следует помнить, что у живого существа, по словам Гегеля, частей нет, части есть только у трупа, — реализуют потенцию бытия в единстве космоса. И далее космос *понимания* у Розанова будет развернут в дискурсивную практику письма: жизнь спроецирована в письмо, а письмо опрокинуто в жизнь. Их синергия — *соработничество* — создает опыт системотехники, искусства системы. Речь не должна идти о бесформенности или ослабленности формы — значимость формы Розанов подчеркнул уже в своих ранних обращениях к идеям Аристотеля. Речь об особом — *онтологическом* — понимании формы и формообразования.¹ Здесь мало или даже совсем нет *психологии*, но возможно построение экзистенциального языка Розанова: *понимание, жизнь, пол, кровь, письмо*. Розанов выстраивает множественность приближений: *всматриванье, вчитывание, вслушивание, обоняние, философствование ощупью*. Нужно «вчитать» себя в тексты культуры и философии, а их поверить

¹ Нужно вспомнить высказанные несколько позже мысли Г. Г. Шпета об *онтологии формы*.

собственным переживанием, разместить текст в жизненном окоёме.

Мысль в этом смысле именно *прикаса- тельна*.

Переводя вместе с П. Д. Первовым «Ме- тафизику» Аристотеля, Розанов усвоил дух свободного искания в опоре на очевидность со вниманием к ближайшему.¹ Более того, думая об отношении материи к телесности, пытался решить непроясненный у Аристотеля вопрос о тождестве *тела* и *материи* — встраивает ранее намеченное в свою *картинность* мира. Если аристотелевская теория форм наследует и преобразует платоновскую теорию идей, то у Розанова идея оформливается письмом, все более и более разветвляющемся на отдельные смысловые *листья*, *завитки*, *замет- ки*. В. В. Биbihин даже высказывает важную для понимания творчества Розанова мысль о том, что его переход к публицистике был шагом назад — к диалогу с незрелым сознанием, к читающей публике, в то время как книга «О понимании» и аристотелевский перевод с комментариями ориентируются на высокую мысль и ближе к классике. Нужно еще добавить, что именно выбранная — *обретенная* — форма определяла поиски и темы.

¹ Биbihин В. В. К переводу «Метафизики» Аристотеля // Биbihин В. В. Слово и событие. М.: Эдито- риал АУРСС, 2001. С. 238.

Цель и *благо* выступают неразделимо друг от друга, но в отношении к цели благо подвержено действию исторических сил. Поэтому мыслительный *жест* всегда конкретен — жестов меньше, чем слов, но именно жест, настроенность, взгляд, вслушивание и всматривание, вдохание связывают единое и конкретное. Примечание Розанова к тексту Аристотеля говорит о чрезвычайно значимом моменте мысли: для Аристотеля с *единого* начинается познание каждой вещи без исключения, к чему Розанов добавляет, что прежде всего мы знаем то, что вещь едина, т. е. что она существует сама по себе среди многих других вещей.¹ Органика постоянно предшествует схеме и конструкции — органичность будет спроецирована в письмо. Вещи и вещьность даны в становлении — продолжение мысли Гераклита. Сущность вещи создается агонем бытия и небытия: пока образуется вещь, она еще не существует, но в то же время и не отсутствует вовсе, то есть она и *есть* и *нет*. Это тема не только классической диалектики, но современная проблема *неопределенности* в науке и философии, что представляет еще один ход актуализации мысли Розанова.

¹ Там же. С. 246.

Глава III

ПОНИМАНИЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

*Все хорошо, что мы не
понимаем, а что мы понима-
ем, то уже не очень хорошо.*

В. В. Розанов

В статье «Розанов как мыслитель» П. В. Палиевский вспоминает свой разговор с Алексеем Федоровичем Лосевым о *диалектике* и *тайне*.¹ Прямой ход из того разговора вел непосредственно к признанию жизненной интуиции каждого человека. Но это не значит, передает слова А. Ф. Лосева П. В. Палиевский, что «нетеоретический человек прав». Ведь если совершить «возгонку» *нетеоретичности* на уровень теории, то «...ужаснулись бы. Гегель и все это в сравнении с ним сладкая водичка.

¹ Палиевский П. В. Розанов — мыслитель. С. 24.

Розанов! Он это умел, и он начал».¹ Но что, собственно, «начал Розанов»? — вернемся к приведенным словам Лосева («Гениальный был человек, да... Ведь что наговорил...»).

Затронутые Розановым в трактате «О понимании» темы, при всей внешней схожести с классической системологией, существенно отличались от ее схематики именно в силу допущения неопределенности, входящей в *телос* понимания. Так создается *настроенность* жизненного ландшафта, восприятия произведения, толкования истории и даже историко-софской прогностики: «В Розанове неожиданно, как подарок его стране и эпохе, восстанавливается античное ощущение направленности бытия. Он также видит в начале мира не давнее происшествие, а спасение, к которому всё по-своему стремится».² Как и в ранней греческой мысли, у Розанова опорного определяющего чувства природы не меньше, чем у современной физики, считающей своим новым достижением, например, «ущербный „антропный“ принцип» (В. В. Биbihин). И если суммировать слова и образы о тонкости, неуловимости и самости бытия, *предполагающего* понимание и делающего его возможным, а оно в свою очередь потенциально продуктивно

¹ Там же.

² Биbihин В. В. К переводу метафизики Аристотеля. С. 241.

для вещей, то *неопределенность* будет объединяющим термином.

Именно внимание к неопределенности — внимание, а не простое признание факта, дает возможность уйти от такого представления о творчестве Розанова, которое выстроено в серии уступительных предложений. Еще раз следует сказать: сегодня актуализирована *неопределенность* — в философии, эстетике, философской антропологии. Аналоги такой актуализации можно найти в стратегиях науки, творчества и жизнестроения.

В творчестве В. В. Розанова *неопределенность* способна приобретать если не строго концептуальный характер, то достаточно фиксированный и при этом антиномичный смысл, выступая, с одной стороны, основой различных взглядов, а с другой стороны — наполняющей силой конкретных содержаний. В статье «П. А. Флоренский об А. С. Хомякове» Розанов говорил о неопределенности как отрицательной характеристике мышления: в ней сливается «даже и прямо противоположное». Розанов приводит слова П. А. Флоренского о критиках Хомякова: «...для любящих Церковь, но не видящих ее у Хомякова или, скорее, усматривающих у него подмену истины церковной чем-то другим, самодельным, равно как и для вовсе не любящих Церкви и не чувствующих реальности ее, — учение Хомякова есть *неопределенное* (курсив мой. —

А. Г.) и туманное учение о чем-то мечтательном и призрачном, какая-то система о пустом месте, следовательно, софистика, виртуозное пустословие, блестящее оригинальничанье».¹ Необходим, стало быть, утверждающий *онтологический жест* постижения.

Поэтому взгляд Розанова во многих случаях *как бы* совсем случайно и непредсказуемо попадает на ту или иную предметность, на тело или переживание — представления при этом усилены благодаря присутствию неопределенного фона жизненной силы. (Так представленное воображаемое может быть сопоставлено с идеями *фикционализма* — философией как если бы (*als ob*), где гипотетическое встроено в рациональный порядок.) У Розанова в отличие от гегелевского взгляда неопределенность не выступает как *повод* для понятийной рефлексии. Более того, взгляд Розанова выстраивает картину понимания также поверх индивидуального переживания заброшенности или отчуждения. Розанов хочет ввести неопределенность в понимание: «Не полон ли мир ужасов, которых мы совершенно не знаем? Не потому ли нет *полного ведения* (курсив мой. — А. Г.)», что его не вынес бы ум

¹ Розанов В. В. П. А. Флоренский об А. С. Хомякове // Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 405.

и особенно не вынесло бы сердце человека?»¹ И Розанов не только предугадывает рост интереса к *непереводимости* религиозного опыта, языка, словаря или ментальности, равно как и рост интереса к опыту травмы, насилия или террора в XXI в., что говорит о возрастании *неопределенности*, но показывает возможности собственной *системотехники* понимания, где стоят острейшие вопросы о ступенях свободы.² Ведь несвобода в образовании, творчестве или вере порождает насилие, в свою очередь являясь порождением его новых форм (В. В. Савчук).

Розанов, говоря о неопределенности, обращается к античной традиции — его позиция близка к гераклитовскому — *агональному* — пониманию Космоса. Неопределенность предстает как неизменное присутствие того, что не поддается схватыванию в понятии, точнее, того, что есть до понятия. Эмоциональные переживания страха или заброшенности, полагаемые в центре внимания, должны привести

¹ Розанов В. В. Сочинения. Т. 2. С. 369.

² «Необходимо понять, что неопределенность является неотъемлемым условием свободной, продуктивной и счастливой жизни человека» (Вульф К. Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни / Пер. с нем. Е. Смолоногиной // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / Отв. ред. Вульф К., Савчук В. В. СПб.: Изд. РХГА, 2013. С. 6).

к неким фигурам («формам») понимания — вывести, говоря словами Розанова, от *ума* к *разуму*. Но для этого нужно расположить переживания в соответствующей системе знания, иначе как иметь дело с возможностью их преодоления?¹ Именно обращение к теме самосознания как обнаружению способностей дает возможность определять границы человеческого — способствует тому, чтобы иметь дело с неопределенным. Даже житейское — *детское* — непонимание способно придавать смысл существованию и преодолевать *скуку*.² Неопределенное пребывает внутри Космоса и *пронзает* повседневность. И только *разум* способен справиться, полагает Розанов, с тем, что может оказаться «гибельным для сердца».

Разум способен создать эффективную и компактную модель соединения в одно целое разнородных явлений. И что самое важное — включить туда непредсказуемое и неопределенное как константы мысли и существования. Возможны, следует отметить, математические

¹ Ср.: «Теория упорядочивает мир в сознании людей в большей степени, чем это соответствует реальному его устройству. Жесткость организации нашего интеллекта превышает в определенной степени упорядоченность физической реальности» (Гусев С. С. Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб.: Алетейя, 2002. С. 54).

² Розанов В. В. Как хорошо иногда «не понимать» // Розанов В. В. Сочинения. С. 292—295.

модели, изобретенные разумом, для описания упорядоченности. Такова, к примеру, константа симметричности, которая символизировала максимальную устойчивость мира, «вечное возвращение» к исходному состоянию. Еще раз нужно вспомнить, что Розанов в трактате «О понимании» говорил как раз о *геометричности* организации разума.

На этом фоне неопределенность является знаком *собственных* отношений: апокалиптичность прорастает в малом и еще почти неразличимом. Поэтому так важно внимание к детали и непосредственному переживанию: фигуры умаления дают предельное приближение к тайне бытия — оно способно высказываться на языке *малых сих*. И тут, как и во многих других случаях, надо отметить умение Розанова представлять будущее как особого рода экзистенциальное и смысловое событие: продуманы конфигурации возможного, о значимости которого мыслитель писал в своем первом трактате. События даны как потенция — совозможность процедур понимания и жизни. Более того, будущее предстает как ответственный и укорененный в традиции выбор, при этом допускается непредсказуемость, основания для чего есть в прошлом, настоящем и возможном будущем. Вместе с тем такой выбор не ограничен традицией — он учитывает не только логику философии истории, смыслы историософии, но неизбежную трагическую

непредсказуемость истории, в тех ситуациях, где она — *апокалиптически* — отказывается от понимания. И если говорить о выпущенной *стреле познания*, которая определяет путь — *архитектонику* — мысли Розанова, то полет направлен от исходной темы *понимания* до последней в его творчестве темы *апокалиптики*.

Принять такой взгляд — *прильнуть*, хочется сказать, склоняясь к стилистике Розанова, можно только тогда, когда настоящее неизбежно в понимании. И можно было бы вслед Владимиру Соловьеву сказать: «Образ Христа как проверка совести». Но Соловьев пребывает в классической традиции, его системология выстроена проверенным способом — доказательством по силлогизму, гегелевскими триадами, кантовским априоризмом. А Розанов во многом уже в XX и XXI вв. — он заговорил своим голосом, иногда возвышая интонацию над мыслью. Оба мыслителя «братья истинные по духу», оба «закричали о чудесах, когда мир их исключил, убоялись Антихриста, когда мир не боится и Христа...» — Розанов, читавший сочинения Соловьева, мог «на лету» поймать ключевое для соловьевской философии словосочетание — «цельное знание», включив его в свое исследование понимания.¹ Но

¹ Козырев А. П. Розанов и Соловьев: диалог в поисках Другого // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 258—260.

настоящее у Розанова, в чем он является диагностом совсем другого — *апокалиптического* или *постсовременного* — понимания времени, состоит в признании главным во времени его преходящести. Наверное, это может быть сближено со словами о том, что время «постоянно *не* есть. Оно есть тем, что оно постоянно проходит» (М. Хайдеггер).

На острие внимания — стремительная изживаемость временности: имена даются, чтобы смениться другими, сохраняясь как *след*. Есть порядок наследования, который нужно понять. И вместе с настоящим под вопросом оказывается множество вещей и смыслов, незыблемо, казалось бы, укорененных в существовании.

И это ставит перед мыслью две проблемы.

Первая состоит в том, чтобы понять: что действительно *есть*, не покидает существование и утверждает смыслы жизни.

Вторая заключена в том, чтобы в разговор об устойчивости некоторым *образом* ввести не только исчезающие феномены, но самую фактичность исчезновения, даже допустить случай, непредсказуемость, нефиксируемую возможность, представить бесконечность в форме некоторой конечности. Это и предстает в образе *Апокалипсиса* — «таинственной и непостижимой Книги» (В. В. Розанов). И тогда *Апокалипсис* при всей его непостижимости способствует преодолению неопреде-

ленности — так предшествующие поколения могли преодолевать страх перед неизвестным: *Апокалипсис* выступает, по словам Георгия Федотова, не только как наказание, но как предупреждение и знак спасения для достойных.

Неопределенное — предстает на фоне естественной природы или символической нормы. Так границы *тела* не могут расширяться до бесконечности, что отмечено уже Кантом. Они не могут и сужаться до исчезновения — в таком случае теряется естественная *природность*, поверенная неизбывной размерностью вещей. Но неопределенное всегда нарушает упорядоченный мир размерностей — может стусевывать определенность зримыми фигурами *фигуры-гиганта*, *фигуры-литоты* или *апокалиптическими образами*. Розанов словно бы предугадывает сжимаемость и ущемленность существ и сообществ, ущербность мутирующих идей, опасности, которые вскоре грядут: *пост-травматический* опыт войны как вражды, сжатость людей в *котловане*», *социальный аутизм*, конструктивистское перекраивание *пола*, политизацию *крови* и *рода*. Всполохи апокалипсиса видны не только в великом, они видимы во многом малом и многих малых. Но чтобы вычлениить их из неопределенности, надо локализовать их — *опредéлить*. Понять, что́ просвечивает — *подостоевски* — в *белых ночах*, что́ накаплива-

ется и плеснет неприятием жизни в результате казенности образования, что приведет к утрате веры, разрушениям и бедам вследствие утраты душевности и духовности жизни. И Розанов локализует неопределенность в конкретных вещах, переживаниях, заметках, письмах. Как бы гасит неопределенное, но вместе с тем заставляет в образах и смыслах *мерцать* ранее неведомое.

Розанов в трактате «О понимании» прямо коснулся проблемы неопределенности, когда рассуждал о соотношении *пассивного* и *деятельного* начал в изменениях, причем пассивное и деятельное «сами не лишены этой стороны бытия *происхождения*».¹ Оба начала — пассивное и созидательное — «одновременны всему, что есть существующего, потому что именно существующее-то и распадается на эти начала; так что происхождение их, если только оно когда-либо имело место, должно быть отодвинуто так далеко, как далеко простирается в прошедшее существование самого Космоса».² Но если пассивное начало было создано некогда, то активное начало вечно исходит откуда-то; первое появилось и пребывает как неподвижное, второе истекает как вечная деятельность. Вопрос о происхождении, отмечает Розанов, весьма труден, даже

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 212.

² Там же. С. 212—213.

труднодоступен, но еще более сложен вопрос о характере «встречи» пассивного и деятельного — не только в плане единичных конкретных соединений, а в смысле понимания общего условия такого соединения. Речь о том, что неизменно повторяется и выступает как необходимый и вечный производитель исходных моментов генезиса.

Какова природа «изменения изменений» (В. В. Розанов)? Мыслитель проецирует вопрос на сферу науки, определяя в качестве ее последней цели построение классификации изучаемого материала. *Начало пассивное* делится Розановым на существующее в пространстве и замещающее его, какова, например, *материя*, и на существующее в пространстве, но не замещающее его, каковы, к примеру, *идеи, чувства, воля*, — вообще психическое в Космосе. Материя, далее может делиться на простое — *тела*, и на сложное — *организмы*.

«Психическое в космосе» разветвляется на производящее (*дух*) и на произведенное (*жизнь*). И далее: «начало деятельное» предстает как *силы движущие, силы соединяющие, силы разъединяющие и силы направляющие*. Именно последние производят изменения в самих изменениях — целесообразно направляют изменения к некоторому определенному результату. Действию *направляющих сил* подчинено все в Космосе, они движут *вещество*

в его элементах, движут вещество в телах, движут жизнь в организмах. И самое главное в том, что именно эти силы движут дух, где подразделяются на то, что движет *идеи* в их развитии, на то, что производит формирование и развитие *чувства*, и на то, что движет *волю*. Силы, движущие произведенным *духом*, — таковы *неизвестные еще силы*, действуют в политических организмах, в художественном творчестве и пр.

Главное, следовательно, в том, чтобы понять сущность соединяющих, разъединяющих и направляющих сил, а также сил, действующих в веществе, в организмах, в духе и в том, что творит дух. Розанов убежден, что все эти вопросы, «исполненные бесконечного интереса, еще ни однажды не затрагивались мыслью человека, столь глубоко погрузившуюся в изучение частных, что как будто и не существует целого, к которому относятся эти частности».¹ Это, наверное, можно оспорить, но для Розанова тут более важна незаменимая для творчества «энергия заблуждения», о которой писал Толстой. Можно сказать, что Розанов, как это будет сделано впоследствии в критике европейской метафизики в XX в., предъявляет предшествующей мысли радикальный упрек: соотношение между пассивным и действительным началом должно быть

¹ Там же. С. 216.

определено не только в *целом*, но для каждой *единичной вещи* — отсюда исходит внимание к собранности взгляда на бытие, неповторимости любовного отношения и уникального опыта веры. Дело также в том, что может быть найдена *общая формула* (В. В. Розанов), которая выразит точное отношение всякой силы ко всему неподвижному. Мир происшедших вещей не вечен в Космосе, они должны быть изучены в их общем виде, то есть как следствие общего генетического развития природы. Вещи производятся процессами — обратим внимание на общность смыслов в словах *производства-действия* и *произведения-исхода*, что значимо для всего творчества Розанова. *Явления* имеют силу изменять вещи, но только *процессы* могут вещи производить: когда появляется новая вещь, возникает особь, как новое неделимое в Космосе, прежде не бывшее в нем, или, точнее — потенции слагаются и образуют реальность.¹ И одно из необходимых усилий понимания состоит в том, чтобы понимание процесса совершающегося давало понимание вещи еще не происшедшей, а понимание неизвестным способом произведенной вещи открывало бы этот способ.

Но как именно выстроить обоснованное и ответственное понимание того, чего еще нет?

¹ Там же. С. 217.

Или, другими словами: как соотнести бытие и возможное во времени сущее?

Процессы происходящего, согласно мысли В. В. Розанова, как раз и распадаются на два больших отдела: *неопределенные* и *определенные*. «Под неопределенными процессами я разумею такие, какие не существуют для произведения вещей какого-либо одного вида, только через эти процессы происходящие, и поэтому случайны по своему существованию, непостоянны по своей природе и изменчивы по своим признакам; под определенными же процессами я разумею такие, которые повсюду и постоянно совершаются одинаково, будучи в совершающемся тем же определенным и законченным, чем в существующем являются определенные и законченные вещи, ими производимые».¹ Комок глины, приводит пример Розанов, может производиться самыми различными способами: ссыханием, сдавливанием, сцеплением через что-нибудь третье, в нее попавшее.

Соответственно все процессы, которые производят разные неопределенные вещи, и притом такие, которые могут быть произведены не только этими, но и разнообразными другими способами, которые все и предусмотреть невозможно, именно и будут названы процессами *неопределенными*. Сущность *неопреде-*

¹ Там же. С. 219.

ленного состоит в отсутствии необходимости: между вещами и процессами нет жесткой детерминации.

А сущность *определенности* как раз в наличии необходимости: такой процесс производит, совершаясь, одну и ту же вещь. И эта вещь производится одним и тем же определенным процессом — творится *неделимым* одного рода в совершающемся. Розанов подчеркивает, что процессы неопределенные имеют большее распространение в природе, чем процессы определенные: все, что не закончено, не сформировано, не установлено окончательно, производится ими. Область же процессов определенных не столь обширна, но зато более совершенна: все немногое и лучшее, что лежит в Космосе, производится ими.

В неопределенных явлениях и процессах законы и силы отличаются одновременно и *простотой* и *общностью*, а в процессах определенных — *сложностью* и *ограниченностью* распространения. И вывод Розанова таков: «...законы и силы всех неопределенных изменений — будут ли то явления или процессы — по своей природе всегда неразложимы, т. е. они не сводятся ни к каким низшим, простейшим законам и силам: далее, по происхождению своему они все суть первоначальные силы и законы природы, ничем не произведенных в ней; и, наконец, по сфере своего действия они суть всеобщие законы и силы Космоса,

которым подчинен он и в своем целом, и во всех частях своих, не исключая даже и тех, которые имеют для себя отдельные специальные законы и производятся отдельными специальными силами».¹ Напротив, определенные процессы движутся силами и управляются законами, сложными и не первичными по происхождению, но производными — подчиняется им не все лежащее в Космосе, а только строго определенные его области.

Следовательно, определенность процессов имеет ограниченную сферу применения сил и законов, но это же самой определенности придает особые конструктивные формы построения знания: можно открывать общие законы, по которым развивается каждый тип определенного генезиса. И это даст возможность *представить* неизвестную конечную форму, в которую та или иная определенность стремится раскрыться: *наблюдение* за поступательными сочетаниями определенных форм способствует *пониманию* направления и результатов генезиса вещи, положения или идеи. Таким образом, определенные процессы более жизнеспособны *исторически* и действенны в сфере знания — они могут быть развернуты в будущее таким образом, чтобы стала возможна еще более изощренно выстроенная схема понимания. Намечены принципиальные

¹ Там же. С. 222.

перспективы развертывания схемы: «завершена она может быть только в далеком будущем» (В. В. Розанов).

Но встает вопрос: такая возможность в будущем связана лишь с технической схематикой понимания или необходимо что-то принципиально новое не только в организации знания, но и в мироотношении — в существовании и даже в самом человеческом материале?

Как соотносятся *космос* и *вера*?

Космос и *человеческая любовность*?

В связи с этим имеет смысл, как иллюстрацию к всеобщей схематичности понимания, указать на структуру определенности: речь как раз о существовании вещей в космосе.

Где исток сущего?

Предшествует всему *учение о силах природы* или о проявлениях *начала деятельного в природе*. Это учение распадается на учения о *силах молекулярных*, о *силах механических*, о *силах жизненных*, действующих в организмах. *Силы психические* действуют в духе, а *силы исторические* действуют в мире человеческом. Каждая сфера знания имеет задачу понять по всем схемам разума те силы, что движут, во-первых, *вещество*, во-вторых — то, что движет *тела*, в третьих — понять силу, движущую *жизнь в организмах*. Четвертая задача понимания изменений состоит в том, чтобы понять то, что движет *дух*. Наконец, пятая задача состоит в том, чтобы понять то,

что движет *творимое духом* — процессы художественного, нравственного, религиозного и политического творчества. И лишь немногие, подчеркивает Розанов, из этих сил известны, большинство же, которое показывает себя в изменениях, может быть открыто только в будущем. Главная для науки задача как раз в том, чтобы сделать известными *силы-причины*, действия которых видны по изменениям. И наиболее трудное состоит в том, чтобы понять самые сложные и неопределенные группы сил — *жизненные, психические и исторические*.

Ведь если есть изменения в организмах, в духе и в жизни, то есть и соответствующие *силы*: «Есть нечто, что движет жизнь в них; но столь же несомненно, что мы ничего не знаем об этих силах».¹ Знание о них связано с проявлением деятельного начала в Космосе: для успешности знания нужен строгий порядок действия познания по схемам разума. Необходимо, следовательно, наблюдать за изменениями, устанавливать их генезис, определять силы изменений.

С этой целью Розанов рассматривает части науки в их отношении к целому, точнее, *целокупному*. Химические, механические *силы* должны быть поняты в единстве с источниками их природы, должны быть описаны

¹ Там же. С. 228.

действия всех сил — положение и роль силы в мироздании, должны быть определены общие черты каждой силы в отношении к другой, показаны индивидуальные особенности силы и ее действия.

Следующий шаг в понимании сил природы состоит в том, чтобы дать учение о *формах начала пассивного в Космосе* — о том, что подвергается изменению. Розанов верен исходной интенции: предварительно следует распределить все изменяемое в группы, затем каждую из таких групп нужно подвергнуть изучению в том, что касается изменения. И здесь важнейший момент создания новых смыслов понимания: из того, что произошло и существует в природе, отмечает Розанов, все имеет двойной генезис — в прошедшем времени и в настоящем. В первом оно произошло некогда как *род*, во втором оно постоянно происходит как *индивидуум рода*.¹ Соответственно ряд преемственных изменений назван *родовым генезисом* — именно через него происходит образование рода. Но кроме родового генезиса прорастание («этот единичный дуб, эта единичная лилия») имеет еще другой генезис: таков ряд преемственных изменений, происходящих между «моментом прорастания и моментом, когда растение уже сформировалось окончательно (когда оно вновь начинает

¹ Там же. С. 229—230.

распадаться на свои потенции»). Этот генезис Розанов называет *индивидуальным* — именно с его посредством образуется *индивидуум-личность* как единичное неделимое в роде: актуализированы темы *свободы, творчества и ответственности*.

Более того, личность только и возможна как потенция рода, а род реализован в каждой личности. И в научном знании, как его представляет Розанов, должны быть раскрыты все родовые и индивидуальные генезисы, имевшие и имеющие место в природе. Должно быть определено происхождение всех родов в существующем и образование индивидуумов в каждом происшедшем роде. Соответственно *начало пассивное* может быть понято согласно с делением движущих сил природы — разделено на *вещества, тела, организмы, дух и производимое духом*. Так в конечном счете может быть сформировано учение о происхождении *жизни исторической* и отдельных форм, из которых она складывается (государство, искусство). И далее: если определены активные силы природы — от молекулярных до исторических, и определены формы пассивного начала в Космосе — от веществ и тел до государства и искусства, то встает вопрос о соединении *действия и претерпевания*.

Каковы модусы соединения и разъединения начал пассивного и активного в Космосе?

Самое главное в том, чтобы понять все виды *начатия* изменяющихся процессов. Нужно, если угодно, совершить *де-конструкцию* исторических смыслов: «дать осесть понятию» (Ж. Деррида). Розанов полагает, что над этим «никогда еще, по-видимому, не задумывался человек»: например, что именно происходит в первый момент, когда дерево начинает расти (сущность соединения обоих начал), и что именно происходит, когда оно перестает расти (сущность момента разъединения обоих начал).¹ Значимы не просто начало и конец — вполне очевидно определяемая наличность, но взаимообращенность начал. Ведь учение о явлениях и процессах в Космосе имеет своим предметом не изменяющиеся вещи, но изменения в вещах. Основной вопрос не в том состоит, чтобы установить, как произошла наблюдаемая природа в своем разнообразии, а в том, чтобы понять поименованную природу происхождения — *генезис* и *трансформацию* смысла вплоть до возможного апокалиптического исхода.

Что может быть *поименовано* как особенное приложение силы к началу пассивному? «Что именно свершилось»? (В. В. Розанов).

Наследуя всему сказанному выше, встает вопрос о *вещах* как результатах генезиса в Космосе. Вещи *выпадают* из неопределенного

¹ Там же. С. 230.

как знаки встречи активного и пассивного. Розанов подвергает их классификации — *именует* — с последующим описанием формы происшедшего и установившегося: во-первых, это *элементы вещества и их соединения*, что названо может быть *телами*, во-вторых — *царство минералов*, в-третьих — *царство растительных и животных организмов*, в-четвертых — *дух и его формы* (разум, чувство, воля). Наконец, в-пятых, речь идет о том, что *сотворено духом*. Таковы нравственные и религиозные учения, философия, науки, государство в его многообразных формах и другие социальные институты: «Будучи классифицировано», — все это должно быть подвержено изучению именно как происшедшее, — *что* в каждом описанном (например, в организме тот или другой орган или ткань), *каким путем* произошло.¹

И далее учение о генезисе Космоса распадается на те же формы, как и учение о генезисе вообще и о генезисе вещей в Космосе: действует устойчивая фигура *воспроизведения* как постоянно возобновляемого повтора.² По-

¹ Там же. С. 232.

² Ср.: «Древнейшие эталоны упорядоченности, изобретенные разумом, наглядно изображались с помощью геометрической симметрии. Симметричность, особенно зеркальная, символизировала максимальную степень устойчивости мира, постоянное возвра-

ставлены вопросы: каков генезис самого мира, каково происхождение мира и его развитие, какова та конечная форма, к которой развитие устремлено?

Схемы разума словно бы предписывают порядок миру: без законов науки мир невнятен и непонятен, а понимание системно и целостно обращено к миру. Но далее встает вопрос о генезисе самого Космоса: «вечно ли развивается и будет развиваться мир, или его развитие и в прошедшем имело свое начало, и в будущем получит свое завершение и окончание?»¹ В пределе апокалиптические — «ино-рациональные» — образы могут представлять как материал для актуальной историсофской герменевтики. Но принадлежит ли мировой генезис к типу замкнутых, раскрывающихся или сомкнутых процессов? Может ли быть построена схема познания, которая во всей совокупности точных определений могла на этот вопрос ответить? — Розанов последовательно ставит вопросы, из одного вытекает другой. И на-

пение, при всех его изменениях, к исходному положению. ... Стремление к абсолютной упорядоченности, абсолютной стабильности мира способствовало тому, что эталон такой абсолютности рациональное сознание выносило за пределы сиюминутной реальности, с которой человек имел дело на каждом шагу своей жизни» (Гусев С. С. Смысл возможного. С. 54, 55).

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 232.

правленность вопрошания намечена: нужно понять, *как* именно и *где* должно быть определено протекание мирового генезиса, *что* он собой представляет, каково его строение, из каких преемственных изменений он складывается, каково взаимное соотношение этих изменений, каждой предыдущей к каждой последующей? И самое главное состоит в понимании того, к какому типу изменений принадлежит генезис, в котором изменяется мир:

Мир — пассивен?

Мир — активен?

Мир представляет собой совокупность модусов соединения и разъединения начал пассивного и деятельного в Космосе?

Розанов исходит из того, что вопрос об изменениях мира может быть положительно решен в том случае, когда определен основной тип процесса изменения мира. Тогда может быть установлена общая закономерность — *верховный закон*, который проявляется в мировом развитии. Соответственно понимание этого закона, двигаясь по схемам разума, должно далее развивать знание. Вот мысль о самой потенции понимания: *дать из себя ряд новых учений* (В. В. Розанов).

Что главное?

Понять, где именно в своем происхождении и причине познается *сила*, движущая мировым развитием. Где форма соединения ее с космосом — вне ли его она находится или

в нем самом? Необходимо ли сила соединена с космосом или же временно и не безусловно?

Наконец, завершающий жест: где и как может быть познана та *конечная форма*, к осуществлению которой направляется мир в своем развитии?

Эта форма предстает, если применить современную концептологию, как особого рода *со-бытие* и *событие* смысла. Конечная форма может быть определена из тех элементов мирового генезиса, которые уже минули в прошлом и которые еще проходят в настоящем. Именно потому, что в этих элементах конечная форма уже потенциально *предустановлена*. Раскрыть ее можно умозрением, зная строение процесса, его направление и общий тип, к осуществлению которого стремятся изученные элементы. И такое научное умозрение о генезисе может быть только тогда, когда (должно быть) раскрыто учение о времени как о начале, в котором движется всякий генезис — именно потому, что сущность генезиса есть смена существований, а всякая смена существований происходит во времени.

Должно быть установлено, заключает Розанов, *определение времени*, раскрывающее его сущность.

Далее должны быть определены его свойства (тождество во всех элементах, вечная текучесть, неизменяемость). Должно быть в завершающем умозрении указано происхождение

ние времени или доказана его безначальность. Надо понять назначение времени и его отношение к существующему миру или к его отдельным сторонам.¹ Но каково назначение времени?

И кем назначено?

Или время представляет собой умозрительную форму исчисления и может быть последовательно «скалькулировано» в общем и в отдельных проявлениях?

Розанов, размышляя в пределах *темпорального* понимания сознания, стремится выйти за пределы исторического сознания модерна. И это снова в очередной раз побуждает вернуться к вопросу о *неопределенности*. Она не локализована в одном «месте смещения» (*переход, слом настроений, временной шов, рассеяние, исчезновение, апокалипсис времени*), а должна быть относима к рефлексивной или экзистенциальной позиции в целом. Поэтому Розанов особенно внимателен к общему представлению о времени — о нем главный вопрос. И внимателен к жизни индивидуума как неповторимому проявлению времени Космоса. Розанова интересовало не аналитическое определение фактичности, а выявление основ и возможностей понимания. Тема неопределенности во всем присутствует как *сила*, вызывающая мысль на встречу. Творче-

¹ Там же. С. 232—233.

ство Розанова — *диагностика и свидетельство* первых проявлений апокалиптичности в своем времени. И можно конструктивно сопоставить его усилия с актуальным интересом к аксиоматике, дискурсивному пониманию истории как метарассказа, с темой топологической субъективности.

Во внешне *импрессионистических* описаниях ситуаций Розанов свидетельствует о том, как неопределенность проявляется в *действии*. При этом безличный *субъект знания* трактата «О понимании» все более превращен в *человека жизни* — субъективность является не только особого рода «посредником» между определенностью и неопределенностью, но и непосредственной сферой существования и рефлексии. Субъективность, в схематике понимания проецируемая из Космоса, конкретно складывается в жизненных ситуациях, в которых человек действительно пребывает. Активно формируется в переживаниях, в эросе, в творчестве, в интимном пространстве семьи, в религиозном опыте — везде, где неопределенность проявляет себя и действует.

Именно неопределенность особым образом приводит к человеку. И Розанов создает особый ход мысли, одновременно дискурсивный — *письмо*, и экзистенциальный — *жизнь*. Внимание Розанова смещается от понимания бытия к бытию как пониманию — эти идеи сближают позицию Розанова с фундаменталь-

ной онтологией Мартина Хайдеггера и философией диалога М. М. Бахтина. Однако и на таком фоне не следует упускать из внимания тему неопределенности у Розанова — она соотнесена с признанием *высшего творческого существа*, неопределимого по своей абсолютной сути, и с признанием существования *предела* как до конца не проявленной потенциальной *силы*. Неопределенность, следовательно, не просто подстерегает человека «время от времени» — неопределенность неискоренима. Что человеку делать? — жаждать и ожидать, пусть, признает Розанов, это и *немощно*, пусть и не изменит хода исторического развития. Но ясно осознанная *немощь-нехватка* способна вызвать силу понимания, чтобы в будущем освободить людей от фантомов, за которыми скрыто истинное положение вещей. И надо быть согласным с природой вещей — это совпадает с внутренней глубиной религиозной жизни. Так даже в *политике*: «Нужно разрушить политику... Нужно создать а-политичность. „Бог больше не хочет политики, залившей землю кровью“ ... обманом, жестокостью».¹ В политике множественность говорения создает дурную бесконечность непосредственно явленной определенности. А неопределенность соотносима с *понима-*

¹ Розанов В. В. Опавшие листья // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 344.

нием пределов в культуре, телесности, языке, эстетическом опыте, письме и эротике и самой расположенности — *уместности* — мысли. Неопределенное в таком случае представлено на фоне естественной или символической нормы — границы *тела* не могут расширяться до бесконечности, а *текст* способен сопротивляться безответственным попыткам смещения смысла. Текст содержит предметные характеристики, не дающие ему оторваться от вещиности. Неопределенное всегда нарушает упорядоченный мир размерностей — смысловые *существа-гиганты* или *существа-литоты* могут представлять совсем по-разному в зависимости от порождающих сил неопределенного фона. Можно сказать, наверное, что в своем близком к трансцендентальной традиции *понимании* Розанов производит, пусть и неявно осуществляемую, денатурализацию смыслов — особым образом включается в критику натуралистически ориентированного познания.

Тематизация горизонтов смысла идет в двух направлениях: в плане углубления общей схематики понимания и в плане определения фактичности. Причем в обоих позициях неопределенность укоренена в *Космосе*. И здесь «нечаянная радость» творчества — невозможность построения завершенной модели неопределенности, оборачивается *иным*: термины, категории и концепты понимания оказались экзистенциально наполненными, можно

сказать, расколдованными, лично пережитыми и поименованными. Стали таким, о чем можно доверительно говорить с другими. Но и доверительность приобретает, если угодно, эпистемологическую силу. Дескриптивная схематика наполнилась переживаниями, не утрачивая свое неявное присутствие в «импрессионистическом письме», а предметная и личностная фактичность содержит постоянное трансцендирование к схематике Космоса. Концепты понимания оказались образами постижения и личного письма. (Нужно только иметь в виду, что в некотором смысле автор — всегда «гость своего текста».) Таким образом, то, что вначале принадлежало спекулятивному идеализму в исполнении Розанова, стало сферой экзистенциального постижения. Нужно иметь дело с проявлением «самой вещи»: исходно действующая в творчестве и существовании неопределенность преодолевается в произведении, как «вещном топосе». Тем самым Розанов открыл множественность возможностей понимания, сохранив его космические ориентиры.

Обращая тему к современности, можно сказать, что сегодня рефлексия неопределенности представляется актуальной формой выхода из ситуации *постмодернистского релятивизма*.

Глава IV

ЭСТЕТИКА ЖИЗНИ: ПРОТИВ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В самом деле, «литература — жизнь».

В. В. Розанов

На фоне неопределенности творчество совершается как *синтез* творящего, творения и творимого (В. В. Розанов). Мир человеческий — общее для творчества, и Космос — общее для становления понимания.

Эти соотнесенности наиболее значимы для искусства — его зарождение, развитие и выражение совершаются по своим внутренним законам, и с нарушением их уничтожается или нарушено искусство: цель художественного творчества выводится из его собственной сущности. Согласно Розанову, оно не имеет цели вне себя («раз пробудившись по внутренней необходимости, выливается во внешних фор-

мах, так же свободно и так же бесцельно, как свободно и бесцельно торжественное настроение при виде звездного неба или радость при виде найденной утраты»). Сближение с образами Канта подтверждает главное: творчество обладает автономией и собственным целеполаганием — в этой проекции оно подобно пониманию. Иными словами, именно творчески утверждающий жизнь человек является субъектом понимания: происходит встреча существования и понимания.

Соответственно нужна *форма* для утверждения понимания — его наличная явленность. В такой ситуации *письмо* выступит как *свое-иное* цельного знания — инобытие и выражение, воплощение, несубстанциальная основа творчества: понимание должно выразиться в тождественной его схематике содержательной форме — стать очевидным, непрерывно развертываться в процессе творчества. Можно сказать, что изначальная схематика понимания потенциально уже содержала в себе подходящую форму, в которой снято содержание: письмо («новая стилистика») *эмбрионально* задано как выход мысли в жизнь. Именно в письме происходит схождение целесообразности понимания, свободной вещи и стиля.

В отношении к трактату «О понимании» последующее творчество светит словно бы отраженным светом — не как опыт повтора,

а в смысле постоянного восстановления первичной интуиции. Развернутая в творчестве схематика понимания спирально вернулась к истоку — к космосу разума и разумности космоса-жизни через свое пребывание в вещном, предметном, переживаемом историческом мире. Вот тут и возникает экзистенциально-предельный и автономный топос автора-мыслителя: «Я задыхаюсь в мысли. И как мне приятно жить в этом задыхании. Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. Мне и тут тепло» (В. В. Розанов). Розанов не скрывает, что это позиция «русского обывателя», для которого эстетика или нравственный жест выбора («не нравится») могут стать решающими аргументами в отношении к идеям, институтам и действиям.¹ Но это органическая упорядоченность *обывания* в жизни, где сходятся переживание и смысл, экзистенция и дискурс, историческая необходимость и личная свобода.

Каково место мыслителя-художника? — «человек есть еще более пассивный носитель творчества в области красоты, нежели творчества в области истины». ... «Шумит, а кто знает? Меньше всего автор» (В. В. Розанов). Но в ситуации неопределенности нельзя оста-

¹ Барабанов Е. В. В. В. Розанов // Религия и культура. Т. 1. М.: Изд. «Правда», 1990. С. 14.

ваться — из нее нужно выйти. Значит, уметь представить возможные пути *выхода* или даже *исхода* в виде *поэмы, визионерских посланий* или *интерпретаций апокалиптических видений*.

Собственно, так предстает сопротивление неопределенности: речь об истолковании философских, литературных, историософских и, наконец, апокалиптических образов. Но интерпретация не должна просто фиксировать в повторах «сложность вещей» и «трудности существования» — она должна быть *плодотворной* (Ж.-Л. Марион). Следует самую сложность темы доводить до предела, совершать пробы через разрывы континуальности мысли — создавать *набросок* подлинного существования. Речь о плодотворном отношении к *имени и слову* — утверждающей и ответственной творческой интерпретации, которую осуществить труднее, чем действие в повседневности. Розанов именно это полагает в центр внимания: «И, удивительно, — перед Именем. Величайшая загадка в Имени Иисусовом. Тут правы, так именующие себя — *имясловцы*. Но они не подсмотрели другой, для них самой печальной истины. Именно, что *нарушить Христа* никто не опасается, а собственно опасаются как-нибудь *возражать Ему на словах*».¹

¹ Розанов В. В. Из таинств Христовых // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 261.

Интенсификация понимания должна поднимать мысль над суетностью жизни и ее объяснениями, приводить — лучше сказать, вновь возводить к исходной определенности космического порядка.

Как раз в плодотворной интерпретации Розанов открывает Аристотеля «близкого существованию, прочно стоящего на общечеловеческой интуиции» (В. В. Биbihин). Понятие *предела* приближено к классическим представлениям и даже успокаивает своей доходчивостью, когда Розанов к одному из значений термина дает комментарий: «Не геометрическое очертание только составляет тела; сверх этой грубой физической границы всякое тело имеет вторую и менее грубую, но еще более истинную границу: сферу своего распространения или действия».¹ Прозрачная глубина античной мысли предполагает осознание иерархии отношений определенного и неопределенного. И первичные исходные мерцания смысла соотносимы с набрасыванием целого смысла: понимание — потенциально.

Исходная мысль Розанова была вдохновлена и выстроена не в каком-то строгом следовании определенной концепции — гегелевской в том числе, а представляла обобщающую рефлексию времени. Конечно, внутри такой

¹ Биbihин В. В. К переводу «Метафизики» Аристотеля. С. 248—249.

картины есть несходства и требующие уточнений позиции, но важна набрасываемая на историю и современность разумная схематика понимания. Общий смысл состоял в создании последовательности вытекающих друг из друга положений — признании *целесообразности истории*. И в этом теоретическом стремлении одинокого в ранние годы творчества Розанова манило ожидание возможного счастья — понимание давало освободительное знание мира, где все единое в мире равно самому себе, хотя и не уложено ни в какую определенность постижения или переживания. «Розанов не будет приводить противоположности к единству; он знает, что обрыв входит в экономию бытия».¹ Не просто «все течет», а все течет, как «дырявый горшок». Значит, нужно вновь и вновь внимать, склоняться, зачерпывать в ладони текущие воды существования. Если угодно, тут можно говорить об охоте как движении по следу: поименование каждый раз происходит по-новому в соответствии с тем, что именуется. Кстати сказать, *айстезис* в своем первичном смысле имеет отношение именно к охоте — это *охотничий* термин.

Розановым поставлен важнейший для современности вопрос: каков *этнос* познания?

¹ Биbihин В. А. Время читать Розанова // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 47.

И далее: какую *эстетику* творчества необходимо изобретать, чтобы творчество стало утверждающим поименованием?

Среди наших сегодняшних слов, которые мы с изумлением встречаем готовыми для понимания современности, отметил В. В. Библихин, у Розанова уже есть свое слово: *немошь*. Что мешает и что может способствовать человеческому устроению жизни? В рефлексии далекой от определенности *немоши* на первый план выходит трудность или невозможность утверждения жизни в мысли или в поступке, что вводит мысль или существование в состояние открытости бытию. Необходимы поступки, навсегда остающиеся в памяти, преданнейшее служение, полнейшая сосредоточенность. Для Розанова среди всего несомненно значимого *предельность* означает особую собранность *письма*. Оно выступает формой организации смысла — актуализирует состояния рефлексии и существования, что роднит творчество Розанова с позициями авторов, которые могут быть названы *мастерами подозрения, диагностами, свидетелями*. Это же дает возможность быть собранным среди расползающегося мира, противостоять хаосу.

Можно сказать, что эстетика Розанова способна представлять как особого рода *текучесть*, наполненная смыслами. Язык такой энергии предстает как аритмический «поток сознания», афористика (*опавшие листья*), за-

рисовки, наброски — всеобщее предикцирование и становление, где «дискретные» языковые данности как бы растворяются в континуальности (А. Ф. Лосев). И если гераклитовская максима *сухости* («сухая душа мудрейшая и наилучшая») противопоставлена «влажной душе», что тематизируют *неразумность* («влажность душе вредна»), то к эстетике Розанова более подходит именно образ *влажности*. Розанов даже склонен был извлекать *добродетельность* из «влажного дружбою письма».¹ Метафоры текучести в евангельском контексте получают дополнительные коннотации образа «живой воды, текущей в жизнь вечную».² Это не столько «вечно бабье в русской душе», как выразился Н. А. Бердяев о настроенности сознания Розанова, сколько понимание новых смыслов жизненной органики.

Тут особый экзистенциальный опыт, что не признает противопоставления предметного и духовного: подлинный религиозный и мистический опыт свидетельствует о том, что личность не есть замкнутая субстанция — в ней скрыты бесконечные возможности. Эта потенция энергии открыта также в сторону конкретных людей и событий, о которых длится *плач*

¹ Розанов В. В. Предисловие к «В Сахарне» // Розанов В. В. Сочинения. С. 111.

² Брагинская Н. В. Влажное слово: византийский ритор об эротическом романе. С. 67, 72.

веры, и есть подвиг духовного постижения. Полнота переживания божественного присутствия при всей избыточности мистико-эротического пафоса актуализирует непосредственное приблизившееся *гностическое* знание.¹ И неопределенность в экономике субъективности и письма стремится предстать экзистенциально проясненной.² У Розанова субъект понимания положен *сверхсубъективно*: человеческое в человеке превосходит его отдельность, сохраняя индивидуальность. В субъекте способна развиваться возможность — это роднит человека с природой и всем *семенем* мира. Воображение хранит и спасает — включает в понимание. И это не рефлексивное усилие только: сова Минервы, как известно, всегда вылетает в сумерки. В случае Розанова схватывающее воображение *некоторым образом* предшествует рефлексии. Неслучайно одно из

¹ «Для христиан „неведомый“ есть Живой Бог, воплотившийся в человеческой плоти. Бог остается „неведомым“ по сущности, но открывается миру как Бог Слово» (*Щеглов А. П.* Неведомый Бог. М.: Изд. дом «Миръ», 2008. С. 9).

² Ср.: «...во всякое мгновение субъективный индивид стремится избежать боли и кризиса, связанных с принятием решения, иными словами — стремится сделать проблему по возможности объективной» (*Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / Пер. с дат. И. Исаевой и С. Исаева. СПб.: Изд. СПбГУ, 2005. С. 141).

воспоминаний Розанова о детстве и юности названо «Мечты в шелку»: бытие не знает разделения, но посредством понимания способно впускать в себя внимание и мысль — воображающее чувство, становящееся определенным гораздо позднее своего появления.

Розанов говорит даже о том, что сам стимул к теоретичности укоренен в первичную субстанцию *раннего* воображения в жестах, обличьях и лицах. В сфере воображаемого рождается субъект творчества. «Так царства дивного всевластный властелин...» — словами Лермонтова выразился Розанов о себе, жил в детстве. Во многом так же *пролетели* четыре года учебы в университете. «Этим только, т. е. столькими годами мечты, воображения, гипотез, догадок, а главное — гнева, нежности, этой пустыни одиночества и свободы, какую сумел же я отвоевать у действительности, мелкой, хрупкой, серой, грязной — и объясняется, что прямо после университета я сел за огромную книгу «О понимании», без подготовок, без справок, без «литературы предмета», — и опять же плыл в ней легко и счастливо, как покрывалом Лаодикеи... Странная судьба, странная жизнь. Но я заговорил не об ней, не об этой полосе жизни и счастья, а о часах покорности действительности, когда у меня не было стеклянных (блаженных) глаз, а глаза робкие, тихие, я думаю (так я чувствую в душе, так было с внутренней стороны), глу-

бокие, но в чем-то вечно извиняющиеся и за что-то просящие пощады, а вместе — хитрые и готовые на злость, готовые на моментальное бешенство, если бы меня не „простили“ и не пропустили к той маленькой щелочке, к какой-нибудь нужной вещи, к которой я пробирался, извиняясь на все стороны. Странно, сколько животных во мне жило, шакал и тигр, а право же — и благородная лань, не говоря уж о вымистой (с большим выменем) корове, входили в стихию моей души. ...). Вот это обилие в животном — еще животных... эта бездонность разумной и провидящей животности всегда была во мне, и отталкивала от меня, и привязывала ко мне. Мне случалось быть шакалом — о, ужасные, позорные минуты, не частые, но бывавшие — вот бегут люди, отворачиваются: глубокая скорбь проходит по душе, и вдруг выходит лань, да такая точеная, с тонкими ногами, с богозданными рогами, ласкающаяся, кладущая людям на плечи морду с такой нежностью и лаской, как умеет только лань.

Но бросим. Я все увлекаюсь. То — перед старостью.

...Нет, если я не умел или не смог жить, как хотел бы, я хотел бы, по крайней мере, умереть, как хочу».¹

¹ Розанов В. В. Мечта в щелку // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 656—657.

Посредством творчества прокладывается представление о *своем* жизненном пути и о *своей* мысли. И многое будет восприниматься с «ослиным равнодушием», кроме сохранения самых дорогих переживаний — это свидетельствует о значимости первичных интуиций и потенций мысли. Кстати, представление о потенции, заложенное в основном понятии современной квантовой физики — *волновой функции*, или векторе состояния, предельно точно реализует высказываемую Розановым идею.¹ И далее жизненная интуиция Розанова нашла подтверждение в самых разных сферах понимания именно в силу его цельности. Не только эмбриология в XX веке шла под знаком потенциальности, но в области квантовой физики бытие возможное — *меональное*, более фундаментально, чем бытие актуальное. Так и в самой философии — в ее актуальной экономике как производстве смыслов.

Актуальное есть только там, где в него включается виртуальное, возможное, воображаемое. И в разное время оценка деятельности и самого факта присутствия славянофилов рассматривалась в зависимости от времени — не от исторической конъюнктуры, а от степени и способности утверждения. В. А. Фатеев

¹ *Паришин А. Н.* Розанов и наука // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 183.

отметил, что истоки своего славянофильства Розанов находил уже в костромском детстве, а к рубежу веков восприятие славянофильства у Розанова становится критическим — Розанов начинает вести себя как *западник*. Но речь должна идти о *константах* культуры и мысли: славянофильство, уверен Розанов, именно одна из устойчивых позиций. Розанов близок к славянофилам и связывал с ними надежды на изменение жизни к подлинности. Поэтому чрезвычайно важно уяснение исторического, духовного и личного творческого контекста, в котором Розанов высказывал те или иные мысли о славянофильстве.¹ Но еще раз нужно сказать: антиномия выступает как своего рода первичное смыслопорождающее *различение*, что наполняется конкретными *различиями* смыслов — так можно двигаться в историю, в литературу, в осмысление пола, критику религии. Нет необходимости каждый раз повторять об основной — *философской* — настроенности позиции, хотя время от времени Розанов это делает. И не только стремящееся к всеохватности понимание, но все имеющее к нему отношение свидетельствует о едином замысле — включено в порядок письма. Та-нец Айседоры Дункан, скульптура работы Паоло Трубецкого, картины Филиппа Маля-

¹ См.: *Фатеев В. А.* Розанов и славянофильство // Там же. С. 117—131.

вина, встреча на улице или письмо читателя способны представлять «метафизическое как таковое». Вначале это словно бы не вполне определенная форма чувственной интуиции, преобразованная в символическом порядке — пространственно или во времени она некоторым образом определена в *произведении*. Но возможные наполнения смысла уже *предположены*. В современной философии музыки это ясно понято и усилено.¹ И высказываемая истина вызывает к несвершенному, незавершенному — незавершимоу. Неопределенное по-нуждает определенность *случиться* — в этом представлен конкретный онтологический жест понимания. И актуальный для сегодняшних дней поворот «от текста к произведению» может быть понят как жест сопротивления определенной схематике, точнее, переводом ее в измерение событийного смысла.

Розанов представляет человека именно в ситуации исходной неопределенности: стра-

¹ «Музыка, иначе говоря, доводит *айстезис* до его предела: она вызывает бесконечно парадоксальное чувство — ощущение условия вообще любого чувствования, словно ей выпала невозможная задача представлять трансцендентальное, то есть чистую возможность самого представления» (*Лаку-Лабарт Ф. MUSICA FICTA. Фигуры Вагнера* / Пер. с франц., послесловие и примеч. В. Е. Лапицкого. СПб.: АХИОМА / АЗБУКА, 1999. С. 62).

дание внутренней пустоты и холода овладевает человеком, когда он остается наедине с собою. Именно тут наступает «зло умственное в форме незнания», что производит «особенный вид страдания в разуме» (В. В. Розанов). Состояние сомнения, неразрешенных вопросов и мучительных переживаний может быть разрешено только радостью выхода из них. «Ложное знание» — второй вид зла умственного, заблуждение или фантом, призрак ума, который сам по себе не приносит страданий, но они возможны в будущих последствиях. В этом положении человек все-таки радостнее, ведь он может оставаться в таком состоянии, но испытывает отсутствие активной потенциальности ума, что его унижает. И подобное спокойное незнание — отстраненность от понимания жизненных сил и форм, равнодушное отношение к неизвестному, определяет Розанов, «есть вид идиотизма», в нем отсутствует то, что составляет «основу человечности». Есть и третий вид умственного зла, состоящий в *задержке в стремлении к знанию* — человек не может прорваться к пониманию того, что, как он предполагает, всматриваясь и вслушиваясь в жизнь, действительно существует.

А для актуального понимания значимы приемы создания новых форм: «Художественное произведение имеет душу как строй,

как геометрическое отношение масс».¹ Вещи, окружавшие Розанова, по словам Шкловского, «потребовали ореола», писатель дал им «ореол и прославление». Опыт мысли не категоризован, а *становится* в письме. Так эротический символизм сперва представлен через «телесный образ», через помещение половых частей в разряд обхватывающих и входящих предметов, в конце же образ удвоен и усилен — понятие употреблено для перевода французской революции из ряда «свободы» в ряд «хлябанье», старческой слабости, отсутствия «крепкого обхвата».² В розановских *полустихах* представлен новый антропологический опыт понимающего сознания в его рискованной открытости. Установка на создание нового *антропологического материала*, несомненно, у Розанова присутствует — нужно настроить *другого* читателя. Поэтому и религиозная тема представлена в трех постоянных позициях: во-первых, как стремление к божественному устройению мира с несомненной *верой*, во-вторых, как усилие *умной* веры, в-третьих, как ориентир для *творчества*.

¹ Шкловский В. Б. Розанов // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: Кн. II. С. 323.

² Там же. С. 341.

Равнодушная душа греховна именно в силу того, что ни к чему не стремится.

Надо, следовательно, находить истоки стремлений, выявлять их силу и направленность. Нужно учить утверждающей направленности — Розанов возводил *учение* в одну из главных задач русской культуры. «Мы вступили в мир как разумное сознание, как нравственная воля, мы хотим не только господствовать, но еще убеждать и руководить. Но с этой мыслью о том прекрасном, что уже есть в нашей литературе, у нас нераздельная мысль о том, что еще недостает ей. Это не присутствие дурного, а отсутствие хорошего. Ей недостает идейности. Это не значит, чтобы она лишена была глубины содержания. Но только глубокое в ней не прекрасно, а прекрасное не глубоко».¹

Письмо Розанова *не* является прозрачным, пропускающим *сквозь* себя к чему-то другому. Взгляд удерживается на самом событии слова. И картина — не окно в мир, не демонстрация, не этно-графия. Розанов в живописи ценил несводимую ни к чему оформленную органику — таковы его рассуждения о живописи Филиппа Малявина. «„Три бабы“ Малявина выражают Русь не которого-нибудь века», а всех веков — но выражают ее не картинно, для сложения „былины“, а буднично, на улице,

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 469.

на дворе, у колодца, на базаре, где угодно».¹ Только актуальное творческое усилие способно прорваться к видению, сменив узнавание: «...представить, выразить и понять русское женское существо, как своеобразное и новое среди француженок, немок, итальянок, римлян, гречанок, грузинок... Нужно, конечно, изучать и брать, не „дам“, а *баб*. Отсюда сюжет и *имя*. «Бабы — это *вечная суть* русского, — „чиновник“, вообще, „купец“ вообще же, как „боярин“, „царь“, „поп“. Это — схема и прообраз, первоначальное и вечное» (В. В. Розанов). Подчеркнуты *тема* и *сила* исполнения, но наряду с этим предельно значима *философия* творчества.

Нужны, соответственно, *персонажи-герои* — носители смыслообразов.

И Розанов говорит о появлении *антропологической живописи* у художников «Мира искусства»: «*статуя*» города может предстать как статуя *человеческого тела*, живопись отсылает к полноте видения. Живопись только тогда становится живописью, когда уходит от иллюстративности и обретает самостоятельность. Важно выйти из трафаретного представления: «...Врубель дает демона и демоническое как проступающую в природе человеч-

¹ Розанов В. В. «Бабы» Малявина // Розанов В. В. Среди художников / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 212.

ность, человекообразность. Демон у него „не пролетает над миром“, а „выходит из мира“»¹ Следует «уйти от копирования», когда «срисовывали целые категории явлений» — живопись нужно *творить*.

Необходим, стало быть, прорыв сквозь очевидно представленное: понимание архетипов существования, более того — демонстрация *органики* творчества. Ведь даже картине Александра Иванова «Явление Христа народу» Розанов предъявляет упрек в иллюстративности: «Это — компиляция кистью на философскую или ученую тему... В «Крещении» же ровно ничего из этого не сказалось, ничего нежного, проникающего, трогающего, *преображающего*».² Иванов, пишет Розанов, гениально исполнил картину в *деталях*, даже не начав в *теме*. Вера русских — в даре молитвы, а не в исторической этнографии или иерархическом обряде.

Мысль, слово и изображение должны прорываться к истоку, почти невыразимому, всегда остающемуся неопределенным — незавершимым. Для творчества недостаточно иметь в себе «немножко Гоголя», дать «немножко эт-

¹ Там же. С. 217.

² Розанов В. В. Алекс. Андр. Иванов и картина его «Явление Христа народу» // Розанов В. В. Среди художников / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 240—241.

нографии», «истории Шлоссера», Вебера или Иловайского. Даже «Христианство — это полуреальность, полумечта, полуфакт, полуожидание... все раздвигает собою, все ломает неизмеримым своим объемом».¹ Соответственно нужно выявить константы, которые служат знаками утверждения для всего остального — представлять сколки, листья, фрагменты, напластования писем, множить и множить позиции очевидности понимания. Нужно приближаться к пределу выразительности: все, что может быть истолковано и понято, должно быть истолковано и понято.

Розанов пребывает в постоянном усилии понимания. Претензии его к русской литературе как раз в том состоят, что она не занимается тем, что должно быть понято. Розанов на пределе понимания создает собственную *эстетику письма* как продолжение работы с *неопределенным*. Строится, тем самым, новая программа творчества и новая фигура автора. При этом — *бытие*, если вспомнить слова чтимого Розановым Лейбница, должно объясняться само собой («если ничто не объясняется само собой, ничто вообще не может быть понято»). Необходимо понимание форм и процессов действия разума, чтобы «узнать истинный алфавит человеческих мыслей» (В. В. Розанов). И он совершает своеобразный

¹ Там же. С. 240.

перевод формальных положений *понимания* в фигуры *письма*.

Нужно ли говорить об основных тропах, риторических фигурах, архетипах, смысловых константах? Иными словами, о том, что именно придает творчеству Розанов актуальную значимость для своего и нашего времени?

Тематика? — несомненно значима. Розанов заново открывает великие темы и создает свои собственные.

Особенности стиля? — конечно. Розанов находит слова, вызывающие внимание и видение. Можно сказать даже о визионерских набросках. Острое переживание времени и временности? — и это так. Но что делает творчество Розанова особенно значимым поверх того, что время от времени возникает особенная *мода* на Розанова?

В чем сила плодотворности интерпретацией? И может ли она быть определена в фигурах письма?

Трактат «О понимании» и завершающая работа Розанова «Апокалипсис нашего времени» — два предельных исследования. Розанов вводит понимание и апокалиптичность в каждый значимый момент мысли и существования. Иногда в очевидной форме, иногда почти незаметно Розанов создает новую форму мысли в виде *свидетельствования* — в мире всех включенных личностей и сообществ сохра-

няет стремление к всевидению. Вот почему ему так дорого творчество и личность Пушкина.

Как называть фигуру письма, что способно удерживать в единстве понимание и свидетельствование? Не просто рассказывание одного о другом, а именно слияние позиций в новой фигуре мысли — *свидетеле*?

Розанов отказывается от линейности приемственного смысла, хотя предельно внимателен к истокам и традиции. И в стремлении *настоящее* уловить писатель фиксирует место и время не только для того, чтобы передать «мгновение», — такой взгляд делает художника-импрессиониста «рабом собственной сетчатки» (Г. Аполлинер). Розанова интересует не мгновение и не пропаганда мига, чаще всего так может только казаться. Речь о том, чтобы построить вслед за оптикой другое сознание, соединяющее в себе моменты *не* по принципу возможного примирения, гармонии или синтеза.

Построение принципиально *несинтетического* сознания.

И синтез невозможен не в силу того, что реальность противоречива — *реальности*, отметим, никто никогда не видел, дело имеют только с *реальным*. Нужно мыслить — представлять письмом — то, что бытийно. Чтобы оттенить письмо, Розанов будет постоянно обнажать его природу — говорить о самых

главных для его творчества вещах: такова си-
стемотехника. Он создает новую стратегию
мысли — она особенно значима в целом, хо-
тя отдельные ее положения можно оспорить.
Возникает *форма-как-таковая* — маркирова-
ние самих возможностей смысла. Что будет
с нами, если мы *не* изменимся? — вот о чем
думает Розанов, ставя под вопрос утверждаю-
щие слова апостола Павла («Мы все изменим-
ся»). Розанов словно бы возражает утвержде-
нию — не являются ли они просто словами?
Более того, подвергает сомнению самую слов-
ность и обусловленность.

„Смерть где твое жало? Ад, где твоя *по-
беда?*“.

— Слова, слова, слова...

И сказавший так Апостол, значит, не видал
людей или, как бы и видя, — не видел. Зрение
открывается только любви. И сказавший сло-
ва эти Апостол — не любил людей».¹ Розанов
в ответ дает сказаться вещам и переживани-
ям, которые выводят на свете потенции и са-
ми выводятся из мысли; тут значим исходный
опыт трактата «О понимании». Из мысли,
которая не просто следует бытию, а предуга-
дывает его возможные проявления.

Нужно мыслить и писать от имени бытия.
В том числе и такого, где поколеблена ве-

¹ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени.
С. 252.

ра. И такого, где *кровь* может стать и знаком *родства*, и знаком *вражды*. Критика христианства — это тоже знак равнодушия: равнодушие, как известно, является тяжким грехом. Розанов говорит от имени всех сразу, дает всем голоса. Так стремится пробудить жизненные силы, но не в их неупорядоченной природной дикости и равнодушии, а в человеческом обрамлении и воплощении.

Утрата веры, разрушенные храмы, поверженные идеалы — *откуда* это?

Добавим сегодня: всепроникающий терроризм, диффузный цинизм, равнодушие людей друг к другу — *откуда это?*

Но показывая враждебные силы, Розанов сам при этом становился существом предельной уязвимости. Почти превращает себя в жертву собственного творчества, правда, оговаривая для себя «немножко хлеба» и человеческого тепла. В каждом существовании, утверждает он, есть *человеческое*, способное выйти навстречу, помочь, поддержать словом. Вот Розанов и совершает путешествие, можно сказать, паломничество ко *всем* святым местам.

А возле святых мест, давно замечено, особенно много демонов.

Поэтому в письме Розанова будет доминировать ритмика захватывания и ускользания — событие смысла пульсирует — *мерцает*, меняя обличья и представления. Подобно

опыту сектантов, такое письмо вводит в особое интенсивное пребывание.¹ Соответственно *письмо* должно обладать свойствами предельного опыта. Ведь Розанов часто пишет так, что нужен постоянный комментатор — проясняет собственное говорение-письмо. В этом осознано и проявлено нудительное стремление к *другому*. Но *другим* выступает и сам для себя человек — речь о преданности всему человеческому роду. Моменты такого единства во взаимности можно усматривать во многом: «Религия и есть просто обрезание, т. е. высшая преданность души источнику всякого рождения, у себя, во-первых, и „по себе“ уже у целого Универзуса. Но раньше и проще — просто у себя. Поэтому „верить в Бога“ есть в то же

¹ Сходную ситуацию Ханс Зедльмайер определяет как «истинное настоящее». «Благодаря встрече с понимающим истолкованием произведение пробуждается к новой жизни и соответственно пробуждает к ней человека. Эта краткая эпифания истинного настоящего внутри исторического отличается предельной хрупкостью, и при обращении к будущему всегда есть неуверенность, произойдет ли эта эпифания еще хоть раз, возможно ли ее повторение? Такая неопределенность окружает краткое воссияние произведения и, соответственно, наслаждение от истинного настоящего мраком таинственной и пронзительной печали» (*Зедльмайер Х. Искусство и истина. О теории и методе истории искусства. М.: Искусствознание, 1999. С. 183*).

время верить просто „в себя“. ... Отсюда: нет в мире мелочных и больших вещей, и мы все собственное боги и в тоже время Бог един».¹ Розанов работает с подручным материалом, до чего дотягивается мысль, взгляд или рука, заставляя разные предметы и переживания пребывать в состоянии сближения и повтора — возвращения главного.

Все словно бы собирается в одно целое в предметном и смысловом потоке — внимание постоянно находится в напряжении перед очередным захватывающим жестом письма. *Понимание, вера, пол* — всегда уже задают архитектонику смысла, но разворачивание непредсказуемо и даже, может казаться, случайно. Исходный же исток всегда существует — «И в мечте есть точка и универз».² Повтор и сходство тематизаций обращены одновременно к разным полюсам смыслообразования — личностное необходимо соотнесено с внеличным и над-личным как трансценденцией. Нужно повторять одно и то же, восстанавливая первичность вещи, переживания или смысла: так можно привлечь внимание к теме. Розанов склонен даже думать, что прежние открытия творчества уже не могут обладать энергией вызова (даже человек, подобный До-

¹ Розанов В. В. Перехожу в еврейство // Апокалипсис нашего времени. С. 142.

² Там же.

стоевскому, «был бы в наше время с землей во рту»).

Нужно взглянуть так, как никто не смотрел, подставить под вопрос общепринятое, личностно осознавая не только достоинство, но и опасность взгляда, даже совершая в отношении самого себя умаление. Создается свидетель предела, человек схождения сил, способный видеть, слышать, обонять если и не всех, то многих. Создается *фигура* понимания, можно сказать, «концептуальный персонаж» (Ж. Делез) — экзистенциально-дискурсивное существо, всеприсутствующий и вседепроникающий заботливый хранитель. Вспомним, что Розанов сам себя размещал в соответствующей *фигуративности* времени, называя то *декадентом*, то *психопатом*. С этим связано даже постоянное *снижение* собственного внешнего облика и своей фамилии.

На самом деле — такова фигура *писателя-свидетеля* и *мыслителя-диагноста*.

В соответствии с пониманием письмо предстает как особого рода космос. И уже в самом начале «Уединенного» В. В. Розанов говорит об одновременности отстранения и связи с литературой. Задействована даже *физиология*: «Странное чувство отвращения и вместе связанности с литературой никогда не покидало меня, не покидает особенно последние годы. Я пишу — как доношу до конца давно

тяжелую ношу».¹ Казалось бы, проще всего говорить о конкретных переживаниях, но Розанов, возражая, выходит в пределы некоего *странного* незнания добра и зла. Стремится следовать чему-то большему, чем конкретная *истина* или *зло*. «Есть семена в душе, и они вырастают. Добро ли в них, зло ли — не ясно мне, не спрашиваю даже себя; не сомневаюсь, что не только отдельные выражения, слова, требования, но даже целые циклы идей, мною выраженных, есть или кажется зло. Одно для меня может служить оправданием: во-первых, совершенное и искреннее незнание, которое — *истина*, которое — *зло*; совершенная невольность писания: и зло, как добро, было бы мною написано, так что вопрос мог бы идти только о напечатании».² Но почему переход Розанова от идей трактата «О понимании» к собственному письму может быть определен именно как *эстетика* творчества?

Эстетика хранит непосредственное отношение к жизни, в ней порядок первичного наименования. И в творчестве Розанова эстетика наследует тему понимания. Именно тут начинался новый этап в его творчестве — формируется собственное *письмо*. И уже в его развертывании *лично* рождаются темы

¹ Розанов В. В. Уединенное // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 33.

² Там же.

эстезиса, этоса, философии религии, историософии, философской антропологии, темы пола и эроса, своего, другого и чужого.

Но как *авторски* позиционировать себя? У Розанова был опыт невостребованности трактата «О понимании», а мудрость через опыт, как известно — путь самый горький. Другое дело, что горький опыт со временем из сферы экзистенциальной был вытеснен на территорию рынка: «...убеждение, что в России книга философского содержания, или с философскими оттенками, не может быть предметом „товара“, стало для меня аксиомой».¹ Наверное, это жест компенсации неудовлетворенности — так было легче объяснить невостребованность книги.

Темы намечены, опыт исследования, пусть и травмирующий, наличествовал.

Что-то нужно было радикальным образом менять.

Но менять так, чтоб не изменяться самому. Более того — прийти к себе очевидным и более *прямым* образом, чем это сделано в спекулятивных построениях трактата. Надо решиться на новый творческий жест: темы *писателя* Розанова — это разворачивание тем *мыслителя* Розанова, что сходится в фигуре *писателя-мыслителя*. Может быть, именно

¹ Розанов В. В. Юдаизм. Статьи и очерки 1898—1901 гг. С. 333.

эта интенция, иногда скрытая за кажущейся простотой взгляда или замечания, выступает той самой жизненной *силой* мысли, о которой он писал в трактате «О понимании». Но исходную обращенность понимания нужно представить в целесообразном соответствии перетеканиям жизни. Именно *глубинное* — назовем его бытием, жизнью, жизненной силой, архетипами — вдохновляет на творчество, вызывает его навстречу. Более того, трансцендентный фон придает значимость тому, что на переднем плане. Что стоит за жестами танца Айседоры Дункан? — дан голос телу. Что стоит за памятником императору Александру III, вызывавшем у обывателя лишь представление о нагромождении *медного* и *животного* — смещении человеческого?

Сосредоточенное и почти тайное утверждение.

Розанов, несомненно, знал о демоне Сократа, тайно-интимно, а не публично предупреждающем философа. И Розанов знает, что *не надо делать* — для себя, и знает, что это далеко не всегда совпадает с представлением других («инстинкт поедания»). Он стремится указать на *возможное*. Поэтому, в частности, привлекает к Розанову удивительное обаяние текста, если угодно, присутствующий в его текстах *соблазн*. Он может парадоксально соседствовать с нежеланием и отторжением, но письмо лишает равнодушия. Речь об

особой *ауре* притягательности, которая есть в письме.

Следует помнить о том, что Розанов в усилении письма, несомненно, испытал опыт точного знания с его установкой на конкретность и конечный результат. В частности, с этим связаны его последовательные упреки литературе, как неутверждающему неопытному занятию. Литература, чаще всего, не соответствует жизни — на ее вопросы не отвечает, живет самомнением, ей важно «впечатление слушателей». Эти слова он адресовал даже Александру Блоку, которому вменил в вину «поэтическую безжалостность сердца» в его описании землетрясения в Сицилии. Борьба с *литературо-центризмом* русской литературы в предреволюционные годы стала для Розанова постоянной темой.¹ Это, можно сказать, отечественный аналог критики метафизики в европейской философии.

Ответ на вопросы о выборе пути творчества Розанова, когда он создает собственный и, с его точки зрения, единственно целесообразный стиль, есть разные. Но если иметь в виду тему *потенции*, заявленную в трактате «О понимании», то выстроено — *как длится жизнь* — приближение к утверждающему

¹ См.: Иванова Е. В. Апокалипсис литературы // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 108.

жизнь размышлению в форме апокалиптической исповедальности. Наверное, если бы продлилась жизнь — изменилась к лучшему, было бы написано еще что-то другое. Но Розанов в «Апокалипсисе» вышел к целесообразному концу: *откровенность* предельно сближена с *Откровением*. Будто бы даже рождается единый язык, где евангельское сходится с историческим, небесное — с человеческим.

Что значимо для Розанова?

Во-первых — речь об увлечении позитивизмом («скромное обаяние позитивизма»). Истина должна обладать почти очевидным предметным содержанием. Это не единственное требование, но оно необходимо.

Во-вторых — истина владеет присутствием целого в конкретном.

В-третьих — рождаемая истина при всей непредсказуемости призвана быть предметно точной и включенной в понимание, показывать развертывание потенции: позитивистское требование опыта переосмыслено в том плане, что опыт уникален.

Именно эстетическая системотехника здесь представлена, не системология схемы. В публичном плане она сложилась на заседаниях Религиозно-философских собраний, где, по словам Н. А. Бердяева, появился новый тип критики философской и даже религиозно-философской наряду с критикой эстетической и импрессионистической. Этот жанр имел кар-

динальное значение для всей русской культуры, оказываясь тем единственным полем взаимопонимания, где проблемы не только обсуждаются, но и решаются.¹ В более объемном контексте поиски и обретения мысли Розанова вполне могут быть сопоставлены с афористическим письмом Фридриха Ницше, с масками письма Серена Кьеркегора, с дефисным письмом Мартина Хайдеггера, с описанием внутреннего опыта Жоржа Батая. В этой соотнесенности нет ни возвышения, ни умаления. Речь о замеченных в разных топосах родственных переживаниях и построениях, что выразилось в создании особого письма.

Соответственно, читающий человек включен в процесс производства смысла — это имеет весьма отдаленное отношение к «виртуальной герменевтике». Не «вслед Ницше» («Из всего написанного я признаю только то, что написано собственной кровью»), а совершенно самостоятельно Розанов мог бы сказать о себе, что признает только то, что написано с пониманием и любовью. И для представле-

¹ *Исупов К. Г.* Ряса и сюртук (Петербургские религиозно-философские собрания как тип риторического поведения) // Империя и религия. К 100-летию Петербургских религиозно-философских собраний 1901—1903 гг. Материалы Всероссийской конференции / Отв. ред. А. И. Тафинцев. СПб.: Алетейя, 2006. С. 53.

ния этого нужны соответствующие утверждения в *письме*, перемены точки зрения, «подавание вещи заново», *полустихи* (В. Шкловский). Далее нужна внутренняя родственность автора и читателя: автор, до интимности представляя и так утверждая собственную *фигуру*, готов и к предельному умалению, даже исчезновению. Тут формируется тема *междумирья*, родственности, сердечного понимания и общения. Письмо разворачивается как бы анонимно: «Лица моего не видно» (В. В. Розанов), но свободно избранное общение читателя и автора до краев наполнено подлинным человеческим бытием. И для этого есть основания и силы: *любовь, нежность, ласка, снисходительность, понимание, чувство неодиночества, вера*.¹ Письмо должно подтвердить уже найденное ранее — раздвинуть видение, сделать очевидно-конкретным процесс понимания, не потеряв ни высоты мысли, ни глубины проникновения в жизнь. Тут сразу вспоминаются слова о том, что в творчестве подняться вверх можно ровно настолько, насколько автор-человек («по-достоевски») не побоялся сойти вниз.

Что прорастает за разными взглядами на современность, которые могут противоречить

¹ *Фатеев В. А.* Читатель // Розановская энциклопедия. Стлб. 2301.

друг другу? Как прорастает актуальное русское — *по-розановски* — письмо?

Если говорить об открытиях в отечественной философии и эстетике, нужно признать действенность образов *самовитого слова* и *онтологии формы*. «Формализм, может быть, неожиданно для самого себя оказался вдруг в состоянии сказать то, что уже не мог сказать весь девятнадцатый век, что в начале было Слово». ¹ Такое *слово* вырастает из *понимания*.

Вырастает, давая возможность возвращаться самому пониманию.

Ведь в трактате «О понимании» Розанов как раз и ведет речь о *потенциях* — если угодно, особого рода фигурах утверждения жизни и смысла. А в сочинении «Легенда о великом инквизиторе», с которого собственно и начинается литературная известность, Розанов говорил о несомненном преимуществе одного художественного опыта творчества перед другим: *письмо утверждает*. Достоевский как *творец-художник*, согласно Розанову, стоит неизмеримо ниже Гоголя. Но «*муть* Гоголя у него значительно проясняется, и из нее вытекли миры столь великой сложности мысли, какая и приблизительно не мерцала автору „Переписки с друзьями“». «Это не литератур-

¹ Биbihин В. В. Слово и событие // Биbihин В. В. Слово и событие. С. 101.

ный спор, но *бытийственный*. Исходная точка возможного нового *бытия*» (В. В. Розанов).

Встает вопрос об основаниях утверждения: почему это именно *так*?

Но как раз о ясной очевидности говорить трудно из-за эффекта *мелькания*.

Андрей Белый в письме к Александру Блоку с опасением писал: «Я ценю Розанова, но и он не вытанцовывается ни во что (боюсь, как бы не оказался *и он* пустоцветом. В самом деле: хотя бы в вопросе о браке: дает ряд глубинных созерцаний (с которыми я не согласен очень часто), бросает их мимоходом, высвечивает то там, то здесь жизнь; две альтернативы: или совокупить прозрения в одно целое, приделать к этому зерну ходы от обыденности, т. е. дать понять и „*малым сим*“, или же молитвенно преобразить себя, на себе показать. А то ведь нельзя же в сотый раз и все в тех же выражениях все то же писать... Губит, губит Розанова многописание и благодушество. А это редкий, блестящий, несравненный талант... А потом зачем он религией прикрывается и почтенных протоиереев морочит?»¹ Андрей Белый требует отличать «*светящееся изнутри от намалеванного*»: необходимо

¹ Белый — Блоку. 19 августа 1903 года // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919 / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М.: Прогресс — Плеяда, 2001. С. 93.

сопротивление, возможность чего Белый соотносит с идеями Владимира Соловьева. Но для Розанова важно увидеть единое во множественном: все, что *может* быть истолковано, является производным от оформленного в письме смысла.

Так может быть постигнут словарь человеческих мыслей.

Только предельная приближенность письма к простым вещам делает их интуитивно постигаемыми: «если ничто не объясняется само собой, ничто вообще не может быть понято» (Лейбниц). Именно это и делает Розанов, обращаясь к религии, полу, неверию и вере. Ему нужно выстроить свое письмо как «речь-построение», противопоставляя его утратившему энергетику *стершемуся* творчеству. «Речь-построение» сознательно сконструирована и может быть истолкована: Розанов в своих многочисленных комментариях, распускает *пружину* письма, захватывая все близкие и далекие реалии, которые присутствуют в переживаниях дней. Такой ход подобен *натурализму* и *документализму*, даже может быть назван *обнажением*, где представлены «мусорные мотивы» и автор предстает в образе *писателя-старьевщика*.¹ Но и это в большей

¹ Яковлева Н. «Человеческий документ» (Материалы к истории понятия) // История и повествование. Хельсинки; М.: Изд. НЛЮ, 2006. С. 388—389.

степени только внешний эффект: в пространстве письма растворяются *интимизм* и *интимьер* — наряду с совершенно житейскими событиями втянутыми в письмо оказываются историософские построения.

Более того, они просвечивают и мерцают друг в друге.

Апокалиптичность *везде* присутствует: «Суть-то декадентов в том и состоит, что они ничего не чувствуют и что „хоть половина Сицилии“ провалится, то тем лучше, потому что так апокалиптичнее. Им важен Апокалипсис, а не люди...».¹ Розанов способен любое движение мысли, творчества или личного поведения встроить в единую, хотя прерывистую, архитектонику *бытийного* смысла.

Важны не яркость и впечатление картины, не впечатление *слушателей*, хотя за ними стоит «тоска объединения, одиночества, глубокого эгоизма» — все «это недалекий демонизм всякой черствой натуры, не могущей переступить за свое „я“» (В. В. Розанов). Даже в слове *интеллигенция* Розанов вскрывает совершенно разные смыслы: с народом никогда не расходились *талантливые* художники, а разошлось с народом единственно *бесталанное*,

¹ Розанов В. В. Попы, жандармы и Блок // Розанов В. В. О писательстве и писателях / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 331.

что противопоставило себя народу под пошлым боборыкинско-милюковским словом «интеллигенция». Конкретное высказывание, переживание или вещь включены в общий ход письма с его всеохватностью: смысл в таком случае восходит от конкретного высказывания до понимания *всего* мира, который выражен и представлен *письмом*. Так вопрос об истине искусства ретроактивно порождает соответствующую мысль о бытии истины в мире. Именно самые простые далее не разложимые данности свидетельствуют своей очевидностью: *так* или *не так*.

Читателю не уйти от осознания необходимости выбора.

Очевидность — не натуралистическое подобие. И сила очевидности совсем не в создании копий, неважно, идет ли речь о предметах или переживаниях. Очевидность — смысловая конструкция, жест предельного внимания к проблемам, обнажение приема творчества, когда в письмо постоянно вводится его собственный — *плодотворный и понимающий* — комментарий. Смыслы оказываются возможны в событии встречи, в представлении которой взаимодействуют стратегии письма.¹ И Роза-

¹ Ср.: «Чем пытаться выстраивать картину, которая все равно не может быть полной, мы будем отталкиваться от характеристики, непосредственно определяющей наш предмет. Научное знание — вид

нов во все стороны поворачивает не только свое собственное письмо, но и письма других, причем активно включает их в свой языковой и смысловой космос.

То, что больше не обладает жизненной порождающей силой, должно быть существенно изменено или даже отвергнуто. Розанов будто бы предугадывает состояние будущего глобального мира, теперь ставшего настоящим. Нужно, следовательно, и в понимании идей Розанова, время от времени выходить не только за пределы конкретного исторического или жизненного плана, но и за пределы избыточно современных интерпретаций. Сила Розанова не только в критической диагностике, а в самой фактичности новых продуктивных конфигураций мысли.

Истинность устанавливается не через *адекватацию*, а через *различение*.

Нет прогресса ни в философии, ни в искусстве: в обоих случаях важно нечто другое — «обрести причастность»? — для Розанова это слишком отвлеченное положение. Он соединяет письмо с жестко фиксированным присутствием автора. И если говорить о творчестве Розанова в современном контексте, то он выходит за пределы психологического объяснения («психоложество») и за пределы фор-

дискурса» (Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н. А. Шматко. СПб., 1998. С. 17).

малистского представления о творчестве («автор — гость своего текста»).

В центре внимания — *произведение*, понятое в его неразрывности с письмом, с личностью, поступком и риском. Может казаться, что в письме Розанова представлен опыт проживания и лишь только потом опыт возможной записи. Но это не совсем так даже при всем внимании к словам о «вечной и неумолчной музыке в душе писателя» (В. В. Розанов). С философской точки зрения *письмо* — это манифестированное в тексте смыслопорождение: Розанов создает новую стратегию смыслогенеза.

При этом письмо Розанова выступает как вполне определенный полилог *социолектов* — в нем проявлены мысли и переживания сообществ. То, что делает Розанов, не только сообщение для каждого, но и возможное сообщение каждого — введение в экзистенциальное измерение человеческой *раз-мерности*. Розанов стремится словно бы *прививать* слово к корням, архетипам, идиоматике, тем самым заставляя сложившиеся образы жить с новыми смыслами. Сниженные и просторечные фразеологизмы Розанов употребляет в качестве отчуждающей *чужой* речи («В холодной и голодной *России* мы „зато будем строить фаланстеры“»), выражению «озноб души» Розанов придавал значение предельного состояния тревоги, «полная проза» — означает скуку, по-

шлость, пустоту.¹ Умалая или возвышая себя и других, Розанов словно бы стремится произвести подобие иконописного «Всевидящего Ока».

Так эстетика письма способна порождать *этос* мысли и существования: Розанов уже в самом начале творчества соотносил *понимание* и *счастье существования*. Это не могло еще быть никак определенно сформулировано, это, скорее, предчувствие, озарение, вдохновенность. Но, может, так только и допустимо говорить о *возможной* онтологии: «Между тем это, о чем размышляю, полнее всякой полноты. Это что-то несбыточное. Больше самого великого и полнее полноты в ее предельности. ... Произошло самое невероятное, аонтологическое, алогическое, не говоря уж а-арифметическое и а-физическое: ПРИБАВЛЕНИЕ МИРА».² Как сказать о том, что «странным образом и космически и всячески превосходит „все“. Т. е. превосходит не только факт „все“, но и понятие „всего“» (В. В. Розанов)? Далее — Розанову нужно установить тайную силу и основание — превосхождение всего случившегося и ставшего.

Следует поименовать то, что больше любого *Я*, что, казалось бы, опровергает самую

¹ См.: Халикова Н. В. Идиоматика // Розановская энциклопедия. Стлб. 1500—1501.

² Розанов В. В. Онтология // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 300.

метафизику онтологии, то, что «вне космогонии и разрушает мир» (В. В. Розанов). Но именно это — «Столь разрушительное для мира на самом деле не разрушает его, а в мертвенный, слабый, тусклый и холодный вносит жизнь. Аонтологичное и чего НА САМОМ ДЕЛЕ не может быть — есть ОТЕЦ».¹ Для представления *бытийного отцовства* выступает трудное — *трудовое* — говорение с самим собой, подыскивание — *воскрешение* — слова. Розанова до конца жизни будут интересоваться *слова-послания*, таинственное, неоткрывающееся, требующее особых усилий постижения. «Нет жизни без отца и отца без порождения новой жизни. Между тем он аонтологичен и есть первое и большое чудо. Кто-то ему поможет, и это „первое и большое чудо“ есть частица отца, вложенная в отца. Отцовство поэтому есть начало божеского сияния в мире».² Жизнь предстает как соработничество — *пре-восходство* — встреча чуда и творчества. Вот тут канун неисчерпаемых новых истин о мире, какие выявятся, «если человек поведет мысль к тому», «как мир сверкает вообще „весь“» (В. В. Розанов). Бытие не поддается исчислению: чудо-идея *отцовства* состоит в «непрерывном поборении и преодолении логического тождества». Розанов уверен, что

¹ Там же.

² Там же. С. 302.

никто до него об этом не думал: «Воистину: не думал. Не один только я, но — ни Пифагор, ни — Платон» (В. В. Розанов). Смыслы могут возникнуть при последующем толковании, что предполагает наличие особого *автора-герменевта* — иметь дело с выступлениями *критики* Розанову были остро необходимо, хотя это приносило иногда тяжелейшие огорчения.

И Розанов постоянно говорит о присутствии просветляющих моментов, более того, его письмо как раз и поставляет такие моменты как указующие ориентиры смысла. И всегда есть опасность оказаться между смыслами-островками и погибнуть. Чтобы этого не произошло, нужно постоянно держать в памяти первичный импульс понимания. Поэтому тема языковой образности, оказывается чрезвычайно значимой для выстраивания того письма, которое создает Розанов. Ведь она в каждом читающем вызывает соответствующую настроенность на мысль или переживание.

Поэтому, подчеркнем, высказывание должно быть по возможности коротким и по виду даже простым.

Это придает наполненность семантике и действенность прагматике высказывания.

Такое письмо предстает по возможности аритмичным, наверное, можно говорить об определенной *аритмологии* творчества Розанова в целом — письмо постоянно сбивает с, казалось бы, определенно установившего-

ся следа, уходит в открывающиеся провалы, осваивает новое знание и населяет смыслами пустоты существования. Такое прокладывание смысла противостоит публичной *шизоидности*, которую Розанов усматривает во многом, что его окружает. Шизоидности как разделенности, несводимости. Усилия Розанова в том, чтобы противостоять разделенности, находить точки сопряжения, выводить всех ко всем — на протяжении жизненного пути и творчества он всегда высоко ценил *соборность*.

В. В. Биbihин, говоря о значимости для Розанова жизненно-утверждающих интуиций, обращает внимание на *детский лепет*, который по своей природе отнюдь не имитация. Напротив, *лепет* представляет свободную игру только что возникшей у ребенка способности к слоговой речи: «Характеристики лепета детерминированы в большой мере изнутри... Что значит *лепет*? Все ранние звуки ребенка рассматриваются как отражение того, чем захвачен весь его организм, прежде всего, состояния благополучия и неблагополучия».¹ И если, продолжает В. В. Биbihин, признать вслед за Кантом, что первый крик новорожденного есть возглас изумления и гнева, то именно *лепет* отражает специфические человеческие процессы — чувства удовольствия,

¹ Биbihин В. В. Детский лепет // Биbihин В. В. Слово и событие. С. 138.

восторга, возмущения, осуждения, жалобы. Интонация способна естественным способом представлять душевные события.

Именно *интонация* важна для мысли Розанова — она словно бы встраивает конкретное замечание или суждение в требующий осмысления и понимания ряд значений: «Нет причин считать, что ранний крик не выражает весь жизненный опыт растущего человека».¹ И творческий жест Розанова подобен ретроспективному объяснению: простые, точнее, кажущиеся таковыми конструкции внедрены в общую архитектонику замысла — исходного замысла о понимании. Это не врожденные способности, не сумма природных и культурных сил. Понимание — «есть явление свободно-необходимое: свободное от всего, лежащего вне человека, но развивающееся необходимо по законам, лежащим в нем самом».² Внешняя «лепетность» творчества присутствует, конечно, далеко не всегда — обращает она к бытию, к неопределенности, историософии — не к *понятию* философии истории, а к *экзистенциалу* исторической судьбы.

В рецензии на книги Федора Шперка В. В. Розанов говорил о существовании наряду с академической философией в России другой ее формы — «философского сектант-

¹ Там же. С. 145.

² Розанов В. В. О понимании. С. 515.

ства»: это темные, бродящие философские искания. Это «жизненный порох», соотнесенный с органическим началом. Такая философия включает в себя автобиографичное и биографичное — ее Розанов соотносит с «бурно-неустроенными трудами позднего Фрэнсиса Бэкона, Декарта или Лейбница», таков порыв мысли, самогорение, причем мысль включает в себя все основные планы и мотивы философии. «В психологической части она действительно интересуется «коготком», который увяз и заставляет всю птичку пропасть»; в логическом — она в самом деле пытается запутанности человеческой мысли; в метафизическом — пытается тайны бытия, «семя бытия... Это афористическая и неустроенная философия тесно связана с нашей литературой».¹ Шперк, писал Розанов, — «краевой мыслитель, бродит по краям ведения, а не посередке их, где топчутся люди», — соответственно тяготеющая к поэтичности форма сочинений понятна и естественна и не может не нравиться по своей прихотливой свободе.

И главное в том, что сочинения такого рода представляют «чистую диалектику по-

¹ Розанов В. В. Две философии. (Критическая заметка) // Розанов В. В. Природа и история. Статьи и очерки 1904—1905 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 150.

нятий, алгебру природы» — она возвращается в элементарных понятиях, именно *неопределимых*, почти не передаваемых и крайне трудных для усвоения: «Это — абстрактные знаки усложнения человеческих понятий; вывод из понятия *бытия* — понятия *тождества*, из *тождества* — *единства*, из *единства* — *множества* и т. д. все то, что со времен Платона «Парменида» и до диалектики Гегеля составляло душу логической обработки наших отношений к космосу».¹ И уже в трактате «О понимании», Розанов, стремясь выстроить систему знания, постоянно имел в виду то подступающее к знанию неопределимое, которое требует *своего* языка и форм представления.

Событие смысла — всегда озарение.

Розанов выражается ясно, но нередко представляет то, что мерцает, показывает себя, открывает, лишь намечено и требует углубленности чувства и понимания. Личностное оказывается необходимо соотнесенным с внеличным и надличным как трансценденцией. Письмо Розанова вводит в такое состояние сознания, что бытийное и антропологическое как бы взаимно переопределяются в экзистенциальном акте понимания. И это обращает не к заброшенности, напротив — к теме актуализации мира, превосходящей его кон-

¹ Там же. С. 152.

кретную *историо-графичность*.¹ Так Розанов, постоянно совершая выходы к конкретике смысла, переживания, наблюдения или жеста, держит во внимании именно надличное, сакральное, человеческое.

Он словно бы стремится выйти за свою и любую другую человеческую раз-мерность — взглянуть со стороны, даже вслушаться в звуки собственной фамилии, имен и фамилий других людей, взглянуться в телесные очертания, представить невидимую интимность, понять жест, истолковать телесность. Вписать застывшее изваяние в то предпонимание, которое неопределенно-энергично присутствует. Поэтому Розанов внимателен к слову — оно выводит к *надчеловеческому* измерению. Так — даже в религиозном смысле, где слово выступает как энергичная эманация Первотворности. Говоримые человеком слова слов-

¹ «То событие событий, что *есть* мир, что *есть* человек, случилось раньше, чем мы могли его наблюдать. Мы его видим произошедшим. И теперь уже не так важно, решим ли мы, например, что все это сотворил Бог, или что все возникло случайно или что мы сами во сне все создали все это толкование по следам события, которое совершилось слишком рано чтобы человек успел при нем присутствовать. ... Философия вспоминает о раннем событии. В этом смысле, а не в смысле повторов все философы говорят одно» (Бибихин В. В. Толкование сновидений // Бибихин В. В. Слово и событие. С. 19).

но бы вовсе от него не зависят — это особое измерение, где возможен взгляд на себя извне.¹ Соответственно *письмо* должно обладать свойствами предельного опыта.

Предназначение письма — в создании *графо-магии* осваивающего переживания и последующего понимания. Но также в восстановлении самой бытийности слова — в его отблесках от Слова-Логоса. В результате стилистические сдвиги литературы становятся *как бы* сдвигами самой реальности — возникает *графо-магия* слова, представляющего становление события. В эстетике XX века как раз будет обращено внимание на особые эффекты размещения формы «между стилистикой и онтологией».² Изменение языка устремлено к изменению представлений реальности —

¹ Ср.: «Экстатическое выхождение из себя в целях самопонимания — это не процесс познания сущностью своих внутренних, дифференцированных в рефлексии свойств, но создание своего цельного и замкнутого образа, как он может видеться извне, а значит, на место логически расчлняющих единство сущностей, выступает цельное и единое имя» (Гоготишвили Л. А. Религиозно-философский статус языка. Послесловие // Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 912).

² Mathauzer Z. Mezi stylistikou a ontologie // Slavic Poetics / Ed. by R. Jakobson. The Hague; Paris, 1973. P. 292.

это возможно в том случае, когда язык — *дискурс* — приобретает то, что можно назвать онтологизацией. И здесь нужно отметить значимую для эстетики Розанова позицию: если тема неопределенности отсылает в его творчестве к неклассической онтологии, то тема письма обращает к философии и эстетике события. Тем самым в творчестве Розанова появляются методологические ориентиры для понимания современных стратегий мысли. Более того, письмо способно выступать как вполне маркированный *социолект*. В нем неизбежен «пафос субъективности» (В. В. Розанов). И этот пафос экзистенциального присутствия будет тем более значим, чем более самостоятельно письмо — не только в неповторимости авторских интонаций, но в возможностях проникновения в самые потаенные места общественной и личной жизни. Нужно дать «осесть понятию» в самом первичном месте возникновения — *на истоках вод* (В. В. Розанов), а потом отслеживать судьбу образа или смысла в развертках истории. И тогда тема *семьи* взлетает до понимания религиозности пола, а литература в подлинном ее исполнении становится формой утверждения жизни.

Письмо проникает в запретные зоны, а то, что становится открыто, рассмотрено с учетом этой возможности проникновения. Нет смысла обращаться к «фаллической литературе», тем более однозначно вписывать *автора*

в анналы психопатологии.¹ Письмо осознано в несводимости ни к «классическим стратегиям смысла», ни к «неклассической фалличности». *Психологизация, физиологизация, эротизация* лишь редуцируют письмо к внешним «фетишам». Конечно, проясняются те или иные отдельные аспекты творчества, но только письмо, понятое как целое, демонстрирует событийность сил утверждения.

Понимание этих сил может способствовать открытию энергий жизнестроения в современном существовании.

¹ Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. М.: НЛЮ, 2008.

Глава V

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА: ТВОРЧЕСТВО КАК ЖИЗНЕСТРОЕНИЕ

Идеал — это натура.

...Бог здесь несомненно присутствует.

В. В. Розанов

Писатель Сигизмунд Кржижановский — «прозванный гений русской литературы» (В. Перельмутер), говоря об авторах, обыграл слово: в отношении к бытию *авторы* — *вторы*, уберите еще одну буквицу: *воры*. Розанов не ворует: есть только один путь творчества — быть верным жизни и себе. И наблюдать за тем, «как делается человек» можно и нужно, преодолевая страх и неуверенность. Увидевший актерство человек «испуган какой-то *метафизической* тайной» — она здесь и сейчас замигала из-под обыкновенного зрелища переодевающегося актера: «Сущность человека

в том, что „делается человек“. Ах, черт возьми, черт возьми.

„Делать человека“ смеет только Бог. ... Кто же ты, чертова маска?»¹ Значит, к человеку *все* пристаёт, будто к дичку-подвою. Человек склонен с этим играть — со своими масками, способными затмевать подлинное лицо. Розанов — *не* играет, он говорит о мистическом страхе перед охотным переодеванием — выглядывает страшное *неопределенное*: «„Играть жизнь“, „Играть человека“. Страшно! Отвратительно!

— Фу, обезьяна: если ты не можешь быть человеком, — лучше умри!»²

Актер — «пустое место без содержания»: может, это исходное вместилище человеческого? Не только страх и опасность пустоты и безличности: «Недаром старушки крестятся, встречаясь с актером: это вполне *точно* и *правильно!*» Маска, а не лицо: «актерство — страшно» (В. В. Розанов).

Маска предполагает другую маску на смену прежней — так до бесконечности. Актер «потому так охотно переодевается, что в сущности и метафизически он вовсе никак не одет. Он голый. Но это — тайна, неизвестная и ему самому. Оттого он и хватается чужие

¹ Розанов В. В. Актер // Розанов В. В. Среди художников. С. 313.

² Там же.

одежды, а они к нему идут, льнут. Тут страшное дело. Актера никто не знает, и он себя не знает... Он хочет кого-нибудь играть. — Ему *нужно* играть, без этого он задыхается, как пустое место без содержания; как платье, которое ни на кого не одето».¹ Следовательно, актер бытийно — *антропологически* — никак не одет («Пустое „нет“. Лица нет. Человека нет. Вовсе ничего нет, только видимость. Страшная видимость человека. Когда человека вообще нет») — тут Розанов видит великую тайну «возможности актера» и существования человека — это среди всего кажущегося главным тоже «в какой-то малой и редкой дроби вложил же Бог в человека при создании его».

Есть ли устойчивое постоянство в человеческой природе? — какова *философская антропология*?

И почему и отчего страсть к переодеванию?

Да потому, что в человеческой массе — в составе *человека-актера* — есть дыра, не заполненная ничем. Даже бессловесные имеют собственный вид, актер же его лишен: «Я — метафизическое существо и собственно-го вида никакого не имею... Меньше вида — больше гения».² Розанов высказывает жесткие слова о том, что у актера искусством отнята

¹ Там же. С. 314.

² Там же. С. 315.

душа. И этот странный воображающий персонаж проходит среди людей свой путь — тяжелый, мучительный. Актерство — пребывание без души («Какая страшная сущность. Какая судьба и, наконец, дивное положение в истории и всемирной культуре»). Актер, можно сказать, потенциальная опасность в каждом человеке.

Но создано актерство нарочно, чтобы *предупредить*.

Актер представляет контур возможного в человеке.

«Актер не индивидуализирован» (В. В. Розанов) — это, если угодно, потенция, предполагающая становление. Следовательно, со смысловой *фигурой* актера нужно обязательно иметь дело в понимании человека. И Розанов обводит контуры существования — актерствует письмом. Но уже в трактате «О понимании» он постоянно говорил о силе слова, его нудительной устремленности к бытию и влиянии на мир — слово просвечивает сквозь *маски*, открывает пустоты, переводит иллюзии в реальное и даже создает собой мир.

Но если поставить вопрос о *жизни*?

Если уж современность пронизана *немощью* — утратой активных сил жизни, то нужно хотя бы *хотеть* понять.¹ И Розанов су-

¹ Ср.: «Если античный человек — это существо мощи, существо, которое *может*, то человек эпохи

дит творчество с точки такого стремления — утверждения. Поэтому встает вопрос о жизненности того *способа* мысли, который создает Розанов — в чем его утверждающая сущность? И в какой степени такая стратегия мысли приложима к реалиям современности? Речь не о том, чтобы модернизировать позиции Розанова — выдающиеся идеи, как известно, проходят невредимо среди множества интерпретаций. Необходимо — *по возможности* — подняться над преходящими реалиями, значимыми в *том* и *этом* времени, чтобы выявить архитектонику мысли.

Писатель-мыслитель действует словно бы из некоей *произвольности* — материал так wpłyвает в поле его внимания и письма, что почти каждый жест оказывается непредсказуемым, становясь в то же время очевидно необходимым. Но действие оказывается на своем жизненном месте лишь после того, как представлено словом. Розанов активно заставляет по-новому видеть и внимать. Нужно «выходить на новые пути художественного

модерна — это существо, которое *хочет* (*волит*). В этом смысле переход от сферы мощи к сфере воли знаменует собой порог между античным миром и миром эпохи модерна» (*Агамбен Дж.* Что такое повелевать? / Пер. предисл. с франц. М. Лепиловой; пер. с итал. и примеч. Б. Скуратова. М.: GRUNDRISSE, 2013. С. 54).

творчества, искать сил к иным духовным созерцаниям... находить иные *приемы* (курсив мой. — А. Г.), чтобы их выразить».¹ Письмо с его новыми приемами соотносимо с жизнестроением: «А по самой природе своей человеческий дух, раз в каком-нибудь направлении достигнув предела, за который ему не надо переступить, избирает новые направления, в которых он может двигаться, т. е. жить».² Соответственно, прорывается в письме «автор из подполья».

Такой свидетель говорит на *ином* языке, способен сказать о нарождающихся непредсказуемых силах, которые *хотят* дождаться своего часа. Эту устремленность Розанова понял *поэт-вестник* Александр Блок, сказав в 1907 г., что Розанов дорог не своей нововременской «религиозно-философской» деятельностью, а своим тайным и тяжким однодумьем.³ Но ведь именно *тяжесть*, писал блаженный Августин в «Исповеди», стремится тело к своему месту. Литературе здесь необ-

¹ Розанов В. В. Эстетическое понимание истории // Розанов В. В. О писательстве и писателях. С. 6—7.

² Там же. С. 7.

³ Блок Александр. «Религиозные искания» и народ // Блок Александр. Очерки, статьи и речи. Из дневников и записных книжек. Письма / Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. С. 59.

ходимо заново вспомнить истоки, пережить осознание необходимости «литературной карьеры» (Александр Блок). Нужно отречься от эгоизма — дать возможность проявиться в слове тому, что в трактате «О понимании» Розанов называл *потенцией и жизненной силой*.

Какое событие должно состояться в письме?

Язык творчества Розанова достаточно жестко структурирован уже тем, что совмещает в себе обязательную привязку к предметной вещиности, исторической наличности, символическому космосу — с одной стороны, а с другой — размещен в самой органике жизни, во всем том, что бытийно по своему существу.

Таковы у Розанова *пол, кровность, вера, любовь*.

Предметные привязки — это особого рода «золотые гвозди» для того, чтобы держались письма. А предметная образность предстает как родник для мысли, вызванной первичным жестом внимания и потом включенной в символический порядок традиции или апокалиптики. Такой ход поддается и собственно аналитической интерпретации, точнее, прояснен посредством схематики понимания. Можно было бы выстроить метафорическую *систему-технику* письма Розанова: онтологические концепты — *космичность, стяженность, неопределенное, предел и беспредельное*; экзистенциальные концепты — *собранность, пре-*

данность, забота, упорство, любовность, память; концепты письма — свобода, всепроникновение, влажность, теплота. Письмо предстает как *сцена*, где действуют смыслы. Необычайно значима метафоры *пробуждения внимания, интуиции-схватывания, возвращения к истокам, движения по следу*. Речь, конечно, не о сведения творчества или творческой биографии к набору комплексов. Речь, наоборот, о порождающих смысловых механизмах, которые действуют в рефлексии и эстетическом опыте.

В письме могут рождаться новые смыслы, которые обладают статусом не только на уровне антропологической или историософской суггестивности, но и на уровне новых идей. Тут речь может идти о соотносительности *желания описания и описании желания* как двух сторонах целого, несводимого к психологической, биографической, психоаналитической (и любой другой интерпретации) или невыразимому переживанию. Описание — всегда не только представление собственного опыта, мыслей и ощущений, непосредственного переживания открывающегося (за)предельного опыта посредством высказываний, но включено в семантически определенные построения и систему внутренних образов, аргументов и смыслов.

Розанов предельно внимателен к тому, *что и как* оформлено.

Внимателен к тому, что он называл *пространственным очертанием*. Чтобы иметь с чем-либо дело, надо одно отсечь от другого, яснейшим образом показать, влить его во все потоки жизни, заставить звучать и быть промысленным в языке. Содержание должно быть актуально оформлено: «...то, что в художественных произведениях мы привыкли называть содержанием, как бы противопоставляя его форме, в действительности есть также форма, или точнее — второй, *пространственный член формы* (курсив мой. — А. Г.)».¹ Такова *топо-логика*: к оживотворенным картинам отечественной истории и литературы обращены наброски письма — к тому, где есть побуждающая к становлению *сила*, где есть будущее. Причем неопределенность проявлена не только при обрисовке общих *типов*, но и при создании индивидуальных *характеров*, что присуще, как отмечал Розанов, только *художникам-психологам*.

Если *художники-наблюдатели* творчество подчиняют тонкому чувству меры, то *художники-психологи* («одаренные философским пониманием духа») имеют дело с тем, что мало поддается наблюдению — имеют дело с возвышенным как предельным феноменом бытия. Художник-психолог, разделяясь в себе — разделяя с другими распадение духа,

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 452.

становится свидетелем нового в жизни для себя самого и для других. Поэтому творчество художника-психолога требует разнообразия и глубины духовной жизни: «Этот дух, ранее обнаружения себя во внешнем, одновременно и в единичной душе художника-психолога уже распадается на свои формы. ... Писатели этого рода бывают не только глубокими художниками, — они в то же время и глубокие мыслители, и проницательные политики, моралисты и философы, наконец, люди не чуждые даже религиозного творчества. Мы говорим именно о религиозном творчестве, а не просто о религиозности».¹ Именно в отношении к такому творчеству должна необходимо выстраиваться мысль понимания.

Так, разгадка многого, что изобразил и сказал Достоевский, — если и появится когда-нибудь критик, родственный ему по духу, как писал Розанов, — совершится только в *далеком будущем* и тогда только, когда этот писатель будет и понят, и оценен, как никогда не был ни оценен, ни понят при жизни и после смерти. И только тот настоящий художник-психолог, «распавшаяся душа» которого может иметь дело с неопределенным родовым в человеке, и он способен создать определенное представление о состояниях человеческой природы, еще никем не испытанным и потому никому

¹ Там же.

не известным — это возможное и необходимое в человеке, что пока только в нем одном стало действительным.

Но как возможен столь радикальный жест постижения?

Розанов дает ответ, говоря о Достоевском: «Ни в ком из людей разложение духа на свои формы, субъективное и объективное, не дошло так далеко, как в нем, где еще один шаг — и уже начинается помешательство. Поэтому-то никто не знал о человеке и не предугадал в *будущем* (курсив мой. — А. Г.) так много, как он. И в этом великий трагизм его жизни, что никем не был и не мог быть понят, так как разложение духа, в нем ставшее уже прошедшим, для других, и лишь в жизни многих людей, еще предстоит в будущем. Есть многое, что положительно в первый раз на земле было высказано им, а из того, что уже и ранее было высказано, многое никто не выразил с такою силою, как он».¹ Но еще раз: в чем содержательно и формально состоит эта особенность, каковы ее истоки и причины, какие силы действуют в глубинах существования, о которых говорит Розанов?

Дело — в трагическом наложении противоположностей.

«Величайший ужас человеческой души состоит как раз в том, что, и думая о Мадонне,

¹ Там же. С. 467.

она в то же время не перестает думать о Содоме и грехах его; и еще больший ужас, что и среди Содома она не забывает о Мадонне, жаждет того и другого и понимает их, и это одновременно, без всякого разделения» (В. В. Розанов). Отмечает Розанов, что понимает одно место в «Бесах» Достоевского, — разговор Кириллова. Это не раздвоение как колебание, но стремление к противоположному, жажда высочайшей святости и чистоты и одновременно жажда ужасающе-низкого, о чем «одна мысль холодит кровь».

Необходимо *понимание*, которое вмещает в себя «полярность души человеческой».

И если Розанов говорит непосредственно о Достоевском, то в контексте темы творчества может быть сделан более общий — *космический* — вывод: литература никогда не должна учить жизни, а только показывать, что в ней действительно *есть*. Представление о предшествующей всему пустоте, о которой Розанов писал в трактате «О понимании», связано с идеей *единого*: здесь потенциально встречаются *идеи* античности с *интуициями* восточной философии. Розанов словно бы раздвигает возможности европейской мысли.¹ А идеали-

¹ Ср.: Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегии смысла в Китае и Греции / Пер. с франц. В. Лысенко. М.: Московский философский фонд, 2001. С. 248—252.

стические системы предпочитают другим не по истинности, но по стройности, по гармонии в построении, по красоте: Платон и Спиноза неудержимо влекут к себе человеческую душу именно поэтому, хотя на Аристотеля и Бэкона можно было «надежнее положиться». Именно эстетический момент — *красота* — обращает понимание к искусству: искусство пронизано красотой, хотя и не сводится к ней. А происхождение искусства таково же, как происхождение науки — все творимые человеком формы жизни одинаковы.

Искусство *бессознательно, невольно и необходимо*.

Именно в том смысле необходимо, что имеет дело не с натуральным («натуральное яблоко лучше нарисованного, и поэтому не для чего рисовать его»), а с тем, что есть в *духе* художника. Это мир образов красоты, которые в «беспримесной форме невидимы и непередаваемы» (В. В. Розанов), но которые можно передать и сделать видимыми, если воплотить во что-либо действительное. *Красота* в искусстве — аналог *истины* в науке, красота предстает как тайна, труднодоступная для прямого разговора о ней. Причина этого — именно трудность сказать о ней что-либо именно *определенное*, что одновременно не было бы сомнительным, отмечает Розанов. Красота пребывает в особого рода настоящем времени, ведь, с одной стороны, красота есть то, от чего

удалился человек, что лежит позади «теперь», а с другой стороны — красота есть то, к чему стремится природа человека как целесообразно устроенное; то, что впереди «теперь» (В. В. Розанов). Утраченный идеал и человеческое идеальное назначение в будущем, предчувствие и ожидание как видение нового идеала *одновременно* обращены друг к другу.

Эта особенность настоящего сближает *искусство с религией*, переживанием радикальной недостаточности человеческого существования: «Отсюда объясняется необходимость Откровения. Того, что своими усилиями не мог найти человек, но что всегда искал он, дано ему во внимание к его слабости из высшего милосердия, как награда за жажду найти. Тот, с Кем — он чувствовал — нарушено его единение, Кого он бессильно искал, чтобы вновь соединиться, повсюду на земле и во всю свою историю».¹ Поэтому надо быть внимательным — следовать в письме изгибам и поворотам духовности, вещей и природы.

Розанов создает новую эстетику — не в смысле более изощренной гносеологически, чем идущее от Баумгартена представление о «смутном познании», а как способ *эстетически мыслить*. У Розанова, как и у Канта, эстетическое понято как тип суждения, способный иметь отношение к пониманию всех

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 486.

предметов. С особой отчетливостью у Розанова проявлено умение так мыслить тогда, когда он говорит о произведениях искусства. Искусство уже не только и не столько «смутное представление», не выражение идеи, не образ мира — искусство предстает как *способ мысли*. Дать голос тому, что голоса не имело, — в этом ход Розанова в его эстетическом мышлении. И в этом плане поиски и обретения Розанова могут быть сопоставлены с афористическим письмом Ницше, с масками письма Кьеркегора, с дефисным письмом Хайдеггера. В XX веке эту линию продолжают Жорж Батай и Эмиль Чоран. Более того, поскольку речь у Розанова идет о *потенциях* — особого рода фигурах утверждения жизни и смысла, можно говорить о сближении *эстетического* и *политического*, где эстетическое представлено в поле социальных действий.¹ Показана сфера, в которой человек не может отказаться от принятия решений, — задействовано существование, предполагающее возможность и необходимость идейного выбора.

Розанов действует с уверенностью, как с укорененностью в *вере*.

Вопрос о вере никогда не завершается, он помогает держаться избранного пути. И Ро-

¹ См.: Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте пост-современности: топос *HOMO AESTHETICUS* // Вопросы философии. 2013. № 1.

занов вместе с тем допускает мысль о человеке-авторе, как о странно пассивном существе, если угодно — *жизненном материале*. В статье «Около трудных религиозных тем» (1916) Розанов пишет, «что у нас, у русских, все происходит „с ленью“, что на „лени вся Русь выросла“, но „от лени“ всегда у русских получилось кой-что хорошее, — это указание, конечно, опасно, *если его возвести в принцип*; если не смотреть на „лень“, как на *несчастье*, а воспользоваться *ленивым блаженством*. ... Нет, явно мы должны „стараться“, „усиливаться“: а чтобы лень была только внутреннюю душою, ну и „тайным учением“, около этих энергичных усилий. Тогда, я думаю, будет хорошо».¹ Но наполненное и настроенное существование предполагает следующее за созерцанием действие: «Разве Иоанн был бездеятелен? Разве Петр не был пылок»? И Он *избрал* их, то есть Он нашел, что свойство живой деятельности и пылкого сердца особенно отвечают, как восприимчивая почва, семени, которое Он пришел бросить в человека».² Надо сохранять умное созерцание — для этого

¹ Розанов В. В. Около трудных религиозных тем // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 318—319.

² Розанов В. В. Еще о гр. Л. Н. Толстом и его учении о несопротивлении злу. С. 18.

необходим человек соответствующего положения и разума. Более того, Розанов напишет, что Толстой в *умственной стороне* своей художественной работы выразил *метод суждения русского народа*. Суть метода самого Толстого в том, что это разговор с душою вещей: не прямое поучение, а косвенное. Таково откровение писателя Толстого — как *личности*.

А возражая в этом плане Бердяеву, Розанов скажет о неверности его исходного вопроса о *героическом*: Бердяев ставит вопрос о героизме, а нужно ставить вопрос о герое. ^И есть *герои* такого движения — братство молодых московских славянофилов, представляемых П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым, Вл. Ф. Эрном, В. А. Кожевниковым, М. А. Новоселовым, С. А. Цветковым, С. Н. Дурылиным, Д. Д. Муретовым. *Движение* соединяет в себе *энергию* и *сосредоточенность*: «...мы имеем дело с явлением огромно-тихим, величаво-незаметным, — и вот в этой-то „тихости“ и „незаметности“ москвичи гениально угадали смысл русской истории, течение, течение и дух всего религиозного на Руси. Они гениально поняли силу и красоту молчания, „невывявления“; и хотя все „пишут“, но явно не стараются, воздерживаются от всякой полемики, никогда не защищаются и не оправдывают себя, — и вместе с тем ежедневно продолжают свое стойкое дело, свое настойчивое, полное внутренней энергии дело. И Бердяев это

видит, и это его злит; прямо — злит, и он от этого своего дурного чувства не отвлечется».¹ Именно тихое и умное действие ума возвышает Розанов — у героического всегда есть личности: возник вне границы и ограничений духовных институций «авторитет свободный и независимый, опирающийся единственно на ум, образование» и «хорошее церковное поведение». «Столп и утверждение истины» Флоренского Розанов называет «пунктом, куда собираются люди».

И в движении новых славянофилов Розанов как раз усматривает главное: «Там есть боли, терзания; есть тоска, может быть, большая, чем в наших говорливых шумах. Но люди не „разбалтываются“, а берегут энергию».² Спрос с конкретного человека, с его ума: «Дело в том, что все мы», русские, в религиозных и духовных предметах еще неграмотны. Не научились думать, не научились писать; не имеем самого уха, чтобы слышать, — вот чтобы выслушать, например, слова матери незаконного ребенка.³ Именно сосредоточенность ума важна — истина своевременна. Что остается в философии и литературе при постоянной смене исторических позиций? Ведь исти-

¹ Розанов В. В. Около трудных религиозных тем. С. 319.

² Там же. С. 320.

³ Там же. С. 321.

на не должна быть *опущена* до предметности относительных исторических реалий.¹ Только сосредоточенное умное внимание дает возможность уйти от фиксации противоречий, не впадая в дурную бесконечность перечислений. И достижимо, следовательно, некое *космическое* примирение, при радикальном противопоставлении и смещении позиций, литературных направлений, «принципов творчества», «идейных установок

Как *возможна* ответственность?

Она выстраивается в сопоставлении понимания и философии истории. При этом онтология истории пересекается с психологией истории, лучше даже сказать, — пересекается психологией истории: психологическое осознано в пространстве онтологического, а онтология размечена и обозначена в существовании. Формируется особенное *русское письмо*: «Все наши умы тяготели и тяготеют к этой сфере умственного творчества, *вся русская философия есть философия или психоло-*

¹ Ср.: «Наша история идет к концу или уже приблизилась к нему, если только вновь не придут к власти те *немногие*, которые *само Бытие* и его *истину* знают лишь ради него самого и претворяют это знание в произведение (Werk)» (*Хайдеггер М.* Размышления II—VI. (Черные тетради. 1931—1938) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Изд. Института Гайдара, 2016. С. 327.

гия истории». Не человек в центре внимания, а *высшее нечто*, лишь изъясняющееся в судьбе людей, в истории, *которою, собственно они и интересны и значительны только*. Не человек — носитель мысли и блага, а человек — выразитель и истолкователь воли Бога в истории — *существен, важен и дорог для него*».¹ Ф. Э. Шперк приводит слова Розанова: «Редко человек понимает конечный смысл того, что он делает, и большею частью он понимает его слишком поздно для того, чтобы изменить делаемое. Вмешательство индивидуальной воли в пути истории всегда бывает напрасным. *Этой доли напрасности я не мог не замечать и во всем, что мне случалось высказывать*. Не человек делает свою историю, он только терпит ее, в ней радуется, или, напротив, скорбит, страдает».² Значимо надличностное в личностном нудительно, но и неповторимо проявленное: «Я-то бездарен, да тема моя гениальна» (В. В. Розанов). Письмо развернуто в противопоставлении позиций, но в органическом единстве.

Личности и лица значимы, но необычайно важно родовое утверждающее *ничье*: «...выше русской литературы, и вот именно в этих

¹ Шперк Ф. Э. В. В. Розанов (Опыт характеристики) // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 261.

² Там же. С. 262.

мелких ее течениях, в течениях незаметных, — что выше его не было ничего во всей всемирной литературе — по служению народу и человеку. Что это было — одно *служение*, одно *бескорыстное*, одно — *самоотверженное*. Субъект письма предстает как «страдательное существо»: «не о себе», отвечает «за всех нас» (В. В. Розанов). Несомненно, *есть* пыль земная, что бывает «священное звезд», непрерывное «протаптывание» смыслов. В какой стихии находится автор? — «Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? почему? Кто знает? — меньше всего автор».¹ Прошрое и будущее встречаются в настоящем: письмо не есть усилие одного только автора послания, а дело всей предшествующей любовно-понимающей энергии («...тоска народов, отчаяние пролетариата в кольцах удава буржуазии — все это в громадных словах, в дивных чеканных формулах, есть у Достоевского»)².

Но действительно ли *письмо* та «субстанция», которая находится *за* пределами истины и зла? Делаящая человека пленником собственного дара? Субстанция ни на что не похожего: «Пишу для каких-то „неведомых друзей“ и „хоть ни для кому“? — сознательный уход от определенности адресата: «Из безвест-

¹ Розанов В. В. Уединенное. С. 45.

² Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 158.

ности приходят наши мысли и уходят в неизвестность» (В. В. Розанов). Ведь, существуя как послание, письмо-процесс никогда не может быть завершено — скорее, речь может идти о *потенциальности* воплощений. Письмо как *послание* от одного к другому («Гутенберг пришел потом»). А «литература родилась „про себя“ (молча) и для себя; и уж потом стала печататься. Но это — одна *техника*».¹ Письмо, подобно ангельскому пению, соприродно самому существованию мира, а сведение к историчности всегда оказывается ущербным (избыточная воплощенность), соответственно не удовлетворяясь формой. «Просто я не имею формы... субъективное действительно разлито во мне бесконечно. Я „наименее рожденный человек“, как бы „еще лежу“ (комком) в утробе матери. На кой черт мне „интересная физиономия“ или еще „новое платье“, когда я *сам* (в себе, в «комке») бесконечно интересен, а по душе — бесконечно стар, опытен, точно мне 1000 лет, и вместе юн, как совершенный ребенок... Хорошо! Совсем хорошо...».² Сохранение в письме: «...мое „я“ только в рукописях...». Письмо словно бы безмолвно — растительно, естественно. «В *безмолвии* растений есть особая загадка, прелесть и глубина. Тогда как животным мычаньем,

¹ Там же. С. 72.

² Там же. С. 55—56.

ржаньем, щебетаньем и, вообще очевидным началом говора человеческого — нарушают вот эту безглагольную глубину природы».¹ Бытие сказывается — сказывает себя: нужно, следовательно, уходить от обусловленности, пойманности словом. Так сохранение письма оказывается сохранением авторства и автора: творчество приобретает *философско-антропологическое* измерение.

Настоящий автор-герой, утверждающий существование, неотделим от ответственного письма. Известность — «пороссячье удовольствие», пребывание в *письме* устраняет гордыню: опыт *письма* Розанова предстает, при всей уникальности, как опыт мысли.

¹ Там же. С. 224.

Глава VI

ПОЛ, ЛЮБОВЬ И ЭТОС

*Религиозное творчество, а не
просто религиозность.*

*...Звезды не пожалеют —
мать пожалеет.*

В. В. Розанов

В творчестве Розанова Н. А. Бердяев определил могущественное первоощущение божественности мировой жизни — непосредственной радости жизни. Назвал Бердяев это *имманентным пантеизмом*. И очень слабо, полагал критик, в нем выражено чувство *трансцендентного*: «Розановщина есть своеобразный мистический натурализм, обожествление натуральных таинств жизни. В XX веке, на закате человеческой истории переживает Розанов натуралистический фазис религиозного откровения, жаждет всемирно-исторической детскости и наивности и не заметит ветхости

и старчества этой реставрации первых дней человечества».¹ Бердяев говорил о необходимости выхода из устаревающего утопического существования в мир трансцендентный.

Но философия Розанова *иная* — он против застоявшегося взгляда на самую разделенность *мира* и *мысли*. Можно сказать, что Розанов создает метод *самооткровения жизни* — словно бы выключает свое авторское и человеческое *Я*, хотя именно *лицо* оказывается на первом месте.

Это *Я—конструкция*.

В ней *не* синтезируется знание, не персонализирован субъект как центр переживаний — происходит превосхождение субъективности, при сохранении внимания к личностному началу. Розанов стремился найти утверждающее во *всем*: «Унеживайте сердца ваши».² И хотя он говорит прежде всего — *от себя*, позиция собирает сильные стороны существования многих верований и смыслов. В контексте современных исследований концепция сознания Розанова может быть определена как *неэгологическая*, где значимы тема космоса в понимании. Розанова интересует то, что можно

¹ Бердяев Н. А. Христос и мир. Ответ В. В. Розанову // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Кн. 2. С. 29.

² См.: Розанов В. В. Обращение к евреям // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 190.

назвать самооткровением жизни. Мир никогда не становится подобием сознания, не способного сказать о самом главном. Розанов стремится дать *осесть* смыслу в единственно верном и подлинном топосе.

Время при этом не так важно, хотя все происходит именно в представлении дней. Сознание, можно сказать, не столько *темпорально*, сколько *топологично*. Времени больше нельзя доверять именно из-за его слабости — оно утратило родство с вечностью и расположенностью. Розанова интересуют *условия* возможности верно высказаться о подлинности жизни — мысли должно быть уместной. Его подход может быть назван *преинтенциональным* отношением, где встречаются *вещь* и *имя*: мир предстает как *данное-сущее в целом*. Более того, хотя *понимание* и *письмо* самодостаточны, они так обращены друг к другу, что только их соотнесение дает сказываться жизни.

С. Н. Дурылин, словно бы усиливая позицию Розанова, даже выстраивает параллель между *женщиной* и *творчеством*: «Жить с нею (А. П. Суловой. — А. Г.) долее значило бы для него не стать Розановым, автором „Сем <ейного> вопроса“, „В мире неясного“, всего, что писано им о поле и браке. Против нее *вопяла* вся его онтология, все зерно его писательства, дремавшее в нем и вырвавшееся наружу не пустоцветом («О понимании»), а истинным цветением и плодом *толь-*

ко с Варварой Дмитриевной: нашел он Рахиль свою — нашел гений свой. Связано. Накрепко. Неразрывно. Вот кто была его музой всегда — Рахиль бесписьменная, тихая, без шумной „близости“ с Достоевским, без знакомства с Герценом и его Тучковой-Огаревой, но зато без „испанцев“, без „психопатологии“, с одной мудрой онтологией „ложя нескверного“, — и с любовью великою, — вот кто была его музой — Варвара Дмитриевна. Этого тоже не могла простить ему Медея. Она спала с Достоевским, рассуждала с Герценом, и вдруг от нее ничего, кроме огромного — далекого от гения Розанова — трактатища „О понимании“, а при этой — при семейственной, скромной Рахили, которая с Герценом не только не разговаривала, но даже и не читала, рождается не только ребенок за ребенком с лона, не оскверненного ни с каким испанцем, но и книга за книгой рождается у Розанова, — и какие книги: „Легенда о великом инквизиторе“... „Сумерки просвещения“, „Религия и культура“». ¹ Как в этом расположении жизнь может становиться эстетикой, а эстетика — этикой?

И далее: в чем состоит утверждающий жизнь *этос* письма?

«Главная моя радость в литературе, что я донес до слуха читательского, — а там, может

¹ Дурьлин С. Н. В. В. Розанов // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 243—244.

быть, и со временем и до слуха законодателей и закона — разные беды людские, главным образом — семейные. И как подумаешь, что вот бегут-бегут ножонки и несут в пригоршнях люди свои печали скрытые, иногда „сокровенные“, то чувствуешь и годы, и месяцы своей жизни „оправданными“». ¹ Розанов соединяет темы понимания и письма с бедами человеческими — именно тут появляются становящиеся типичными *темы*. Розанов говорит из бытийной глубины («Я наименее рожденный из людей») — отсюда видит многое и у многих.

Такие переживания вырастают, как и многие другие, из глубин детства — из самой таинственной «нерожденности», из неосуществленности вызывают на встречу. Розанов постоянно говорил о *семени*, его бытийности, даже о его *морали*. Это моральность за пределами императива — сила жизненного утверждения. Еще ближе: бытийность семени возвращается в слове, проясняется, природа в слове открывает себя. Так произрастают *пол*, *кровь*, *семья* — только будучи вызваны из природности словом, они действительно существуют.

Розанов почти превращал себя в невидимое зеркало: совершенная *прозрачность* имен-

¹ Розанов В. В. Рассказ простой женщины // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 327.

но невидима. Отсюда еще один эффект творчества Розанова — *зеркальность*: письмо Розанова способно отражать все взгляды, показывая каждому его собственное отображение. Представляя письмо, маркируя позиции в комментариях — *обнажая* письмо, Розанов вводит действия читателя в предельную напряженность смысла и восприятия. Потому так множатся представления и приближения-повторы, хотя они все равно не сложатся в законченную *картину мира* или *картину человека*. Такая осознанная установка — не эстетический только или, тем более, не только гносеологический факт. Это знак присутствия невыразимого и неопределимого, к пониманию чего стремится жизнь и творчество. Вера имеет дело с тем, что до конца никогда не становится определенным.

Чем сохраняется мир и человек в мире?

«Что человек и общество держатся любовью, без которой никакой порядок не поможет, — это мы слышим от Розанова как правду, подтвержденную опытом наших дней. Но как Розанов может говорить, что свободный человек всегда нравственный? Свободный для него значит захваченный, следовательно, гениальный, т. е. неспособный на злодейство. То, что Розанов говорит о религии, еще не скоро будет осмыслено. Религия возвращает человека к его чистоте, а это значит к упоению, к мечте,

к захваченности».¹ В религии действует «*восхождение/нисхождение*»: только тут ближайшее и искреннее покаяние и рассуждение.

Осознание несоответствия высотам.

Поэтому в возражение Бердяеву об отсутствии в философии Розанова трансцендентных устремлений можно сказать, что у Розанова другое представление о трансцендентном: это тайное, что невидимо для «большой философии», для «большой теологии» и тем более для мировоззрения. Но это и то, что лежит на *поверхности*. И вовсе не умаление трансцендентного: Розанов отнюдь не «*Розановомикроскопист*», как полагал И. А. Ильин.² Присутствие тайны здесь и сейчас сказывается во всем.

Это *включенность*: трансцендентное открывается, оставаясь вызовом и тайной, а *поверхность* порождает собственные ни к чему не сводимые смыслы. Неопределенное нужно экзистенциально впустить в письмо, стараться

¹ Биbihин В. В. Время читать Розанова // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 54.

² Ильин И. А. Из переписки И. А. Ильина и И. С. Шмелева // Иван Александрович Ильин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост., вступ. ст., примеч. И. И. Евлампиева. СПб.: Изд. РХГИ, 2004. С. 318.

удержать его в усилии понимания. Соединить, если угодно, *дискурс* и *экзистенцию*. Ведь природа человека — в этом взгляде Розанов близок линии философской антропологии XX—XXI веков с темами открытости в определении человека — есть «нечто как бы недоконченное, незавершенное. Она вся в стремлении и в способности, но не в осуществлении того, к чему стремление и способность. Как дух, человек не есть истина, но только стремится к истине и способен воспринять ее, он не есть также добро, но ему присуща жажда добра и понимание его. Он ведь обусловлен, в нем все — одна потенция как возможность воспринять или осуществить действительное. ... Не ко всей истине он стремится и не всю истину способен воспринимать, но только некоторые стороны истинного. То же и относительно добра и всего другого».¹ Заключает Розанов фрагмент о творимом, как о формах жизни, словами о том, что именно *предельность* и *недействительность* свойственны человеческому духу.

Человек к духовному совершенству — *стремится*.

Это истина, которой человек жаждет, но такая истина и такое добро, какой ни понять когда-либо окончательно, ни почувствовать во всей полноте человеку никогда не суждено

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 487—488.

(В. В. Розанов). Это и есть жизнь не только как стремление, но уже как *действительная* жизнь. Она возможна там, где «в человеке, как духе, живет *дыхание* Творца его и этим дыханием живет он как дух» (В. В. Розанов). Ключевая мысль Розанова: «не человек отпал от Бога своего: он не виновен ни в чем, кроме бессилия; но иная могущественная воля непреодолимо отвлекла его от Творца, и против этой воли восстанет ли когда-нибудь равная, чтобы преодолеть ее, об этом не нам судить, и это не нам предвидеть».¹ Какова природа такой могущественной *воли*?

Какие стоят за ней *силы*?

Тут дан ход к важнейшему для отечественной культуры отношению «вера/неверие», что сущностно характеризует *русское письмо*. Вера выступает как идеальный прообраз духовного опыта автора или героя — соответственно как онтологический ориентир литературного и философского творчества. Вера не только антропологическая константа, но и константа письма.²

В письме разворачивается структурное единство смысла и формы — письмо творит

¹ Там же. С. 492.

² Грякалов А. А. *Письмо* и опыт веры: литературное представление (Александр Пушкин — Василий Розанов — Сигизмунд Кржижановский) // Russian Studies. Vol. 19. № 2. Seoul, 2009.

смысл, записывая его, производя в разных исторических ситуациях *одновременно* — так у Розанова писатели и мыслители разных эпох предстают как современники. Вера и безверие обречены на событийствование: оказываясь *всегда-присутствующим*, они могут переходить от одного к другому. И только благодаря этой сообщаемости утративший веру человек может надеяться на понимание. И Розанов продолжает линию Пушкина, во многом берет за образец ее полноту.

Именно с направленностью на чистоту смысла связана тема поэтического пророчества: поэт говорит от *всего мира*. «Пушкин *все* знал и *все* понимал. <...> Полная *закругленность*, полная *всеобъемлемость*» (В. В. Розанов). Даже научное познание соотносено с целостным поэтическим пониманием: «мир обнаруживается перед нами как тайна, чудо и святость. <...> Иначе план этой стороны Космоса был бы не закончен; мысль внеположенная — оборвана, и тайна была бы без внутреннего в себе основания». *Религиозная* апофатика порождает своеобразную *поэтическую* апофатику: Пушкина «можно определять лишь отрицательно. <...> Он — *все*-божник, т. е. идеал его дрожал на каждом листочке Божьего творения; в каждом лице человеческом, поискав, он мог, или, по крайней мере, готов был его найти» (В. В. Розанов).

Говоря о совершенно завершенном *мире-космосе* Пушкина, Розанов противопоставляет

его другим авторам: «Попробуйте жить Гоголем, попробуйте жить Лермонтовым: вы будете задущены их (сердечным и умственным монотеизмом) <...> Через немного времени вы почувствуете ужасную удушаемость себя, как в комнате с закрытыми окнами и насыщенным ароматом сильно пахнущих цветов, и броситесь к двери с криком: „простора!“ „воздуха!“ <...> У Пушкина — все двери открыты, да и нет дверей, потому что нет стен, нет самой комнаты: это — в точности сад, где вы не устанете».¹ Именно эта особенность творчества Пушкина определена как подлинная *художественность*, когда художнику «открыта иногда бывает вся земля» (В. В. Розанов). И если бы из открытости ушла тема неверия, представление мира было бы гораздо беднее.

Розанов образно характеризует особенность такого *письма*: «Если Рафаэль это какой-то всемирный Глаз, а Бетховен, столь же всемирное и такое же вековечное Ухо, то Пушкин — всемирное внимание, всемирная вдумчивость. Он пришел на землю, не чтобы принести, а чтобы полюбить: полюбить эту прекрасную землю и, ничем исключительно новым не утолщив ее богатств, — скорее вознести ее к небу, и уж если обогатить, то самое небо —

¹ Розанов В. В. О Пушкинской академии // Розанов В. В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 232—233.

земными предметами, земным содержанием, земными тонами. Чувство трансцендентного ему совершенно чуждо, в противоположность Гоголю, Лермонтову, из новых — Достоевскому и Толстому. Самая молитва, как приведенная: „отцы-пустынники“... у него всегда феномен, а не ноумен; поэтому рассеивается, а не стоит постоянно <...> Преображенная земля, преобразуемая земля!»¹ Благодаря онтологии письма, фрагментарный мир предстает как зримое, слышимое, переживаемое и осмысленное единое местопребывание человека, в котором есть место *неверию* и *забвению* («Ведь *забывать*, — это и для каждого из нас есть условие *вновь узнавать*; и мы даже не научились бы, ничему бы не научились, если бы в секунду научения каким-то волшебством не забывали совершенно всего, кроме этого единичного, что в данную секунду познаем» (В. В. Розанов).

Рассуждая о творчестве Пушкина, Розанов заключает, однако, что он «слишком строг» — невозможно удержаться на высоте и всеохватности его взгляда. В этом смысле онтологическое понимание веры и неверия у Пушкина выступает как предельное философско-поэтическое представление темы. А в представлении *безверия* и *веры* в творчестве самого Розанова уже подчеркиваемая неясность, не-

¹ Там же. С. 235.

решенность, неопределенность, незавершенность и разорванность онтологии главных вопросов, что выражено в особой прерывности его *экзистенциального письма*. Речь опять-таки не идет о личном усилии веры.¹ Свое литературное представление писатель-мыслитель выстраивал таким образом, что оно способно содержать несводимые, казалось бы, позиции. И как раз в соответствии к *пониманию* — «оно последнее в деятельности разума, благое созерцание истины, неизменной в своем содержании, непреходящей во времени и законченной» — может быть поставлено *письмо*.

Поддержка и спасение правдивого заинтересованного письма важнее того, что конкретно на нем «исполнено» — многое *историко-графическое* поддается смещению. Розанов философствует письмом. Оно свободно может быть обращено на многое, что перед глазами — письмо делает его видимым, слышимым, понимаемым. Экзистенциально это было

¹ Друг и биограф Розанова Э. Ф. Голлербах отмечал также, что личное отношение Розанова ко Христу было неясным: «...иногда он преклонялся перед Ним благоговейно и восторженно. Но он был убежденным врагом Его учения, погасающего земную радость, испепеляющего цветы бытия... Предсмертные же дни В. В. были сплошной осанной Христу» (Э. Голлербах. О «двуликом» // Вестник литературы. 1918. № 8. С. 13).

Розановым пережито и осознано («несу литературу как крест мой»). И «Апокалипсис» Розанова в такой же степени антихристианская, как и христианская *Книга*: христианство предстает как великое пространство для возникновения и становления мысли.¹ И *церковь* — единственно поэтическое (В. В. Розанов).

Поэтому настоящий «человек письма» («монастырь-писатель») предстает как внимающее жизни «страдательное существо» — «не о себе», отвечает «за всех нас». Значит, есть прямое соприкосновение письма и существования, следовательно — *письма и веры*. Более того, взаимообращенность истинной *веры* и правдивого *письма*.² Но возникнув как рели-

¹ «...„Апокалипсис нашего времени“ может быть прочитан как новый „христороборческий“ порыв Розанова, новая атака на христианство. Но в большей мере это все же не книга „против“. Это отчаянный («с руганью») плач по родине с ее „хождением по мукам“» (Федякин С. О последней книге Василия Розанова // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 383.

² Ср.: «Удивительно, что в то время как в Ветхом Завете был Иов, в христианском мире не появлялся никогда он, а были, что называется, — одни прохвосты. Т. е. что каким-то образом там были только люди вовсе не верующие, были люди в высшей степени недостойные, а потому отрицающие Христа.

Но чтобы человек с достоинством, „не вольтеррианец“, отрицал Христа, чтобы он так сказать, жало-

гия любви, христианство, считал Розанов, постепенно усиливало в себе *авторитет*.

Это сопровождалось «падением человека», когда «скорбь и мука поползли по низам человечества», в ответ чему проявился бунт против авторитета. А укрепление авторитета вело к его одновременному отчуждению, — небо становится узником самого себя: «...на тебя должно молиться, но тебе нельзя двигаться. Если ты двинешься, — мы все остановимся».¹ Осуществленное разделение *неба* и *земли* привело к утрате святости естества, что выразилось в жестоком отношении людей к живым существам, ибо *кровность* была исключена из средств общения с Богом, и в людях погасло чувство тайны крови: а далее *зверобойство* перешло в *человекобойство*. Так случилась утрата родства естественного и духовного — древнего соединяющего *эроса*, милующего ощущения, в котором все живое понималось человеком как близкое и единокровное себе.

Вспомним о мысли Пушкина: *безверие* — это утрата родства с Богом и человеком.

вался Христу на Христа, как Иов — Богу на Бога, то этого никогда не было. И как-то это странным образом — невообразимо. Но отчего?

Боже, отчего?

Одна из тайн мира и христианской истории» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 261).

¹ Там же. С. 302.

Розанов своим письмом хотел разрушить «формализм почтения», царящий вокруг религии, в пределе ведущий к ее тайному или полному отрицанию. «Да есть ли реализм, реальность, реалистический момент в самом христианстве? <...> Безкровное и бессочное — вот что такое наши религиозные понятия. Отсутствие крови и сока <...> Бог явился *грамматическою фигурою* (курсив мой. — А. Г.) для строки, имевшей быть написанной через 2000 лет».¹ Но и в творчестве самого Розанова трансценденция «переводится» в пространство письма, способного иметь дело с тайной.

Соответственно Розанов поднимает *пол* на высоту «положительного всеединства».² Бытие человека — трепетное ощущение между Богом и космическим витальным Эросом, именно это и дает бытие «Я-в-мире».³ Тайственное внимание к росту бытия порождает философскую мысль или литературное творчество — сила взгляда основывается на словах: «никогда не верить небытию...» (В. В. Розанов). Так жизнестроительная мощь *пола*

¹ Там же. С. 373.

² *Голлербах Э.* Владимир Соловьев и Розанов // Стрелец. Сборник третий и последний. Пб.: Полярная звезда, 1922. С. 127.

³ *Stammler H. A. Vasilij Vasil'evič Rosanov als Philosoph* // *Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik*. Bd. 5. Wilhelm Smitz Verlag in Giessen, 1984. S. 17.

внедряет человека в творческое предстояние бытию, а неверие может оказываться простым следствием утраченной жизненной силы. Поэтому творчество представляет встречу неверия и веры — их испытания друг другом.

Ведь остановившаяся вера сразу же перестает быть — перестает быть и остановившаяся литература. Но миры веры и неверия неиссякаемы, литературное представление — неостановимо. «Мое дело — писать...», — говорил Розанов, понимая под *письмом* представление мира.

Вера и неверие задают одну из главных линий творчества — литература как *письмо* тоже находится в неустойчивом положении одновременной избыточности и нехватки, опережает и превосходит каждого отдельного писателя. Ее существование, можно сказать, дает исток каждому пишущему существованию, испытывающему постоянный недостаток собственного наличного письма. В отношении к отдельному писательскому действию литература всегда *уже есть*. И вера всегда *уже есть*, хотя жизнь отдельного человека может начинаться с усвоенного неверия. Но если писательское усилие одновременно переживается как дар и как жертва, то неверие — *жертва*, а ее преодоление переживается и осознано как *дар*.

При этом Розанов далек от какой-либо «модели гуманизма» или просветительского

призыва к вере. И то и другое способно превращаться в ложную идеологическую конструкцию. Писатель представлял не прямые пути обретения веры — это предполагало и особенность письма. *Недо-верие* проявляется в самой исчерпанности стершейся формы — необходима другая оформленность («фрагментарное письмо», «афористика», «опавшие листья»), что обладает жизненной силой и энергией повседневности.

Тема веры соотносена с вечностью, а тема неверия — с временностью.

И *вера* имеет дело с тем, что до конца никогда не становится определенным. Поэтому *исторические* существования религий сталкиваются между собой. Критика религиозности у Розанова означает вместе с тем *знак* перехода от теологии к метафизике

Это ответственное утверждение жизни: здесь религиозное совмещено с этическим, человеческое всегда устремлено к возвышенному во всем существующем. Даже в предельной ослабленности существования, когда книги дочитываются только до середины, «старость — не радость», совсем скверная жизнь и даже непонятно, кому она нужна, действует поверх всякой морали понимание: «Но Бог сказал: „Живи“. И вот — живешь».¹ Судьба

¹ Розанов В. В. Из мира слепых // Розанов В. В. В чадю войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 111.

и вера пересекаются с психологией истории, лучше бы даже сказать, пересекаются психологией истории.

«Не человек делает свою историю, он только терпит ее, в ней радуется, или, напротив, скорбит, страдает».¹ Это не значит, что человек вытеснен из истории — совсем наоборот, он действует в историческом процессе: учтена историческая ситуация — понимание всегда своевременно и уместно. В нужный момент следует выразить («выкрикнуть») свою тему, свое «Я само» — иначе «забитость голоса в дыхания: не ко времени» (В. В. Розанов).

Поэтому нужно было изменять интонацию.

Розанов стремится поименовать истину события. Но создается она не субъективным желанием, а предельным — *безоглядным* — свидетельствованием о происходящем в мире и в самом свидетеле

В таком случае надо спросить: каков этос письма как поступания?

Каков этос писателя и вообще возможен ли он, когда творчество делает человека пленником собственного дара? Субстанция ни на что не похожего — сознательный уход от определенности адресата: «Из безвестности приходят наши мысли и уходят в безвестность».²

¹ Шперк Ф. Э. В. В. Розанов (Опыт характеристики). С. 262.

² Розанов В. В. Уединенное. С. 36—37.

Существуя как послание, письмо-процесс никогда не может быть законченно воплощено, скорее, речь может идти о потенциальности воплощений. *Жизнь письма* значима, а не психологические метания. Творчество — именно «наше содержание». «Оно бесконечно. И древне, и ново. Даровито и бедно. Это не мы „родились“, а нас „родили“ и нет „родители наши“, а „вся история“. Что есть в нас. Чего нет. Знаем ли мы себя. Никогда.

И вот мы волнуемся. Стараемся управлять собою и не можем. Строим правила, а они бессильны. Постоянно выходим из „себя“. Это „предки наши“ выливаются через край нашего личного „я“.

Где „я“? Нет, где „не-я“?»¹

Розанов и возвышает, и упрекает литературу: этика творчества в некотором смысле надстраивается над высказываниями, это, если угодно, трансцендентальное измерение творчества, совсем не сводимое к психологии («душе»). *Предположение* самой возможности высказывания. Неопределенность, но не безличность влекущей силы: одного выбирает, а другого — нет. И с «точки зрения» *письма*, которая постоянно смещается в отношении одного и того же человека, события или переживания, могут быть высказаны противоположные вещи. Так с именем, которое изменено

¹ Там же. С. 284.

интонацией или суффиксом, но ничего подобного не может быть в отношении всего поименования.

Письмо возвращает творчество к своей человеческой уместности. «Только не пишите ничего, не старайтесь: жизнь упустите, а написанное окажется „глупость“ или „не нужно“». ¹ Не нужно подстраивать жизнь под мысли «из круга Достоевского», когда человек идет все выше и выше, не замечая ничего вокруг: «Она все думала. О Ставрогине, о Кириллове. Мир потух для нее. Люди погасли. Во всем мире торчали 6—10 огромных глаз — героев Достоевского.

На Достоевского она променяла мир. В мире она ничего не слышала, кроме голоса Достоевского». ² Таких людей нужно спасать: «Она забезумствовала о литературе. Разве это можно? Литература есть все-таки литература, как бы хороша и сильна она ни была.

Достоевский есть Достоевский, человек, как мы». ³

Розанов говорит об *олитературенных* существах, называя такое состояние озорством, пребыванием «на колокольне». Ведь Достоевский «учил о мире и учил любить мир». Нуж-

¹ Там же. С. 113.

² *Розанов В. В.* Задумалась // Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 142.

³ Там же. С. 143.

но мир, людей полюбить. Вот в чем нужно «следовать Достоевскому»!

А литературные зеркала, отражающие от жизни, способны свести с ума.

Розанов ищет спутников — создает «параллельное письмо». Тексты («письма») других авторов включены в его произведения: они оказываются незавершаемо живущими в его произведениях: смысл возникает в пространстве сопоставлений.

Возникает особого рода *топо-логика* письма.

Имманентное и трансцендентное — то, что принципиально разделит Н. А. Бердяев, словно бы совпадают: письмо для самого себя является не только основанием, но тайной, жертвой и утверждением. Экзистенциально это было Розановым пережито и осознано («Несу литературу как крест мой»). Письмо становится универсальной формой осуществления смысла — в этом плане постоянность «органического» у Розанова говорит о субстанциальной соотнесенности органики и письма.¹ Подобно свободной вещи слова становятся вольными не в смысле их произвольности, на-

¹ В преодолении *исторического* Розанов близок всей традиции философии жизни. Об особенности русской философии жизни говорит то явная, то скрытая полемика с Ницше. *Письмо* направлено не против универсальности органики, а против идеологизированной доминанты логического.

против, — в смысле соответствия бытию и ничему другому.

Историческое существование может истончаться до апокалиптической бесплотности. Но если бы Розанов там оставлял своих читателей-сопутников, это было бы изменой — отказом от творчества бытия, онтологической, даже онтической свободы. Розанов тем или иным образом выводит человека к миру смыслов и вещей. Автор не дает жизненным вещам пропасть в лингвистическом мороке: возвышенная сила — «тоска по человечности» — предстает как событие мысли. Розанов обращает к «вещам неведомым», стремясь представить их в слове — усилие прорыва мысли к миру.

Дать голос миру в словах.

Глава VII

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИОСОФИЯ. АПОКАЛИПТИКА В ДЕЙСТВИИ

*Мы довели историю свою
до мглы, до ночи. Но — перелом.
К свету, к рассвету! К великим
утверждениям. К великим «да»
в истории, на место целый век
господствующим «нет».*

В. В. Розанов

В своем последнем по написанию сочинении «Апокалипсис нашего времени» Розанов актуализировал понятие *временности*, предугадывая разговоры о *конце истории, смерти автора, ситуации постмодерна*. Философски осмыслена парадоксальность времени: Розанов, словно бы возражая утверждению блаженного Августина, говорит о том, что время противоречит самому себе — его нигде нет:

«...будущее становится прошедшим, не переходя через настоящее, нежившее, не живя, отживает. И вот, противореча всем нашим понятиям о бытии, время является таким исключением, которое всегда только было и всегда только будет — и однако же есть, существует; и не только существует, но служит еще необходимым условием действительности всего, что только происходит реального в природе и в жизни; в этом времени, которого никогда нет, которое вечно или еще только готовится стать или уже минуло — в этом *непостижимом* (курсив мой. — А. Г.) времени пребывает все, и вне его ничто не может пребывать».¹ Как иметь дело с тем, что стремительно проходит?

Розанов пишет, что через всю историю культурного человечества проходит ряд *полуидей, полужеланий, полумыслей*, которые, выйдя из тиши кабинетов, готовы *порвать* правильный ход истории, вмешиваясь в естественную связь реально ее составляющих дел. Борьба ведется не армиями — это «борьба общества в его *неопределенных* (курсив мой. — А. Г.) границах; она ведется *людьми*, напрягает все силы *человека*. Поэтому такая борьба „потрясает все, напрягает силы человека“, и вот почему она потрясает все, что над ним или для него устроено на земле: государст-

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 210—211.

во, церковь, экономические отношения, как и семью».¹ Как при этом можно помыслить будущее, тем более что именно в таком разрушительном прехождении просвечивает конец существования?

Розанов прежде всего назвал причину: «Потеря чувства действительности», что точнее может быть названо «утратой вкуса к действительному», разрыв между мыслью и жизнью. Речь об отъединенности мыслителей от рода людского, о смещенности всякого почти человека с живого места на земле. В противовес этому Розанов дает возможность высказаться — *высказать себя* — тому, что русская мысль думает о собственном сознании и сознании. Ведь встреча вечного и временно-го происходит в *апокалиптическом* завершении, если угодно — в сцене суда над миром.² И Розанов стремится занять *человеческую* позицию — *хочет* понять, любовно пожалеть

¹ Розанов В. В. Где истинный источник «борьбы века»? Рец.: Л. Тихомиров. Борьба века. М., 1895 // Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М.: Изд. «Правда». 1990. С. 153.

² Ср.: «Исторический персонаж и теологическая личность, юридический процесс и эсхатологический кризис накладываются один на другой, и только в этом наложении, только в их „совмещенности“, они открывают истину» (*Агамбен Д.* Пилат и Иисус / Пер. с итал. и примеч. М. Лепиловой; послесл. А. Скидана. М.: GRUNGRISSE, 2014. С. 55.

и по возможности — утвердить. При всей включенности в жизненные переживания, философ-писатель словно бы поднят над ними, преодолевает в усилии создания понимающего слова — превосходит в человеческом и историческом равнодушии, оставаясь в традиции мысли и языка. Ведь «Скрытой энергии философской речи бывает достаточно для того, чтобы питать изнутри самые разнообразные интерпретации. Мы остаемся всегда при интерпретации языка философов, т. е. при его техническом применении».¹ Именно тут особенно явно, что Розанов всегда интересовался *историософией*: тема России просвечивает почти в каждом его сочинении.

Более того, для Розанова особенно значима тема историософичности литературы и литературности истории.² Этот смысловой ход будет существенно востребован и развернут в философии и эстетике истории XX—XXI веков. Но предшествовало историософии последовательное подступание к методу и темам. Ведь гимназию Розанов закончил «„едва-

¹ Биbihин В. В. Язык философов // Биbihин В. В. Слово и событие. С. 3.

² «По Розанову, в России государственная деятельность была заменена деятельностью литературной, что и погубило страну» (Жуков В. Н. О государстве и праве // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 95).

едва“, — атеистом, (в душе) социалистом, и со страшным отвращением, кажется, ко всей действительности. Из всей действительности любил только книги».¹ И в более поздние годы Розанов все более обращается к своей главной — *ноуменальной* — теме: «...Бог поселился во мне». ... Он занял всего меня, без какого-либо остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем. Бог меня не теснил и не связывал; я стыдился Его (поступая или думая дурно), но никогда не боялся, не пугался (ада никогда не боялся). Я с величайшей любовью приносил ему все, всякую мысль (да только о Нем и думал)».²

Розанов проходит позиции «трудного и трудового восхождения» творчества: видны этапы «освобождения духа от теснин биографии», в которой нарастает свойственное с самого детства космологическое ощущение веры: он идет «против течения». Но над *противостоянием* возвышается *предстояние*: «...борьба Розанова с Христом сходна с борьбой ветхозаветного Иакова с ангелом — это не антихристианство Розанова, это его фата-

¹ Розанов В. В. Ответы В. В. Розанова на анкету Нижегородской губернской ученой архивной комиссии // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 708.

² Там же. С. 709.

лизм духа».¹ Нарастает все более осознанное *присутствие Бога* как веры, тайны и силы — происходит вместе с чувством собственного умаления, доходящего до потери личности. «С этим умалением своей личности (и личности всего мира) связаны (как я думаю и уверен) моя свобода и даже (может казаться) бесстыдство в литературе».² Соответственно, конкретные ситуации времени Розанов склонен рассматривать через неизбежность *понимания*: историческое согласие или несогласие немногое способно решать — совсем немногое на фоне апокалиптического забвения бытия.

И в этом смысле Розанов рассматривает творчество как свидетельство, предупреждение, путь исцеления. Говорит, что его *смирение, простота и кротость взбунтовались против самых великих и давних авторитетов* — это не гордость ума, а именно *тихость, незаметность, ничто*. Эта растворенность во всем делает его свидетельствование точным и непредвзятым, непоколебимым — тем более что совершается оно из защищенного — *намоленного* — укрытия.

¹ Сукач В. Г. Ступени роста // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века. С. 85—86.

² Розанов В. В. Ответы В. В. Розанова на анкету Нижегородской губернской ученой архивной комиссии // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 709.

Естественное течение внимающего и утверждающего письма.

Розанов полагает свою жизнь и творчество особым событием свидетельства: «Вообще, если разобраться во всех этих коллизиях подробно — и развернуть бы их в том, это была бы величайшая по интересу история, во все не биографического значения, а, так сказать, цивилизационного, историко-культурного. По разным причинам я думаю, что это „единственный раз“ в истории случилось, и я не могу отделаться от чувства, что это — провиденциально».¹ И собственное творчество Розанов склонен включать в целесообразность существования: понимание смысла жизни наполняет радостью, а мысль о его отсутствии невыносима для человека и может привести к гибели: нарастает «великое отчаяние поколений», связанное с утратой целесообразности жизни (В. В. Розанов).

И все-таки есть надежда: «...как у легкомысленных писателей могут быть серьезные читатели, так у легкомысленных отцов — дети с глубокою душою, и то, что чувствуют и что делают теперь единичные люди — я говорю об отчаянии и смерти — то со временем могут почувствовать поколения и народы».² Ро-

¹ Там же. С. 710.

² *Розанов В. В. О понимании.* С. 266.

занов говорит словно бы с небесной высоты видения.

А ведь со времен университета он «утвердил себя в истории»: («Ты живешь в истории и должен трудиться только для нее: А у Ключевского что сказано? А у Герье что сказано?»). Но предельная «вписанность» в историю, вызвала и бунт против того, что «Довлеет *дневи* злоба его». Розанов себя укоряет за излишнюю включенность. Необходимо идти от того, что *было*, к тому, что действительно *есть*, что *может* и *должно быть*. Императив долженствования обращен к актуальному представлению общества, образу человека и самоосуществлению народа. А перегруженность историческими воспоминаниями — это «преобладание сегодняшнего над вечным», когда до того давила история, что «философия развивалась самостоятельно от Евангелия» (В. В. Розанов)». Теория необходима, но как *понимание*, а не как *догма*: «Мы слишком много соображаем, а нужно жить непосредственнее. Не нужно столько теорий. Теория — это всегда мука и путаница. Из теории не вытащишь ногу — не там светит солнце. Разве нет истины прямо в глазе нашем, в слухе нашем, в сегодняшнем нерве нашем, а не в тех остатках исторических нервов, которые мы носим в себе, как мочалку, всю почерневшую, всю злобную, полную отмищений не за наши времена и не за наших людей. Поменьше истории, и жить будет

радостней». ¹ Странно, казалось бы, видеть такие слова от автора трактата «О понимании», но речь вовсе не идет об отказе от разумности.

Дело в *ином* понимании рефлексии исторического. Переживание имеет онтологический характер — человек включен в историю не сознанием только, а существованием. Именно существование позволяет освободиться от давления исторического — в идеале освободиться от виновности перед властью: «Непосредственное ощущение так велико, что оправдывает всякие „теоретические соображения“, всякие „задержки из истории“ и говорит простое, большее:

Лучше».²

Розанов против общего потока «ниспровергающих историю мыслей», — он «вымучен всей жизнью, донельзя перегруженной историческими воспоминаниями и ответственностью». Самое главное на этом удручающем фоне для философа-литератора — внимательный и ответственный взгляд: следует избавиться от обветшавших *идолов* и *призраков* объяснения. Совершить, если угодно, серию редукций — приведений к подлинности. В социально-культурном плане необхо-

¹ Розанов В. В. На улице // Розанов В. В. В чадy войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 505.

² Там же. С. 506.

димо освобождение от призраков превосходства. И не потому, что другие люди лучше или хуже, а потому, что такой путь исторически неконструктивен, а экзистенциально ущербен.

Какова ситуация?

Розанов отвечает: «И вот мы все чванились над всеми народами, никого не любили, хотя некоторым и льстили, но всех втайне души презирали, как не „остроумных“, как не „психологичных“, как не „углубленных“, без дара „пророчества“ и прочих знаменитых даров Достоевского и Толстого... „Где же такая остроумная комедия“, как у Грибоедова, и у кого такой же дар смеха, как у Гоголя в его „Душеньках“. Не замечая, до чего обе пьесы грубы и бесчеловечны. Именно — бесчеловечны. Это — не красота души человеческой, это — позор души человеческой. Сказать ли, что народ, который мог вынести две эти пьесы, просто — не мог не умереть, не мог уже долго жить, и особенно — не мог благословенно жить. Кому он нужен? Это — именно погреб, мерзлый погреб. Это — ад. Ад — презрения, хохота, неуважения. Кто умеет так посмеяться над человеком, в том нет именно солнышка, и, в сущности, нет *истории* (курсив мой. — А. Г.). „О чем мы хохочем, бесчеловечный тиран?“...

Ужасы, ужасы, ужасы... Но как все справедливо. „Око за око“ ... Мы все „вытыкали

глаз“ другому, другим. Пока так ужасно не обезглазели...».¹

Розанов говорит, может быть, ужасаясь даже собственному говорению. С чем сопоставима апокалиптичность творчества Розанова? В принципе — апокалиптичность исторически означает гибельную утрату образа жизни.² Ведь разумная целесообразность, о которой Розанов писал в трактате «О понимании», словно бы разлита в мире — ее нужно постоянно иметь в виду и с ней событийствовать. И не забывать о неизбывном существовании неопределенности — действии активных жизненных сил. Следовательно, апокалиптичность идет вслед нарушению понимания как небрежение законами бытия и ума. И нужна,

¹ Розанов В. В. Наше словесное величие и деловая малость // Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 548.

² Ср.: «Если конец сущего представить себе как конец света в той форме, как он существует ныне, а именно что звезды падут с неба, небосвод рухнет (или рассыплется, как листы книги), и все сгорит, и будет создано новое небо и новая земля как обитель блаженных и ад для грешников, то такой судный день, конечно, не может стать последним, ибо за ним последуют другие дни. Сама идея конца всего сущего ведет свое происхождение от размышлений не о *физической*, а о *моральной* стороне дела» (Кант И. Конец всего сущего // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 280).

стало быть, иная философская оптика, иное вслушивание, иное письмо. Инаковость предстает как жест создания смысла посредством апофатки мысли и письма.

Создается новая конструкция смысла.

Именно она соответствует времени, в котором нужно не столько проецировать вечное на современное, сколько современное понять как действительное событие. Не себя объяснять другим, а через себя объяснить другое. И тут историческое — *временное* — согласие или несогласие ничего не решает на фоне общего *забвения* бытия. В логику истории Розанов вводит экзистенциальные и персоналистские мотивы, обращая историю и существование к *целесообразности*, где укоренен вполне определенный образ жизни. Розанов наследует идущий от Достоевского «русский разговор», создавая «русский дискурс», сообщая ему актуальную форму, которая оказалась способна выдержать все испытания временем в эпоху постмодерна.¹ Представлена содержательная форма исторического гнозиса, что неотделимо от веры. Такое знание изначально содержит в себе бытийно-сакральные смыслы, где повседневность освящена, а священное обретает бытие в каждодневном существовании. Но

¹ Камнев В. М. Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб.: Наука, 2010. С. 187.

бытовое и бытийное не сведены в тождество и не противопоставлены — они соотнесены в многообразном едином. Такова онто-логика истории с незыблемым присутствием в ней экзистенциалов *жизни* и *смерти*, приближаться к которым можно только апофатически, не впадая в соблазн определений.

Дело в том, что идея апокалиптичности неявно была подразумеваема Розановым уже в самом начале творчества. Предельно приближена апокалиптика в кризисном времени, вырождающемся творчестве или радикальном сломе существования — *запущенный сад*. И нерадивые хозяева сада — «апокалиптики, воистину апокалиптики!» (В. В. Розанов). Но для понимания предельной обнаженности «конца времен» требуется знание всего протекания жизни.

И социальное устройство — особого рода ответственное искусство. Так и консерватизм Розанова — особый *семейный консерватизм*.¹ Стремление сохранить семью и верную любовь в ситуации роста пустоты существования. Поэтому для Розанова так важно понимание *законов* художественности и понимание фигуры *человека-художника*. «Самоопределяемость значима для искусства — его зарождение, развитие и выражение совершается по своим внутренним законам, и с нарушением

¹ Там же. С. 204.

их уничтожается или нарушается оно».¹ А кризис — *апокалиптичность* — может переживаться не только как культурно-политический, но как телесно-личностный («телесная ущербность»). Сталкиваются и накладываются друг на друга гетерогенные данности, которые до встречи могли казаться совершенно несводимыми — закрытыми друг для друга. В ряде случаев у Розанова неприятие *чужого* или *чужих* доходит до навязчивой идеи телесного отторжения. Но все-таки главной особенностью мысли Розанова является всеохватность: одна позиция, пусть даже и в облачении, которое выступает как *рессентимент*, оборачивается к предшествующей мысли. Происходят эффекты взаимного усиления — *становления*, в ряде случаев — *снятия*. Одна мысль вызывает на встречу другую — необходимо, следовательно, рассматривать последовательность в надпротиворечивом понимании. Тут Розанов предвосхищает понимание гегелевской системы в тех вариантах, которые будут представлены в конце XX века: «...„абсолютное знание“ представляет такую субъективную позицию, которая полностью принимает „противоречие“ как внутреннее условие любой идентичности. ... Такое понимание Гегеля неизбежно приходит в противоречие с обычным представлением об „абсолютном знании“ как

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 341.

чудовище концептуальной тотальности...».¹ И хотя в данном случае речь идет о психоаналитическом прочтении Гегеля, важен сам знак актуализации Розановым классических идей в духе идей понимания, становления и письма.

Розанов изначально не принимает панлогизма и монизма. Именно пребывая в этой позиции, он предугадывает возможные источники конфликтов более поздних времен. Выступая как *критик, диагност и свидетель* — предупреждает: сферы *крови, веры, пола, нигилизма* станут местами ожесточений, насилия и войны.² Пол, нация, человек никогда не сводятся у Розанова к тому или иному однозначному определению или «портрету». Пол, нация, человек, кровность, отчуждение, равнодушие, любовность — всегда больше того, что о них можно сказать, пребывая в *историко-графии понятия*. На фоне переживаний войны в 1915 г. Розанов пишет Петру Перцову, что «нельзя и не следует ломать историю, ибо это приведет к разрухе и гибели *ее* (истории), а не к исправлению ее путей, — хотя бы и бы-

¹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. М.: Художественный журнал, 1999. С. 14.

² См.: Махлин В. Л. Евреи // Розановская энциклопедия. Стлб. 1451—1459; Ломоносов А. В. Из истории «Мимолетного» // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века.

ло очевидно, что пути эти не полны, не бесконечны и, увы, тернисты».¹ Понимание должно быть ответственным и утверждающим, пребывая целесообразно. Рассматривая литературу, Розанов выявляет антропологические смыслы истории, представляя ход и действие историософии. При этом особенно значимо *эстетическое* отношение к миру — в нем создается *зазор* между предписанием и исполнением-действием, что предполагает возможность свободы выбора.

Так Розанов словно бы раскрывает *ментальные карты* истории, показывает возможные сценарии протекания, постоянно обращаясь к устойчивым образам и смыслам. Актуально формируется особого рода *онтологическая эстетика*, где созданы и действуют феномены мысли. И главная задача онтолого-эстетического взгляда на действительность в том состоит, чтобы обратить взгляд не к нерасчлененной массе апокалиптической чувственности, а к бытийному понимающему настроению. Розанов создает *иную* эстетику, где онтология форм соотнесена с «институциональными правилами» (Ж. Рансьер) дей-

¹ Розанов В. В. Письмо П. Перцову // Воспоминатели мгновений. Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911—1916 / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2015. С. 138.

ствия эстетического в его трансформациях и переходах, различных формах сближения и отдаления от исторического и художественного опыта, этических наполнений и политических воплощений. *Историософия* словно бы выстраивается из становления смыслов предшествующего и настоящего *письма*. Так соединение понимания и письма дает возможность входить в потаенные места истории и культуры.

Розанов постоянно воспроизводит предмет и метод — нет необходимости каждый раз заново настраивать оптику в зависимости от ситуации. Но при этом нужно оговаривать личную склонность к такой практике — вплоть до того, что Розанов даже *наговаривает* на себя. Но, как отметит Рене Жирар при обращении к творчеству Достоевского, надо *соучаствовать* в работе расшифровки, предпринятой писателем, а не пользоваться его снисходительностью к себе или спекулировать на его слабостях. Интерпретация должна быть основанной не на том, что является самым ограниченным в произведениях писателя и в наибольшей степени подчиняется его прошлому, а на том, что открывается будущему и заключает в себе исключительное смысловое богатство.¹ Так надо

¹ Жирар Р. Достоевский. От двойника к единству // Жирар Р. Критика из подполья / Пер. с франц. Н. Мовниной. М.: НЛО, 2012. С. 64.

понять и творческие жесты Розанова: он словно бы постоянно *воссоздает* своего собственного всепроникающего *свидетеля*.

С этим во многом связан принципиально недетерминистский ход его *письма*, непредсказуемого в выборе предметов и способов видения. Розанов идет вслед письму как свободно открывающейся мысли — логически предсказать *броски* почти невозможно. Другое дело, что письмо не только пребывает в космически ориентированном *понимании*, но во многом обретает себя в пространстве евангельского *откровения*, то против него бунтуя, то стремясь найти и открыть жизненное смысмы и силы. Так *борение* длится непрерывно — отказаться от него под давлением критики или даже обструкции было бы перестать существовать. Письмо обязательно конкретно *вживлено* во что-то другое: если *апокалиптически* смещены трансцендентные смысмы и возвышенные идеалы, нужно обратиться к заботам — *экзистенциалам* — жизненного существования.

«От лучинки к лучинке, Надя, опять зажигай лучинку, скорее, некогда ждать, сейчас потухнет. Пока она горит, мы напишем еще на рубль».¹

¹ Розанов В. В. От лучинки к лучинке // Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 548.

Письмо как молитвенное горение — длится. Обыденность словно бы делегирует свою потенциальную трансцендентальную обращенность творчеству-пониманию. Отсюда обостренная способность такого субъекта: замечать все. Можно сказать, что темы внутреннего и внешнего для Розанова всегда сходятся в опыте *писателя-мыслителя* и реализуются в опыте *письма*. Постоянно присутствует *иной* план представления: при необходимости такой план может становиться то *передним*, то *задним*: в первом случае он действует как вызов на встречу с конкретным переживанием, смыслом или предметностью, во втором — как энергийный фон для высказывания. В этом Розанов — *художник-мыслитель* — действует непредсказуемо с точки зрения обычной («правильной») логики. Смыслы, если угодно, всегда в собеседовании со своими адресатами, сопутниками — даже двойниками. А если никого рядом не оказывается, Розанов определяет в роли свидетеля самого себя. Это именно форма понимания, а не просто натуралистическое обнажение внутренней жизни.

И при всем критицизме высказываемых взглядов творчество Розанова по множеству позиций является глубинно включенным в христианский *образ мира*. Эта особенность отношения проявилась даже на фоне свершений его выдающихся современников, что может быть, видимо в большей степени со сторо-

ны *остраненным* взглядом.¹ Бунт Розанова — в пределах христианства и христианского понимания истории даже и тогда, когда они очевидным образом отрицаемы в высказывании. Апокалипсис предстает поверх утопии и антиутопии — это соединяющая в себе то и другое *метаутопия*. Для умных — жест предупреждения, для всех остальных — мысль о наказании: письмо Розанова — *предупреждение*.

Д. В. Философов, говоря о том, что русский язык у Розанова достиг предела своей яркости и богатства — Розанов нашел его новые красоты, сделал его совсем *иным*, и притом без всякого усилия, без всякой заботы о стиле, — заключает, что творит Розанов язык — бессознательно, по вдохновению, как по наитию он творит и свои драгоценные идеи. И такой *стиль* («юрродство», «неграмотность», «не причесавшись»), по мнению Д. В. Философова, затрудняет понимание идей Розанова: «Но всякий, кто сумеет преодолеть внешнюю причудливость Розанова, — его стиль, так тесно слитый с внутренним его содержанием, — тот непременно вместе с Розановым подой-

¹ Ср.: «В мире, структурированном евангельским откровением, индивидуальное существование остается принципиально подражательным, даже, и, возможно, прежде всего, тогда, когда оно с ужасом отвергает всякую мысль о подражании» (*Жиран Р. Достоевский. От двойника к единству*. С. 64).

дет к страшным загадкам человеческого духа и заглянет в самую глубину мирового бытия. Розанов с отвагой человека, не видящего близких опасностей, возможных срывов, даже собственной гибели, взбирается на самые недоступные вершины. Среди срывов его мистики и подлинных религиозных подъемов люди нового религиозного сознания должны увидеть верную, но тяжелую тропу восхождения...».¹ Да, для представителей нового религиозного сознания опыт веры непосредственно переживаем. Но для Розанова это не так: необходимы понимающие — *дискурсивные* — пути к вере, ее тайнам, знакам слабости — путь к этому возможнее только через — *символическое* — *письмо*.

К тому, *что* и *как* при этом делал Розанов, предельно внимателен Виктор Шкловский, рассматривая его творчество в общем плане эстетики формы: в такой проекции свершения Розанова предстают как создание новой формы литературы. Это тем более важно, что творчество Розанова, включенное в эстетику «остраняющего описания»² (В. Шмид), дает

¹ *Философов Д. В.* Рец.: В. В. Розанов. «Около церковных стен», тт. I и II. СПб., 1905—1906 // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Кн. II. С. 6.

² *Шмид В.* Шкловский, Набоков и Олеша — «остранение», палиндромы и «невидимая сторона внимания и воображения» // *The Real Life of Pierre*

возможность прорасти новым творческим и жизненным силам, находящимся еще словно бы в *подполье*. И на этом материале, следует добавить, прорасти *мысли новой формы*. Дело не столько в эффекте *остранения* — речь о значимости формы для представления смысла: конституирование возможно только в актуальной и точной смысловой оформленности. Ведь и Толстой иронично относился к тем критикам, которые, как им казалось, могли выразить содержание произведения в собственных избранных высказываниях.

Понимание — оформлено как *письмо*. Новый Розанов — «с мыслями и со словом» (С. Р. Федякин). Именно эта линия мыслетворчества будет продолжена и усилена Андреем Платоновым — доведена до *предела*. Истоки же новой событийной интенции как раз заложены Розановым, творчество которого Платонов знал и ценил.

Розанов не просто «работает с формой», что показано уже в трактате «О понимании». Дело в другом. Необходимо дать голос вещам и переживаниям: с одной стороны, представить их как проявления исходного космизма, с другой — показать бытийную — *не превра-*

Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Pt. 1 / Ed. by D. M. Bethea, L. Fleishman, A. Ospovat. Stanford Slavic Studies. Vol. 33. 2007.

ценную — значимость веры, пола, крови, любви. В конечном счете предъявить миру значимость и силу творческого процесса — *письма*. Ничего за пределами этого символического пространства, в пределах которого, странствуя, можно отыскивать смыслы, предложить почти невозможно.

Розанов стремится понять особые устойчивые образования национальной психики, религиозного опыта, интимного бытия.¹ Он, можно сказать, *прописывает* эстетику антропологических констант и историософских планов. Оформленность — личностная или историософская — соотнесена с активными жизненными силами, которым придавал Розанов определяющее значение в понимании. Но Розанов при этом не выпускает из вида неповторимое и действительно существующее — его мысль с самого начала является экзистенциально ориентированной. Так для всей философии существования: ведь естественное

¹ Ср.: «История ментальности есть история любви, сексуальности, страха смерти и так далее (то есть тех аспектов человеческого существования, которые, как считалось, обладали относительным иммунитетом к историческим изменениям и квази-естественным постоянством)» (*Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры* / Пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Колomoец, В. Кашаева. М.: Прогресс—Традиция, 2009. С. 380).

стремление избежать одиночества, боли, голода, тоски и непонимания наполняет жизнь (С. Кьеркегор).

И тут понимание совмещается с сакральным переживанием: «страшнее всего равнодушие к вере» (В. В. Розанов). И если *смысл* и *мир* все более и более апокалиптически разобщены, если человеческий мир уходит от понимания («небо непроницаемо для человеческого взгляда»), а решение вопросов лишь в будущем, то необходимы *иные* стратегии *собирания* субъекта. И это же предполагает формирование событийно-топологической субъективности в конкретном месте и в конкретном слове. Вот почему множественность выходов письма Розанова к реалиям жизни предельно объемна — кажется, что вовсе не остается мест и ситуаций без проникающего взгляда. Его интересует — при несомненном главенстве основных тем — *жизнь из мира слепых, беспризорные дети, способы борьбы с удушливыми газами*, он вслушивается в *голоса одиноких матерей*. Обращает внимание на темы, которые сегодня требуют решения: каким образом может быть восстановлено братское отношение славянских народов?

Как примирить *великороссов* и *малороссов*?

Действительно, как именно можно преодолеть отчуждение и неприязнь, доходящую

до разрушительных действий национализма, гражданской войны и террора?

Какие советы подает Розанов из времени столетней давности?

«Нужно друг друга беречь, и нужно беречь не только деловым образом, но и мысленно, т. е. не заподозривать, не приписывать худых мотивов и худых поползновений. Вопрос размежевания составляющих Россию народностей должен идти эпически и спокойно, а не лирически, страстно и с порывом. Если в наступающей эре государственных и этнографических отношений содержится какое-нибудь живительное зерно, какой-нибудь новый напиток, то не в вере ли он заключается, что есть же средство жить по любви, а не по закону подчинения и что привязанность и братство соединяет крепче, нежели страх и повиновение. Но все это — именно *сказ* (курсив мой. — А. Г.) неторопливый и эпический. Не торопите нас, хохлы, — не торопите эти страшные дни, месяцы, годы: и вам все будет дано, будет дано больше и лучше, чем вы сами желаете...».¹ Следует понять: дано будет не властью, не государственной силой. Дано будет самым ходом бытийного благоустройства жизни, следованием целесообразности. Но если нет встречи

¹ Розанов В. В. Великороссия и Украина на Киевских съездах 25 марта—8 апреля // Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 515.

жизни и понимания, то вопрос о подлинности существовании даже не может быть верно поставлен. И навстречу выступит только «абсолютная безответность»: некого спрашивать, не с чем соотнести тайну.

Решить разногласия можно только пониманием, терпением и любовью.

«*Чистое сердце*» имеет дело с «*чистым письмом*».

Ведь *понимание*, еще раз надо сказать, у Розанова бытийно, более того, по своему истоку и силе — сакрально и мистично. Оно в его основных компонентах стоит в соответствии со схемами разума, где сходились идеи *бытия, сущности, свойств, причины, цели или целесообразности, качества и количества* — так изначально выстроен «закон достаточного основания» для понимания. И эта схематика должна быть особенно учтена в ситуациях, когда тела сообществ «сжаты» трагическим опытом войны, революцией или переживанием апокалипсиса. В современных реалиях речь может идти о *пост-травматическом* опыте гибридной войны, *котловане*, в представлении Андрея Платонова, или *социальном аутизме*. Но только в случае локализации мысли в письме — *в произведении* — можно говорить о сущностной прогностике понимания: голод, гражданская война, навязываемая изоляции или лишение своего *языка* по-разному переживается в различных культурных и конфес-

сиональных определенностях. Розанову важно присоединить — *привить* — понимание к конкретной истории, вещи, переживанию или мысли. И позиции способны противостоять друг другу или выступать как принципиальные антиподы. Вот тут необходимо умение иметь дело с тем, что открывается навстречу — выйти из неопределенности, точнее — уметь работать с ней, о ней свидетельствовать: вслушивание в целесообразные голоса бытия, вещиности и телесности. Сопоставление высказываний задает собственную онто-логику смысла, возникающую в их взаимодействии.

Почему вещи? — вещи *не* лгут.

У них, конечно, нет собственных голосов, но они умеют правдиво ответить и способны правдивости научить. Более того, «вещи дают отпор» (Бруно Латур) безответственным проектам. Поэтому Розанов придает вещный и предметный характер ситуациям и переживаниям. Он идет как бы от конца к началу: если первично стратегии понимания выстраивались от космических общих законов к вещным воплощениям и историческим картинам, то теперь обращение к вещам и ситуациям призвано жизненно и даже житейски укреплять космический порядок. За каждой вещью и каждым переживанием встает бытийная полнота. При этом *вещное* и *человеческое* так проникают друг в друга, что стремление найти отдельно существующий вещный или

человеческий *монодраматизм* оказывается иллюзорным. Смысл komponуется как «живой натюрморт» — с его собственными порядками нужно считаться.¹ Нужно, если угодно, прочитывать мир и опредметить слова. Подручная жизненная *фактичность* «по-достоевски» сопротивляется интерпретациям.² Таким образом, обращаясь к истокам жизни и веры, Розанов стремится установить незыблемое в существовании — антропологические константы.

И хотя очевиден, устойчив и настоятелен именно временной «опыт измен» — понять необходимо *постоянство*, как неизбежность основ существования. Научившись давать голос вещам и переживаниям, Розанов применяет опыт к пониманию культуры и истории:

¹ В *натюрморте* — вещи организуются в независимую структуру, образуя собой композицию и устанавливая новые взаимоотношения с миром как единым целым (*Burini S.* Типология натюрморта в литературе (на материале XX века) // *SLAVICATERGESTINA*. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. Trieste, 2000. P. 148).

² Ср.: «Я ничего не понимаю, — продолжал Иван как бы в бреду, — я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу оставаться при факте. Я давно решил не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчас же изменю факту, а я решил оставаться при факте» (*Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 9. СПб., 1991. С. 274).

историософия имеет постоянную связь с верой, органической жизнью, любовностью, творчеством, телесностью и свободой.

И в связи с этим еще один ход для уточнения позиции Розанова на фоне традиции. Для классического сознания независимость объекта как существующего самого по себе означает отсутствие рефлексии того, что субъект сам конституирует объект. «Познающий субъект в своей исходной наивности сначала не воспринимает вещь в качестве противостоящего ему объекта. Не осознается сначала то обстоятельство, что вещь может существовать в качестве объекта только для сознания, осуществляющего себя в этой представляющей способности. Вещь-как-объект на этом этапе сознания познается как „в-себе“ и якобы „для себя“».¹ Для Розанова с самого начала — об этом он пишет в трактате «О понимании» — объективистский ход неконструктивен. Его интересуют отношения, их развертывания, позиционирование и становление.

Более того, Розанов чрезвычайно внимателен к зарождению того или иного *отношения*: почему и как вслед *зверобойству* ширится *человекобойство*, как возникает отчуждение од-

¹ Сергеев К. А., Слинин Я. А. «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания // Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992. С. XXX—XXXI.

ного народа от другого, как проистекает отторжение от религиозной веры и веры в жизнь? В этом вопросе о *силах* Розанов — человек *модерна*, где каждая из зародившихся сил стремится к признанию и господству. Но Розанов доводит модернистское сознание до его истощенности и обращает против самой идеи модерна: если модерн *промахивается* сквозь настоящее, то Розанов как раз стремится окоротить скоростность и механистичность. Диагностика и свидетельства обращены к утверждению настоящего и будущего, которые не определяются в линейной смене времен. Это *императивно бытийное* существование, которое способно находить себя в любом времени, как то, что *должно быть*. И долженствование обязательно оформлено в совокупности положений: долженствование — сохранение бытийной утвердительности жизни.

Мысль — событийна.

Таковы концепты, создаваемые Розановым, где времена сходятся в том, что их роднит и объединяет. И в этом смысле он выражает общую доминанту апокалиптического состояния: радикально противоположные взгляды в отношении к темам *крови, веры, нации и расы* говорят о значимости и сложности проблемы. Его взгляды, особенно касающиеся христианства, еврейства, кровности культуры, пола — могут быть конкретно оспорены, тем более что его творчество дает основание

иногда для диаметрально различных взглядов. И в таком относительном качестве отдельные позиции как раз могут быть подвергнуты критике и по ряду позиций опровергнуты. Но Розанов, еще раз нужно отметить, работает на *надпротиворечивом* уровне — в этом особенность взгляда. Его логика может быть сопоставлена с антиномичным пониманием истины у П. А. Флоренского. Розанов расширяет классические основания мысли: *человеческое* не сводимо к понятию. Напротив, человеческое более всего предстает на пределе действия понятия, где радикальным образом приблизилась апокалиптичность.

Розанов стремится выявить скрытые жизненные силы связующей мысли.

Конечно, следование *возможному* рискованно и опасно в жизненном *действительном* — Розанов понимал. И переживал, преодолевая непонимание, зависимость, отчуждение и страх. Но мыслитель-писатель не отворачивал взгляда от *темы* и признавал ее жизненную необходимость («Тема моя гениальна»).

Она нуждается в утверждении и силе.

Вот почему значимы места, где энергия возникает и действует. Таковы *музыка, танец, поэзия* или даже *нумизматика*, которые представляют утверждающую эстетику: «метафизическое как таковое». Задана утверждающая практика творчества-письма: возникает гер-

меневтика чтения, где действует или призван действовать *иной* — *вовлеченный* и *настроенный* — читатель. А там, где его нет, разворачивают себя нигилизм и исчерпанность.

Розанов переосмысливает философию творчества: «„Эстетика“ — древнее слово, и значит „ощущение“: „эстетика“ у древних была физической, чем теперешняя наука „эстетика“, которую теперь занимаются совершенно неуклюжие профессора, ни разу не полюбившиеся ни женщиною, ни статуею. Нумизматы вот и суть последние „эстетики“ в древнем смысле слова: мотивом их научных трудов и двигателем всей их жизни служат столько же „интересы“ в сухом смысле „науки“, палеографии, истории и проч., сколько и „осязательный восторг“, ими овладевающий при всматривании в гипнотизирующее „металлическое зеркало“ древнего мира... Тут входит много эстетики: но, в конце концов, есть немножко и магии... Это чувство художника, эстетика. Нумизматика есть немножко „древнее жертвоприношение“, — последнее оставшееся нам».¹ Для Розанова важна тема утверждения смысла — та трепетность, что показывает присутствие не всегда видимого жизненного света, а именно он оживотворяет существование.

¹ Розанов В. В. Об античных монетах // Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 458—459.

В жизни пульсирует внутренняя энергия — в этом Розанов близок своему времени, в котором идеи *жизненной силы* трактата «О понимании» соединились с приметами новых дней. А естественная трепетность природного дерева — «точно листва его шевелилась внутренним электричеством» (В. В. Розанов) словно бы наследует первотрепетность *древа жизни*. Социальная и антропологическая энергия — еще раз нужно вспомнить о заявленной в трактате «О понимании» теме *жизненных сил*, подразумевает вопрос о возможностях представления — для этого нужна соответствующая выразительная способность письма. И Розанов создает своеобразный *экфразис*: только вместо описания художественного *произведения-картины*, в нем представлена *картина мира*. Во временном проявлено устойчивое и неизменное, становящееся ни к чему не сводимым: тут сходятся два смысла термина *феномен*. Под *микроскоп* письма попадают детали и вещи, но в таком *видении* присутствует одновременно и *телескопическая* возможность: и то и другое нужно переводить в конкретику письма, одновременно выходя к возвышенным смыслам.¹ Солярная образность и семан-

¹ Ср.: «Энергия социальная, прочтенная в коде солярно-циферблатной символики, переводит мотив электричества в более высокий семиотический ранг: искусственный свет выступает как свечение нездеш-

тика всегда были важны для Розанова, предельно нарастая в работах позднего времени: «Солнце! От него *жизнь* на земле» (В. В. Розанов).

Рациональное и интуитивное не просто естественно проникают друг в друга — Розанов находит им место встречи.

Это развернутое производство смысла, дление — *письмо*. И если язык носит индивидуальный характер и предстает как порождающая память истории и горизонт творчества одновременно в его границах и потенциях, то *стиль* всегда индивидуален. Конечно, есть определенная стилистика эпохи и направлений, что предстает в языке, но порождение и действие стиля связано с индивидуальной судьбой, детством, интимной мифологией. Именно в стиле возникает бытийно важный для Розанова неповторимый союз вещей, переживаний и смыслов. Язык отсылает к всеобщему — к архиву исторической и литературной памяти, а стиль — это *природность* творчества, богатство образов, убежище и защищенность, но одновременно

него, горного мира. При этом свет отсылается к сфере внутреннего, невидимого» (Злыднева Н. В. Мифология света и электричества в живописи 1920-х годов // «Вечные» сюжеты в образы в литературе и искусстве русского модернизма. М.: Индрик, 2015. С. 382.

же уединенность, сокрытость, одиночество, даже заключение. Можно сказать, что язык открывает перспективы широты и территории обитания, а стиль действует вертикально (восхождение/нисхождение), где присутствуют судьба, телесность, интимность любви и дружбы.

Письмо же представляет пересечение языка и стиля: оно одновременно предстает как послание и процесс, где индивидуальность послания расположена в пространстве жизненной ответственности всех и каждого. Письмо — взаимодействие языка, стиля и бытийного топоса существования. Оно, таким образом, по своей природе и социальному статусу историсофично и событийно. В нем представлены *содержательные формы, архетипы, константы культуры*. И письмо Розанова в его апокалиптичности предстает как произведенность, что включает в себя завершение и извод. Ведь исчерпали себя не только предшествующие формы творчества, но и контексты интерпретации. Поэтому и внимание к письму у Розанова не столько жест заботы о стиле, что сам автор нередко отрицает («Пишу, как птица поет»), а способ и форма мысли. Ему нужно вызвать первичное «парадоксальное чувство», которое вводило бы автора и читателя в ощущение близости смысла. Письмо создает соблазн и обаяние чтения и не является прозрачным, тем

более — призраком при каком-то другом «умном» взгляде.

Это говорит о некоем *формализме* письма Розанова, который можно определить через сочетание несочитаемого, игру позициями, стремление эксперимента, на которое ориентирован модерн?

Нет.

Смыслы, создаваемые Розановым, никогда не растворяются в символическом. Они, если угодно, — *предметны и нумизматичны*, их можно перебирать, тщательно всматриваясь и вдумываясь в шифры изображения. Соответственно нужны люди, которые способны это делать.

Поздний Розанов сокрушался о запущенности-заброшенности «человеческого сада», где не говорят «об яголке и земледелии»: «Как будто Россия не была никогда садовою и земледельческою страной; как будто она даже была расположена не на почве, а висела в воздухе. ... Ибо что крестьянину до обедни, когда у него на огороде чертополох растет».¹ Выродившийся сад, вырождающийся — необходим «инстинкт садоводства», необходимы наставники, нужен «практический университет садоводства, которым и воспользовалось бы

¹ Розанов В. В. Из последних листьев. Запущенный сад // Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 530—531.

государство, если бы имело у себя когда-нибудь Конфуция или Лаодзы в наставниках. Но, увы, оно имело только „мистического“ философа Сковороду».¹

Что не дает свершаться утверждению? — отсутствие героического человека.

Розанов в этом пункте внешне близок диагностике (Фридрих Ницше), где заявлено о смертельной европейской болезни, имя которой *нигилизм*. И в символическом — в литературе, в философии, в публицистических откликах именно *предметное и жизненное* сопротивляется равнодушию, невниманию или слабости: *жизнь* восстает против растворения в отвлеченных словах.² Соответственно — должны изменяться сами слова.

Розанов уловил — еще раз нужно вспомнить первичный смысл слова *эстезис* как *движения по следу и поименования*, тот момент в культуре, когда становилось очевидным, что *органическое* и *вещное* рассеиваются в *символическом* только до известного предела. Он одним из первых это понял: с некоторого момента в существовании и рефлексии должно происходить «восстание и самовосстановление»

¹ Там же. С. 532.

² «Розанов ставил себе в заслугу собственный выход из нигилизма как результат независимого мышления» (Фатеев В. А. Нигилизм // Розановская энциклопедия. Стлб. 1715).

вещей, тел, любовности, музыки: «Ах, так вот отчего святые — солнце. Венчик на голове, венчик на голове: какой инстинкт заставил всех людей, все народы, все религии окружить головы своих „любимых“ — солнцем».¹ Розанов и на себя переводил болезни апокалипсиса, объясняя болезненность «жизнью как в балагане»: «От того-то, вот от чего вся жизнь моя прошла с полной бесплодностью, с бесплодностью для себя и для *окружающих*, что в детстве слушал, как молоденький портной нам, детям рассказывал сказки, потом уже, поступив в гимназию, зачитывался сказками бр. Grimm и, наконец, перешел к философии, но и ее понимая, как „сказку о мире“, которая просто мне наиболее нравилась.

Отчаяние... Ни философом, ни ученым, ни политиком такой народ не станет».²

Ведь навал говорения — *болтовня* — лишает жизнь силы, любовности, необъятности. Тела святых всегда одеты — в *свет*. И Розанов стремится создать предельное напряжение между символическим и вещным так, чтобы свет присутствовал: в воображаемых мирах религиозной любовности — в универсуме космоса-эроса каждому существованию может

¹ Розанов В. В. Из последних листьев. Солнце // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. С. 532.

² Там же. С. 533.

быть найдено оправдание, поданы надежда и поддержка. Ведь в отсутствии любовности проявлено то, что может быть названо *личным* апокалипсисом. Именно свобода существования и свободно выстраиваемое творчество проверяют замысел о мире на жизненность, на силу, способность утверждения. Это, если угодно, своеобразная аскеза творчества, поднятая над обстоятельствами.

Истинный аскетизм как чистая одухотворенность чрезвычайно редок: в эпохи, богатые воображением, когда воображаемое в своих фантомных образах-призраках неотступно возникает при взглядах, через одну и ту же душу проходят, пишет Розанов, *образы чувственности и чистой одухотворенности*. Призраки, следовательно, должны быть выявляемы во внимательном ответственном взгляде: иначе как противостоять? Розанов против ложных *примыслов* — против самодостаточной проективности модерна. Что стоит за тем или иным проектом, основывается ли он на чем-то жизненном или в людях и перед ними *фантомы, призраки — симулякры*? Не есть ли революция по своему замыслу такой безответственный и неукорененный в бытие *проект*?

Розанов и в себе самом замечал соблазны проективного сознания, но от проективных *примыслов* стремился уходить, как бы вынося их за скобки, вытесняя, преодолевая («Я же

был социалистишко»). Но жизненная проективность неизбывна для исторического сознания и для личности — в человеке не может не быть *стремления*. И есть времена, где проективность становится способом самоопределения, когда время «живет революцией», переживает исторический апокалипсис или утрату веры.

Что делать?

«В эпохи высокого развития цивилизации и, следовательно, богатые воображением, наряду с образами чувственности и как противоположные им, проходят образы чистой одухотворенности через души многих сильных людей. При этом изредка могут быть наблюдаемы случаи, когда одни и те же образы проходят через одну и ту же душу, как бы борются в ней, и смотря по тому, которые преодолеют, тот, в ком такая раздвоившаяся душа, или предается потом удовлетворению самых необузданных страстей, или делается высоким подвижником духа. Это явление, мы можем, например, наблюдать в жизни бл. Августина и многих других людей той глубоко интересной эпохи, когда, по верному в своей наивности выражению писателей-современников, „дьявол так могущественно боролся в Боге в человеческой душе“».¹ Розанов переводит *духовное борение* при полном сохранении на-

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 532.

пряженности смысла в пространство *письма*, заставляя смыслы противостоять и предостоять друг другу, понуждая к утверждению жизни — процесс понимания состоит в правильном отношении бытия и небытия: «Бытие постоянно преодолагает небытие и замещает его, восполняясь недостающим».¹ И Розанов задал вопрос: почему преодолагает бытие над небытием, а не наоборот?

Потому, что существует изначальная потенция, в которой «предуготовлено реальное бытие», а нем нет ничего такого, что могло бы увеличивать *небытие*. Розанов в данном случае рассуждает о природе, но понимает в целом действительность как реализацию потенции через множественность изменений, а они могут быть совершенно непредсказуемы, даже неуловимы. Поэтому следует внимательно всматриваться в их потоки, стремясь дойти до причин апокалиптических мутаций: размышляя о потенциальности в теоретическом плане, Розанов проецировал проблему на социальную жизнь. Именно понимание открывает реальное — *историческое* — состояние.

Смыслы истории должны быть определяемы в разумном понимании. Розанов говорит об *отчуждении* не столько в экономическом, сколько в антропологическом и экзистенци-

¹ Там же. С. 150.

альном смысле. И здесь надо отметить одну замечательную для понимания жизни и творчества Розанова особенность: исходные основы мироощущения не перестают сохранять в себе утверждающий смысл. И создавая «Апокалипсис нашего времени», Розанов стремился показать проявление вселенского в историческом времени. Это произведение — выполненное творчество, предполагающее дальнейшее развертывание понимания-письма: *письма как процесса* и прочтения письма как *апокалиптического послания*. Но Розанов хочет почти невозможного: не завершая письмо-послание, осмыслить в нем возможность преодоление конечности. Именно *любовь*, как известно, из диалога Платона «Пир», дает *бессмертие*. Понятно, что тогда жизнь не просто изменится, а преобразуется: «Русь станет иною. Лучшею. Светозарною» (В. В. Розанов). Ценить нужно утверждающее усилие письма, где понимание обращено к самой органике и существованию.

Бердяев подметил точно, что Розанов сам является «продуктом письма»: «Он зародился в воображении Достоевского и даже превзошел своим неправдоподобием все, что представлялось этому гениальному воображению».¹ По

¹ Бердяев Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Кн. II. С. 43.

мнению Бердяева, органичность, народность, объективная космичность Розанова лишь кажущиеся. Более того, преклонение Розанова «перед фактом и силой», утверждает Бердяев, есть лишь «перелив на бумагу потока его женственно-бабьих переживаний, почти сексуальных по своему характеру». Бердяев исходит из жесткой персоналистской определенности своей позиции.¹ Но не замечена главная особенность миропонимания Розанова: он против радикальной различности *мира* и *мысли* как метода. Бердяев и сам выступал против подобного «удвоения мира», обращаясь к единству личности, но у Розанова различность преодолевается не идеей синтеза, а соотношением мира и мысли в событии существования. Это не отрицание («я наименее отрицающий человек из всех людей»): Розанов не мыслит в стратегиях исключения. «Апокалипсис» Розанова в такой же степени антихристианская, как и христианская *книга*. И христианская *книга* именно в том смысле, что учит *пони-*

¹ «Великая беда русской души в том же, в чем беда и самого Розанова, — в женственной пассивности, переходящей в „бабье“, в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем. Русский народ живет в национально-стихийном коллективизме, и в нем не окрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав» (Бердяев Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе». С. 51).

мать христианство.¹ Идеи Розанова пребывают в космосе веры: он разворачивает письмо в противопоставлении позиций, но в органическом единстве выявления целесообразного смысла истории.

¹ Ср.: «Из всех антихристианских мыслителей он самый серьезный и самый глубокий. Он сражается с христианством одинаковым оружием и в одной плоскости.

Это — битва, происходящая на земле, на горных вершинах, покрытых облаками» (*Философов Д. В.* Рец.: В. В. Розанов. «Около церковных стен», тт. I и II. СПб., 1905—1906 // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Кн. II. С. 13). Следует отметить, что для Д. В. Философова опыт Розанова признан неудачей: он обращен к религиям дохристианским, а не грядущему мистическому синтезу. Наверное, незамеченным для критика оказалась соединяющая разные религии сила любви.

Глава VIII

МІРЪ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Что могло быть счастливее города с цветущим университетом?

Нужно воскресить учителя в школе, вот альфа и воскресение самой школы.

В. В. Розанов

Розанов понимал просвещение как преобразование и преображение — выход на высокую ступень духовного развития, поднявшись на которую человек разрывает со своей животностью. Это возможное воплощение любовности существования в ее видимых устойчивых формах. Розанов говорил о школе культурной и исторической: просвещение имеет утверждающий характер. Всегда ли это так? Ведь Розанов сам написал: «Служба бы-

ла так же отвратительна для меня, как и гимназия».¹

Чему верить?

Надо различать просвещение как набор образовательных институций и духовное действие. Только в настоящем просвещении происходит *встреча* земли, домашнего крова, даже помещения, где он находится до приискания другого: «Свой край, наконец, родина, суть более обширные, но однородные с этими предметы культа, особой любви».² Просвещение несводимо к процессу получения знаний, даже несопоставимо с ним и неотделимо от существования и смысла жизни: «Джордано Бруно, восходящий на костер за дорогую открытую им истину, быть может, за заблуждение своего ума, — вот высокий образец культа, к какому способен подняться человек».³ Розанов определял характер культуры как высший синтез всего желаемого в истории: из нее ничто не исключается, в нее одинаково входят религия, государство, искусство, семья, наконец, весь склад жизни личной и общественной. Из этого сделан вывод о том, что, будучи чрезвычайно первобытен во всем вто-

¹ Розанов В. В. Ответы В. В. Розанова на анкету Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. С. 712.

² Розанов В. В. Сумерки просвещения. С. 30.

³ Там же.

ростепенном, простой народ в то же время во всем существенном высоко и строго культурен в своей внутренней жизни: «...грубый наш люд, правда, трудится почти как животное, но он думает, но он чувствует, но он умирает как христианин, т. е. как человек, стоящий на высшей, доступной степени *просвещения* (курсив мой. — А. Г.)».¹ Можно сказать, просвещение не гносеологично, а онтологично, — бытийно, обладает жизненной силой. Но не хватает народу умения выразить, рассказать и объяснить свои переживания и свое понимание — культура живет в ряде определенных готовностей, навыков, потребностей не через увещание или чтение, а в опыте поколений. Архетипы памяти веры действуют в образах жизни, их энергия и силы утверждения постоянно мерцают — именно образы-смыслы призваны поддерживать и утверждать просвещение.

Розанов стремится такие *мерцания* перевести на язык культуры. Это и есть формирование жизненного мира — восстановление *энтелехии* понимания, показ того, что мог бы сделать народ, если бы обладал символическим — *просвещенным* — искусством памяти. И свое творчество Розанов по многим позициям представляет именно как перевод *неопределенного* и *темного* в формы просвещения. Следует оправдать, прояснить и распростра-

¹ Там же. С. 31.

нить — *просветить* — тот культ, который несет в себе *темный люд*.

Культ этот многократно запечатлен кровью народа, но не было возможности взойти на высоту созерцания («рефлексии») собственной крепости того, что любимо народом: «Можно сказать, что, как нищий, он стоял в притворе храма и плакал, слыша едва доносящиеся до него отрывки песнопений и возгласов; и боролся, и защищал храм, и проливал кровь за его стенами, чтобы не вошли и не осквернили его враги, или чтобы криками и смятением они не прервали совершающееся в нем».¹ Поистине, Розанов выходит на уровень *возглашений*: верность народа своей жизни достойна того, чтобы «наградиться и понять таинственное в нем служение» («Этою наградою и должна быть ему школа»). Задача школы — вводить любящую душу в смысл того, что она так безотчетно любила и за что страдала.

И конечное предназначение в том, чтобы выявлять бытийный смысл существования: «Есть силы естественные, есть они во всякой истории, при всякой культуре, которые нить истории через культуру доведут до конца, если только действуют без вмешательства».² Розанов говорил о просвещении как умном мышлении бытия в присутствии жизненных сил,

¹ Там же. С. 32.

² Там же. С. 33.

без чего просвещение вырождается, говоря нынешним языком, в «передачу информации» или «образовательные услуги». Самые глубокие и ценные дары культуры не могут быть усвоены без опыта сердца, без испытаний, без углубления во «вся всякая горькая» (В. В. Розанов) жизни.

Каким должен быть просвещенный человек? — благородным и сильным.

Что необходимо прежде всего? — соединяющее чувство в просвещении, особая «теплота сплывающей тайны» (С. С. Аверинцев). Нужно явно переживаемое чувство святости знания, умственное пробуждение в симпатии, желаниях, чувствах. Прежде возбуждения рефлексии происходит то, что душа как бы попадает в «вихрь слабого строя чувств», что побуждает к особому пониманию знания.

Просвещение возвышает над «ползучими желаниями».

Розанов не менял на протяжении всего творчества мысль о том, что в основу просвещения положено определенное мировоззрение. Это значимо для сегодняшних дней: при всем множестве проектов они принципиально соотнесены с *философскими образами мира*. Соответственно причины многих конфликтов обусловлены не в последнюю очередь отсутствием *теоретических* решений общих и глобальных проблем. Следовательно, философско-критический анализ «символического

мира» просвещении выступает необходимым исходным пунктом понимания.

Горение интереса, активности мысли и родства в сфере просвещения Розанов считал самым главным. Более того, именно переживаемые чувства «специфической притягательности» и жизненного обаяния знания способно служить вызовом для глубинных, даже подсознательных потребностей и желаний, свойственным сообществам и субъектам, — именно из этой включенности в образование только и может проистекать глубокая саморефлексия. И уже в трактате «О понимании» Розанов предложил формулу: «Образование есть усовершенствование духовной природы человека и подготовка к жизни людей, способных понимать ее и правильно относиться к ней».¹

Но что значит *правильно*?

«Способность понимать жизнь» — это умение воспринимать в себя все формы человеческого творчества, из которых складывается жизнь, разумея одни и чувствуя другие. Наконец, «правильно относиться к жизни» означает уметь оценивать воспринимаемые формы сообразно с идеалом лучшего и в твердом стремлении к идеалу. Розанов при этом, казалось бы, просто обращается к естественным основаниям жизни, понятой в ее человеческом измерении: мир обнимает собою добро и зло — путь

¹ Розанов В. В. О понимании. С. 81.

зависит от свободного выбора человека. Каждый стремится избежать опасности — образование должно помочь уклониться от природного или исторического зла. Но просвещение должно прислушиваться к голосу жизненного естества: ведь искусственные изобретения никогда не дают желаемой полноты жизни. Все, что искусственно изобретая, человек ставил перед собой как главную и последнюю задачу, оказывается исторически преходящим. Таковы *чувственные наслаждения* (эпикурейцы), *добродетель и мудрость* (стоики), *аскетизм* (буддизм), *образование* (французский рационализм XVIII в.), *гуманность* (германское просвещение), наибольшее *счастье* наибольшего числа людей (английский утилитаризм). Еще многое можно «указать лучшее» — заметил Розанов, еще больше можно найти сейчас и добавить. Но и тогда, и теперь Розанов оказывается прав: «все это было бы также прекрасно, как и неполно». Отличие прошлого и настоящего только в том, что тогда Розанов еще мог говорить о *высшем благе*, признаваемом всеми народами во все времена.

К чему обратиться?

К умным средствам.

Первое — *учение о естественных процессах*, что ведут к естественным конечным целям жизни, определенным естественными нуждами. Но такое учение должно быть дополнено учением о преднамеренно осуществ-

вляемых *искусственных* процессах, которые могли бы отклонить историческое развитие человеческой природы и жизни от некоторого естественного зла, мешающего достижению идеальных конечных целей. Государственность сопрягается с просвещением, где создается общность их интересов. Этот взгляд Розанов, дополняя и совершенствуя обращением к историческим реалиям, развивал на всем протяжении творчества.

Необходимо проблематизировать просвещение как особого рода жизненное *утверждение*. Следовательно, должны быть позиционированы *силы*, посредством которых можно творчески и ответственно осуществлять *образование* и *просвещение*. И нужно прислушаться к словам П. Слотердайка о том, что сегодня образование отделяется от своих целей и превращается в абстрактный квалификационный признак. «Содержательная сторона» с циническим реализмом обесценивается, превращаясь просто в какую-то предварительную тренировку, в университетский «общий треп».¹ Розанов как раз стремился расположить просвещение в актуальном поле действия жизненных сил. Культура и образование пребывают в едином событии: только там будет действи-

¹ Слотердаик П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А. В. Перцева. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2001. С. 332—333.

тельное просвещение, где образ мира обладает пульсирующей жизненной силой, природностью, энергией утверждения. Ведь и культура начинается там, где «начинается любовь, возникает привязанность; где взгляд человека, неопределенно блуждавший повсюду, на чем-нибудь останавливается и уже не ищет отойти от него. ... Предметом культа может быть все в меру духовных даров того, в ком культ. Им может быть земля, с любовью и вниманием возделываемая, когда человек смотрит на нее, как на „кормилицу“ свою, детей своих, своих предков... » (В. В. Розанов).

Первое необходимое условие просвещения, согласно Розанову, — *принцип индивидуальности*. Человек должен иметь дело с особенным и неповторимым, тем самым взращивая неповторимо и творческое в самом себе. «Человек вообще» — это всегда утрата лица и личности. «В противоположность животному, которое всегда есть род, вид, разновидность, — человек есть всегда особенное».¹ Значима неповторимость живых образов произведения или судьбы. Имя должно быть одето живою плотью — принцип индивидуальности необходимо соотносить с каждым моментом образования и просвещения. Возникает в таком случае непосредственное действенное

¹ Розанов В. В. Сумерки просвещения. С. 92.

переживание — вот та сила, которая движет просвещение.

Далее — принцип *целостности*. И обязательное условие — отсутствие разорванности позиций, *непротиворечивость* знания. Розанов говорил о том, что востребовано не только в его времени, но и сегодня: актуальны смыслы живой традиции образованности. Еще действуют ценности подвига, преданного отношения к ремеслу, сохранения жизни в духовной и телесной чистоте. А свобода, ее личностное переживание, отмечал Розанов, утрачивается в казенном характере учебных заведений.

Розанов актуализировал антропологию просвещения и образования с *человеческим лицом*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Когда кончатся все вещи,
Бог поставит мир «на другой
конец», и тогда все вещи, как
в песочных часах песок, нач-
нут течь обратно и время
возобновится.*

В. В. Розанов

Почти каждая из тем, рассмотренных Розановым, требует внимательного вдумывания, всматривания и вслушивания — в слово, в образ, в интонацию. Особенность его письма, что вовсе не означает принятия всего сказанного, — вовлечение читателя, преодоление равнодушия, приглашение в совместное странствие: «„Помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи“ — вот самая серьезная мысль» (В. В. Розанов). Анализ его произведений можно было бы назвать *восходящим чтением* — Розанов поднимается в осмыслении вопросов жизни, пристально вглядываясь в их

становление, но остается верен исходной жизненно-творческой интуиции.

Чем ум и сердце успокоятся?

Сердце и ум не успокаивается перед такими вопросами, которые ставил Розанов.

Писатель-мыслитель пребывал в ситуации *выбора* — жизнь, историю и собственную *авто-био-графию* выводил на свет в письме. *Настроенность* творческого ландшафта Розанова совершалась в архитектонике изначально определенного *понимания*. Событийно ориентированное сознание проблематизирует *настоящее* и мыслит в горизонте *будущего*. Писатель-мыслитель создает особый извод письма — в его творчестве жизнестроение и публицистика пребывают в соотношении с эстетическим сознанием и этикой поступка.

Можно сказать, что в творчестве Розанова представлен опыт разработки основных классических областей философии и заложено формирование новых стратегий мысли, что связано прежде всего с проблематикой *письма*. И возможность проникновения мысли Розанова в глубины сложнейших проблем веры, крови, семьи, любовности, смерти достигается во многом именно потому, что бесстрашно разворачивается опыт письма, наследуя исходные темы *потенциальности*, *семени* и *цели*. Розанов в отношении к России исходил из неизменного абсолютного настроения («Любить, верить и служить России...»). И вместе с тем

множество сожалений и упреков («У нас нет совсем *мечты* своей Родины»; «„Пусто“ *правительство*, от мысли, от убеждения. Но не утешайтесь — пусты и университеты. Пусто *общество*»; «Дана нам *красота* невиданная. И богатство неслыханное. Это — Россия. Но глупые дети все растратили. Это русские»). И все-таки преобладает любовное понимание («Любовь к Родине чревна; «Я стою только за Русь») — из этого семени растет утверждение жизни.

Творчество Розанова созвучно жизненно-мировым, антрополого-эстетическим и социально-действенным практикам. Соответственно представлено актуальное *русское письмо* — как манифестированное послание жизни и миру.

Как относиться к творчеству Розанова? Можно непримиримо спорить, от этого тоже прирастают наследие Розанова и современная мысль. Можно событийствовать в мысли.

Но непременно — думать, быть с Розановым.

«Произносится имя Бога, да только неизвестно когда» (В. В. Розанов).

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Выньте, так сказать, *из самого существа* мира молитву, — сделайте, чтобы язык мой, ум мой разучился словам ее, самому делу ее, существу ее; — чтобы я этого *не мог*, люди этого *не могли*: и я с выпученными глазами и ужасным воем убежал бы из дому, и бежал, бежал, пока не упал. Без молитвы совершенно нельзя жить... Без молитвы — безумие и ужас.

Но это все понимается, когда плачется... А кто не плачет, не плакал, — как ему это объяснить? Он никогда не поймет. А ведь много людей, которые никогда не плачут.

Как муж — он не любил жену, как отец — не заботился о детях; жена изменила — он «махнул рукой»; выгнали из школы сына — он обругал школу и отдал в другую. Скажите, что такому «позитивисту» скажет религия? Он пожмет плечами и улыбнется.

* Выдержки даны из произведений В. В. Розанова «Уединенное» и «Апокалипсис нашего времени».

Да: но он — не *все*. [...]

Религиозный человек предшествует всякой религии, и «позитивный человек» родился гораздо раньше Огюста Конта.

(за нумизматикой).

* * *

Мне и одному хорошо, и со всеми. Я и не одиночка и не общественник. Но когда я один — я полный, а когда со всеми — не полный. Одному мне все-таки лучше.

Одному лучше — потому, что, когда один, — я с Богом.

Я мог бы отказаться от даров, от литературы, от будущности своего я, от славы или известности — слишком мог бы; от счастья, от благополучия... не знаю. Но от Бога я никогда не мог бы отказаться, Бог есть самое «теплое» для меня. С Богом мне «всего теплее». С Богом никогда не скучно и не холодно.

В конце концов, Бог — моя жизнь.

Я только живу для Него, через Него. Вне Бога — меня нет.

Что такое Бог для меня?.. Боюсь ли я Его? Нисколько. Что Он накажет? Нет. Что Он даст

будущую жизнь? Нет. Что Он меня питает? Нет. Что через Него существую, создан? Нет.

Так что же Он такое для меня?

Моя вечная грусть и радость. Особенная, ни к чему не относящаяся.

Так не есть ли Бог «мое настроение»?

Я люблю того, кто заставляет меня грустить и радоваться, кто со мной говорит; меня упрекает, меня утешает.

Это Кто-то. Это — Лицо. Бог для меня всегда «он». Или «ты»; — всегда близок.

* * *

Мой Бог — особенный. Это только *мой* Бог; и еще ничей. Если еще «чей-нибудь» — то этого я не знаю и не интересуюсь.

«Мой Бог» — бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность. Интимность похожа на воронку, или даже две воронки. От моего «общественного я» идет воронка, суживающаяся до точки. Через эту точку-просвет идет только один луч: от Бога. За этой точкой — другая воронка, уже не суживающаяся, а расширяющаяся в бесконечность: это Бог. «Там — Бог». Так что Бог

1) и моя интимность

2) и бесконечность, в коей самый мир — часть.

* * *

Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. «Пренесносный Щедрин». Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает.

Между тем я, бесспорно, и презираю русских, до отвращения. Аномалия.

Авраама призвал Бог: а я сам призвал Бога... Вот вся разница.

(за нумизматикой).

Правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и *Бог* начинался бы *не с правды* — он — *не* Бог, и небо — трясина, и солнце — медная посуда.

(на обороте транспаранта).

* * *

Как бы Б. на веки вечные указал человеку, где можно с ним *встретиться*.

«Ищи меня не в лесу, не в поле, не в пустыне», ни — «на верху горы», ни — «в долине низу» — «ни в водах ни под землею», а... где Я заключил завет «с отцом вашим Авраамом».

Поразительно. Но куда же это приводит размышляющего, доискивающегося, угадывающего?

Но, в таком случае, как *понятно*, почему а-сексуалисты суть в то же время а-теисты: они «не встречаются с Богом», «не видели», «не слышали», «не знают».

* * *

Душа есть *страсть*.

И отсюда отдаленно и высоко: «Аз есмь огонь поедающий» (Бог о Себе в Библии).

Отсюда же: талант нарастает, когда нарастает страсть. Талант есть страсть.

* * *

Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет: и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали».

Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой, и он именно *мой день*, а не Сократа или Спинозы.

(вагон).

* * *

Двигаться хорошо с запасом большой тишины в душе; например, путешествовать. Тогда все кажется ярко, осмысленно, все укладывается в хороший результат.

Но и «сидеть на месте» хорошо только с запасом большого движения в душе. Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от «сиденья» его двинулись миры.

* * *

Знаете ли вы, что религия есть самое важное, самое первое, самое нужное? Кто этого не знает, с тем не для чего произносить «А» споров, разговоров.

Мимо такого нужно просто *пройти*. Обойти его *молчанием*.

Но кто это знает? Многие ли? Вот отчего в наше время почти *не о чем*, и *не с кем* говорить.

Связь пола с Богом — большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом, — выступает из того, что все а-сексуалисты обнаруживают себя и а-теистами. Те самые господа, как Бокль или Спенсер, как Писарев или Белинский, о «поле» сказавшие не больше слов, чем об Аргентинской республике, очевидно не более о нем и думавшие, в то же время до того изумительно атеистичны, как бы никогда до них и вокруг них и не было никакой религии. Это буквально «некрещенные» в каком-то странном, особенном смысле. Суть «метерлинковского поворота» за 20—30 лет заключалась в том, что очень много людей начали «смотреть в *корень*» не в прутковском, а в розановском смысле: стал всем интересен *его* пол, *личный* свой пол. Вероятно, тут произошло что-нибудь в семени (и яйце): замечательно, что теперь стали *уже рождаться* другими, чем лет 60—70 назад. Рождается «новая генерация»... Одна умная матушка (А. А. А-ова) сказала раз: «Перелом теперь в духовенстве все больше сказывается в том, какое множество *молодых матушек* страдает бесплодием». Она недоговорила ту мысль, которую через год я услышал от нее: именно, что «не жены священников не зачинают; а их *мужья не имеют сил зачать в них*». Поразительно.

Вот в этом роде что-то произошло и во всей метерлинковской генерации. Произошло не в образе мыслей, а в поле; — и *уже потом и в образе мысли*.

* * *

Семья есть самая *аристократическая* форма жизни... Да! — при несчастиях, ошибках, «случаях» (ведь «случаи» бывали даже в истории Церкви) все-таки это единственная аристократическая форма жизни.

* * *

Удивительно, как я уделывался с *ложью*. Она никогда не мучила меня. И по странному мотиву: «А какое вам дело до того, что я *в точности* *думаю*», «чем я *обязан* говорить свои настоящие мысли». Глубочайшая моя субъективность (пафос субъективности) сделала то, что я точно всю жизнь прожил за *занавескою*, неснимаемою, нераздираемою. «До этой занавески никто не смеет коснуться». Там я жил; там, *с собою*, был правдив... А что говорил «по сую сторону занавески», — до правды этого, мне казалось, никому дела нет. «Я должен говорить *полезное*». «Ваша критика простирается только на то, *пользу ли* я говорю» — «да и то условно: если вред — то *не принимайте*». Мой афоризм в 35 лет: «Я пишу не на гербовой бумаге» (т. е. всегда можете разорвать).

Если, тем не менее, я в большинстве (даже всегда, мне кажется) писал искренне, то это не по любви к правде, которой у меня не только не было, но «и представить себе не мог», — а по

небрежности. Небрежность — мой отрицательный пафос. Солгать — для чего надо еще «выдумывать» и «сводить концы с концами», «строить», — труднее, чем «сказать то, что́ есть». И я просто «клат на бумагу, что́ есть»: что́ и образует всю мою правдивость. Она натуральная, но она не нравственная.

«Так расту»: «и если вам не нравится — то и не смотрите».

Поэтому мне часто же казалось (и, может быть, так и есть), что я самый правдивый и искренний писатель: хоть тут не содержится ни скрупула нравственности.

«Так меня устроил Бог».

* * *

Слияние своей жизни, *fatum'a*, особенно мыслей и, главное, писаний с Божеским «хочу» — было постоянно во мне, с самой юности, даже с отрочества. И отсюда, пожалуй, вытекла моя небрежность. Я потому был небрежен, что какой-то внутренний голос, какое-то непреодолимое внутреннее убеждение мне говорило, что все, что я говорю — хочет Бог, чтобы я говорил. Не всегда это бывало в одинаковом напряжении: но иногда это убеждение, эта вера доходила до какой-то раскаленности. Я точно весь делался *густой*, душа делалась густой, мысли совсем приобретали особый строй, и «язык сам говорил». Не всегда в таких случаях бывало перо под

рукой: и тогда я *выговаривал*, что́ было на душе... Но я чувствовал, что в «выговариваемом» был такой напор силы («густого»), что не могли бы стены выдержать, сохраниться учреждения, чужие законы, чужие тоже «убеждения»... В такие минуты я чувствовал, что говорю какую-то абсолютную правду, и «под точь-в-точь таким углом наклона», как это есть в мире, в Боге, в «истине в самой себе». Большею частью, однако, это не записалось (не было пера).

* * *

Чувства *преступности* (как у Достоевского) у меня никогда не было: но всегда было чувство бесконечной своей *слабости*...

Слабым я стал делаться с 7—8 лет... Это — странная потеря своей воли над собою, — над своими поступками, «выбором деятельности», «должности». Например, на факультет я поступил потому, что старший брат был «на таком факультете», без всякой умственной и вообще без всякой (тогда) связи с братом. Я всегда шел «в отворенную дверь», и мне было все равно, «которая дверь отворилась». Никогда в жизни я не делал *выбора*, никогда в этом смысле не *колебался*. Это было странное безволие и странная безучастность. И всегда мысль «Бог *со мною*». Но «в какую угодно дверь» я шел не по надежде, что «Бог меня *не оставит*», но по единственному интересу «к Богу, который *со мною*», и по вытек-

шей отсюда безынтересности, «в какую дверь войду». Я входил в дверь, где было «жалко» или где было «благодарно...» По этим двум мотивам все же я думаю, что я был добрый человек: и Бог за это многое мне простит.

* * *

Сколько у нас репутаций если не литературных (литературной — ни одной), то журнальных, обмоченных в юношеской крови. О, если бы юноши когда-нибудь могли поверить, что люди, никогда их не толкавшие в это кровавое дело (террор), любят и *уважают* их, — бесценную вечную их душу, их темное и милое «будущее» (целый мир), — больше, чем эти их «наушники», которым они доверились... Но никогда они этому не поверят! Они думают, что одиноки в мире, покинуты: и что одни у них остались «родные», это — кто им шепчет: «Идите впереди нас, мы уже стары и дрянцо, а вы — героичны и благородны». Никогда этого шепота дьявола не было разобрано. Некрасов, член английского клуба, партнер миллионеров, толкнул их более, чем кто-нибудь, стихотворением: «Отведи меня в стан *погибающих*». Это стихотворение поистине все омочено в крови. Несчастнее нашего юношества, правда, нельзя никого себе вообразить. Тут проявляется вся наша действительность, «похожая (по бессмыслию) на сон», поддерживавшая в юношах эту черную и горькую мысль

(«всеми оставлены»). В самом деле, что́ они видели и слышали от чугунных генералов, от замороженных статских советников, от «аршинников-купцов», от «всего (почти) российского народа». Но, может, они вспомнят старых бабушек, старых тетей... Вот тут просвет. Боже, как ужасна наша жизнь, как действительно мрачна.

* * *

Если кто будет говорить мне похвальное слово «над раскрытою могилою», то я вылезу из гроба и дам пощечину.

(28 декабря 1911 г.).

* * *

Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости.

ЛИТЕРАТУРА

- Розанов В. В.* Автобиография В. В. Розанова (Письмо В. В. Розанова к Я. Н. Голубовскому) // Розанов В. В. Юдаизм. Статьи и очерки 1898—1901 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009.
- Розанов В. В.* Актер // Розанов В. В. Среди художников. М.: Республика, 1994.
- Розанов В. В.* Алекс. Андр. Иванов и картина его «Явление Христа народу» // Розанов В. В. Среди художников / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994.
- Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1—10 // Розанов В. В. Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000.
- Розанов В. В.* «Бабы» Малявина // Розанов В. В. Среди художников / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994.
- Розанов В. В.* Великороссия и Украина на Киевских съездах 25 марта—8 апреля // Розанов В. В. В чад войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* В чем главный недостаток «наследства 60—70-х годов?» // Розанов В. В. Сочинения / Сост.,

- подгот. текста и коммент. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской. Вступ. ст. А. Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1990.
- Розанов В. В.* Где истинный источник «борьбы века»? Рец.: Л. Тихомиров. Борьба века. М., 1895 // Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М.: Изд. «Правда», 1990.
- Розанов В. В.* Две философии. (Критическая заметка) // Розанов В. В. Природа и история. Статьи и очерки 1904—1905 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Европейская культура и наше к ней отношение // Розанов В. В. Сочинения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской. Вступ. ст. А. Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1990.
- Розанов В. В.* Еще о гр. Л. Н. Толстом и его учении о несопротивлении злу // Розанов В. В. О писательстве и писателях / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995.
- Розанов В. В.* Задумалась // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Из мира слепых // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Из последних листьев. Запущенный сад // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Из последних листьев. Солнце // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.

- Розанов В. В.* Из таинств Христовых // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1—10 / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000.
- Розанов В. В.* Как хорошо иногда «не понимать» // Розанов В. В. Сочинения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской. Вступ. ста. А. Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1990.
- Розанов В. В.* Мечта в шелку // Розанов В. В. О себе и жизни своей / Сост., предисл., коммент. В. Г. Сукача. М.: Московский рабочий, 1990.
- Розанов В. В.* Молящаяся Русь. (На выставке картин М. В. Нестерова) // Розанов В. В. Среди художников / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994.
- Розанов В. В.* Наше словесное величие и деловая малость // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* На улице // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Об античных монетах // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Обращение к евреям // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000.
- Розанов В. В.* Около трудных религиозных тем // Розанов В. В. В чадую войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* О либерализме как некотором общем духе // Религия и культура. Статьи и очерки 1902—

- 1903 г. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990.
- Розанов В. В.* О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / Подгот. текста и коммент. В. Г. Сукача. Вступ. ст. В. В. Биbihина. М.: Танаис, 1996.
- Розанов В. В.* П. А. Флоренский об А. С. Хомякове // Розанов В. В. В чадy войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Перехожу в еврейство // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000.
- Розанов В. В.* Петр Великий и Петербург // Розанов В. В. Религия и культура. Статьи и очерки 1902—1903 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* От лучинки к лучинке // Розанов В. В. В чадy войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* О Пушкинской академии // Розанов В. В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989.
- Розанов В. В.* Ответы В. В. Розанова на анкету Нижегородской губернской ученой архивной комиссии // Розанов В. В. О себе и жизни своей / Сост., предисл., коммент., указатели, подгот. текста В. Г. Сукача. М.: Московский рабочий, 1990.
- Розанов В. В.* Онтология // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000.
- Розанов В. В.* Письмо П. Перцову // Воспоминатели мгновений. Переписка и взаимные рецензии Василия

- Розанова и Петра Перцова. 1911—1916 / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2015.
- Розанов В. В.* Попы, жандармы и Блок // Розанов В. В. О писательстве и писателях / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995.
- Розанов В. В.* Предисловие к «В Сахарне» // Розанов В. В. Сочинения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской. Вступ. ст. А. Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1990.
- Розанов В. В.* Рассказ простой женщины // Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки 1916—1918 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
- Розанов В. В.* Судьбы нашего журнального консерватизма // Розанов В. В. Юдаизм. Статьи и очерки 1898—1901 / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009.
- Розанов В. В.* Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.
- Розанов В. В.* Уединенное // Розанов В. В. О себе и жизни своей / Сост., предисл., коммент. В. Г. Сукача. М.: Изд. «Правда», 1990.
- Розанов В. В.* Эстетическое понимание истории // Розанов В. В. О писательстве и писателях / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995.
- Розанов В. В.* Юдаизм. Статьи и очерки 1898—1901 гг. / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009.
- Агамбен Дж.* Что такое повелевать? / Пер. предисл. с франц. М. Лепиловой; пер. с итал. и примеч. Б. Скуратова. М.: GRUNDRISSE, 2013.
- Агамбен Д.* Пилат и Иисус / Пер. с итал. и примеч. М. Лепиловой; послесл. А. Скидана. М.: GRUNGRISSE, 2014.

- Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1919 / Публик., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М.: Прогресс—Плеяда, 2001.
- Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. М. Кукарцевой, Е. Коломоец, В. Кашаева. М.: Прогресс—Традиция, 2009.
- Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (ПОСТ)ФЕНОМЕНОЛОГИЯ. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / Пер. с франц. А. С. Детистовой, В. В. Земскова и др. / Сост.: С. Шолохова, А. Ямпольская. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2014.
- Бадью А. Делез. Шум бытия / Пер. с франц. Д. Скопина. М., 2004.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Барабанов Е. В. В. В. Розанов // Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М.: Изд. «Правда», 1990.
- Бердяев Н. А. Христос и мир. Ответ В. В. Розанову // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. II / Сост. В. А. Фатеев. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1995.
- Бердяев Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. II / Сост. В. А. Фатеев. СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1995.
- Бибихин В. В. Время читать Розанова // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Бибихин В. В. Детский лепет // Бибихин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал АУРСС, 2001.

- Бибихин В. В.* К метафизике другого // Начала. 1992. № 3 (5).
- Бибихин В. В.* К переводу «Метафизики» Аристотеля // Бибихин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал—АУРСС, 2001.
- Бибихин В. В.* Толкование сновидений // Бибихин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал АУРСС, 2001.
- Бибихин В. В.* Язык философов // Бибихин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал АУРСС, 2001.
- Блок Александр.* «Религиозные искания» и народ // Блок Александр. Очерки, статьи и речи. Из дневников и записных книжек. Письма / Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955.
- Брагинская Н. В.* Влажное слово: византийский автор об эротическом романе. М.: Изд. РГГУ, 2003.
- Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: Кн. I—II / Изд. подгот. В. А. Фатеев. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1995.
- Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Воспоминатели мгновений. Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911—1916 / Изд. подгот. А. Дмитриев и Д. Федоров. СПб.: Росток, 2015.
- Вульф К.* Вместо предисловия: неопределенность как условие человеческой жизни / Пер. с нем. Е. Смолоногой // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / Отв. ред. К. Вульф, В. В. Савчук. СПб.: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2013.
- Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Т. 2. М.: Наука, 1971.
- Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / Пер. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992.

- Вежбицкая А.* Толкование эмоциональных концептов // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996.
- Гадамер Г. Г.* Философские основания XX века // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
- Гоготшивили Л. А.* Религиозно-философский статус языка. Послесловие // Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993.
- Грякалов А. А.* Письмо и опыт веры: литературное представление (Александр Пушкин — Василий Розанов — Сигизмунд Кржижановский) // Russian Studies. Vol. 19. № 2. Seoul, 2009.
- Грякалов А. А.* Понимание и письмо: опыт В. В. Розанова // Русская литература. 2006. № 6.
- Грякалов А. А.* Русский космизм в пространстве интерпретаций // Философия космизма и русская литература. (Материалы Международной конференции «Космизм и русская литература». К столетию со дня рождения Николая Федорова, 23—25 октября 2003 г.) / Ред.-сост. Корнелия Ичин. Белград: Изд. Филологического факультета в Белграде, 2004.
- Грякалов А. А.* Третий и философия встречи // М. М. Бахтин: pro et contra. Т. 2 / Сост. и коммент. К. Г. Исупова. СПб: Изд. Российского Христианского гуманитарного института, 2002.
- Грякалов А. А.* Эстетическое и политическое в контексте пост-современности: топос *HOMO AESTHETICUS* // Вопросы философии. 2013. № 1.
- Гумбрехт Х. У.* Производство присутствия. Чего не может передать значение / Пер. с англ. С. Зенкина. М.: Изд. НЛЮ, 2006.
- Э. Г<оллербах>. О «двуликом» // Вестник литературы. 1918. № 8.

- Гусев С. С. Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб.: Алетейя, 2002.
- Делез Ж. Ницше / Пер. с франц. С. Л. Фокина. СПб.: Аксиома, Кольна, 1997.
- Деррида Ж. Позиции. Беседа с Жаном-Луи Удбином и Ги Скарпетой // Деррида Ж. Позиции. Пер. В. В. Бибикина. Киев.: Изд. Д. Л., 1996.
- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 9. Л.: Наука, 1991.
- Дурылин С. Н. В. В. Розанов // Василий Васильевич Розанов. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. 1 / Сост., вступ. ст., примеч., библиограф. В. А. Фатеева. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1995.
- Жирар Р. Достоевский. От двойника к единству // Жирар Р. Критика из подполья / Пер. с франц. Н. Мовниной. М.: Изд. НЛО, 2012.
- Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. М.: Художественный журнал, 1999.
- Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Издательский дом ДЕЛЮ, 2014.
- Жуков В. Н. О государстве и праве // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегии смысла в Китае и Греции / Пер. с франц. В. Лысенко. М.: Московский философский фонд, 2001.
- Зедльмайер Х. Искусство и истина. О теории и методе истории искусства / Пер. с нем. С. С. Ванеяна. М.: Искусствознание, 1999.
- Злыднева Н. В. Мифология света и электричества в живописи 1920-х годов // «Вечные» сюжеты и образы

- в литературе и искусстве русского модернизма. М.: Индрик, 2015.
- Едошина И. А.* Мифы Розанова и мифы о Розанове // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Иванова Е. В.* Апокалипсис литературы // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Ильин И. А.* Из переписки И. А. Ильина и И. С. Шмелева // Иван Александрович Ильин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост., вступ. ст., примеч. И. И. Евлампиева. СПб.: Изд. Российского христианского гуманитарного института, 2004.
- Исупов К. Г.* Ряса и сюртук (Петербургские религиозно-философские собрания как тип риторического поведения) // Империя и религия. К 100-летию Петербургских религиозно-философских собраний 1901—1903 гг. Материалы Всероссийской конференции / Отв. ред. А. И. Тафинцев. СПб.: Алетейя, 2006.
- Камнев В. М.* Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб.: Наука, 2010.
- Кант И.* Конец всего сущего // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
- Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Наука, 1966.
- Козырев А. П.* Розанов и Соловьев: диалог в поисках Другого // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Корольков А. А.* Уроки В. В. Розанова в поисках религиозного самоопределения интеллигенции // Христиан-

- ское чтение. Научно-богословский журнал. Богословие и философия. 2014. № 5.
- Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / Пер. с дат. И. Исаевой и С. Исаева. СПб.: Изд. СПбГУ, 2005.
- Лаку-Лабарт Ф.* MUSICA FICTA. Фигуры Вагнера / Пер. с франц., послесл. и примеч. В. Е. Лапицкого. СПб.: АХИОМА / АЗБУКА, 1999.
- Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998.
- Ломоносов А. В.* Из истории «Мимолетного» // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Лосев А. Ф.* На рубеже эпох. Работы 1910—1920 годов / Коммент. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.: Прогресс—Традиция, 2015.
- Лосев А. Ф.* Поток сознания и язык // Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд. Моск. ун-та, 1982.
- Лосев А. Ф.* Театрал // Лосев А. Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб.: Изд. АО «Комплект», 1993.
- Лоуэн А.* Предательство тела / Пер. с англ. Е. Пале. Екатеринбург: Изд. «Деловая книга», 1999.
- Малинов А. В.* Очерки по философии истории в России в 2 томах. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2013.
- Махлин В. Л.* Евреи // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008.
- Матич О.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. М.: Изд. НЛЮ, 2008.
- Марьон Ж.-Л.* Перекрестья видимого / Пер. с франц. Н. Сосна. М.: Прогресс—Традиция, 2010.
- Мильчарек М.* Разорванный человек. Василий Розанов о красоте в природе и ее смысле // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Изд. СПбГУ, 2016. № 20.

- Николюкин А. Н.* Как мыслил Розанов // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Николюкин А. Н.* В. В. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001.
- Николюкин А. Н.* В. В. Розанов среди русских философов его времени // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Носов С. Н.* В. В. Розанов. Эстетика свободы. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.
- Палиевский П. В.* Розанов — мыслитель // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Палиевский П. В.* Розанов и Флоренский // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Паршин А. Н.* Розанов и наука // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008.
- Савчук В. В.* Новые медиа — новые формы насилия // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / Вульф К., Савчук В. В. СПб.: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2013.
- Сергеев К. А., Слинин Я. А.* «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания // Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992.
- Серно П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920—1930 гг. Авторизованный пер.

- с франц. Н. С. Автономовой. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Слотердайк П.* Критика цинического разума / Пер. с нем. А. В. Перцева. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2001.
- Сукач В. Г.* Загадка личности Розанова // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990.
- Сукач В. Г.* Ступени роста // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013.
- Фатеев В. А.* Нигилизм // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008.
- Фатеев В. А.* Розанов и славянофильство // Василий Васильевич Розанов. Философия России первой половины XX века / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2012.
- Фатеев В. А.* Читатель // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008.
- Федякин С.* О последней книге Василия Розанова // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1—10 / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000.
- Философов Д. В.* Рец.: В. В. Розанов. «Около церковных стен», тт. I и II. СПб., 1905—1906 // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. II / Сост. В. А. Фатеев. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1995.
- Фуко М.* О трансгрессии // Танатография эроса / Сост., пер., коммент. С. Л. Фокина. СПб.: Мифрил, 1994.

- Халикова Н. В.* Идиоматика // Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008.
- Хайдеггер М.* Ницше. Т. 1 / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2006.
- Хайдеггер М.* Размышления II—VI. (Черные тетради. 1931—1938) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Изд. Института Гайдара, 2016.
- Шкловский В. Б.* Розанов // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: Кн. II / Изд. подгот. В. А. Фатеев. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1995.
- Шмид В.* Шкловский, Набоков и Олеша — «остранение», палиндромы и «невидимая сторона внимания и воображения» // The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Pt. 1 / Ed. by D. M. Bethea, L. Fleishman, A. Ospovat. Stanford Slavic Studies. Vol. 33. 2007.
- Шперк Ф. Э. В. В.* Розанов (Опыт характеристики) // Василий Васильевич Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. I / Сост. В. А. Фатеев. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 1995.
- Шпет Г. Г.* Проблемы современной эстетики // Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007.
- Щеглов А. П.* Неведомый Бог. М.: Изд. дом «Миръ», 2008.
- Яковлева Н.* «Человеческий документ» (Материалы к истории понятия) // История и повествование. Хельсинки — Москва: Изд. НЛЮ, 2006.
- Bockemuhl M.* Wirklich sehen — Chancen künftigen Geisteswissenschaften // Die Geisteswissenschaften im Span-

- nugsfeld zwischen Moderne und Postmoderne / Hrsg. H. Reinhafter, R. Benedikter. Wien, 1998.
- Burini S.* Типология натюрморта в литературе (на материале XX века) // SLAVICA TERGESTINA. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. Т. 8. Trieste, 2000.
- Grjakalov A.* The image of man in the philosophy of V. V. Rosanov // Russian Studies in Philosophy. Fall. 1993. Vol. 32. № 2.
- Mathauzer Z.* Mezi stylistikou a ontologie // Slavic Poetics / Ed. by R. Jakobson. The Hague; Paris, 1973.
- Stammler H. A.* Vasilij Vasil'evič Rozanov als Philosoph. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 5. Wilhelm Smitz Verlag in Giessen, 1984.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Авто-био-графия	16
Глава II. Исток. О понимании	47
Глава III. Понимание и неопределенность	70
Глава IV. Эстетика жизни: против неопределенности	101
Глава V. Философия человека: творчество как жизнестроение	153
Глава VI. Пол, любовь и этос	176
Глава VII. Экзистенциальная историософия. Апокалиптика в действии	199
Глава VIII. Мíръ и просвещение	243
Заключение	253
Приложение	256
Литература	268
Указатель имен	283

Научно-популярное издание

Алексей Алексеевич Грякалов

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ

Редактор издательства *И. Е. Петросян*

Художник *П. Палей*

Технический редактор *О. В. Новикова*

Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 00.00.2017.

Формат 70 × 90 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10.5. Уч.-изд. л. 9.4.

Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—000 экз.). Тип. зак. № 000

Издатель: Санкт-Петербургский филиал

ФГУП «Издательство «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

www.naukaspb.com